

А. Петров

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

Этот очерк посвящается смелым сибирским партизанам, которые с оружием в руках отстаивали свободу, право жить и трудиться на своей родной земле.

Объединившись в 1918 году, партизаны создали Шиткинский фронт и героическими налетами громили колчаковцев и белочехов в Бирюсе, Тайшете, Шитке и других населенных пунктах. Чтобы лучше осветить ход борьбы, в начале очерка раскрывается прошлое, предшествовавшее началу гражданской войны в Сибири.

Очерк перелачивается из газеты «Сталинский путь», Тайшетского района.

1. Февральской ночью

Всю ночь конторский богат Трифон Матвеевич Гориев не мог сомкнуть глаз. В голову лезла всякая бредь, была поспина (должно быть, к непогоде) и это мучило старика. Он вставал, выцупивая в темноте тусклый свет медушкой и шел жалко, влахлеб. Успокоившись, снова ложился, но сон не приходил. Трифон Матвеевич ворочался с боку на бок, от чего разошлась кровать скрипела на все лады, точно жаловалась на свою старость, вливая выводу хозяина из равновесия. В темноте ему вились лохматые рожи, а за ними стоял кто-то белый, с красным пятном на рубашке, страшный и удивительно знакомый.

Трифона Матвеевича прошибал хозяйный пот, он вскакивал и весь дрожа, закидал лезву. Там притаился по углам, но старика чудилось, что кто-то ходит по избе и порывисто дышит, словно задыхается от злобы.

Вспомнилась прошлогодняя осень, когда он рассчитывал батрака Ефимку. Необязательно, веселого работающего парня с русым молодежатым чубом. Заработал Ефимка в лето до пяти рублей и собирался уехать в Канск. Трифон Матвее-

вич с дрожью в руках отсчитал медники и, проважая деньги алчным взглядом, неожиданно предложил:

— Дай-ка, паря, до тракта подброшу. Азь и покажею для работничка лошади? Садись!

Дорогой Ефимка рассказывал смешные истории. Трифон Матвеевич поддельно смеялся, а когда доехали до глухой тайги, он выхватил из-под соломы топор и наотмашь ударил батрака в голову...

И вот призрак причется в углах избы, точно преследует своего бывшего хозяина, обросший, костлявый, с привалами вместо глаз.

Только под утро Трифон Матвеевич забылся тревожным сном. Ему снились загубленный батрак, гравер, который тайно чеканил для него фальшивые монеты, а потом тот успокоился в тайге. Гравер, что-то кричал хозяину, бешено стуча формочным молотком по столу, и Трифон Матвеевич проснулся от страха. В ставни пробивались алые лучи февральского солнца, а дверь дихорачило от удара:

— Гориев! Проснись, черт ты ладери! — услыхал старик голос урядника.

Ввалившись в избу, урядник принес с собой аромат таяющего снега и кислотоватый запах самогона.

— Ну и спишь! Все царство небесное проспал. Ох и удалцы вы насчет сна! Тут, брат, такое случилось, что тошно сказать.

Трифон Матвеевич, шлепая по полу босыми ногами, подлиннул уряднику табуретку, налил ковш медушки.

— Чего шумишь? Выпей-ка с устатку, за говори толком.

Призерлав пальцами прокуренную усю, урядник опрокинул медушку в щербатый рот и, отглатываясь, пробасил:

— Цари-батюшку с престола спинули.

Гориева словно обухом по голове ударили.

— Бреешь, Гаврил Накитич!

Азь с похмелья ум-разум вышибло. Такое мелешь... — и стал дихорачило напоминать кувшин медушкой.

— Какой там бреешь. Вот она бумага! Читай! Только, паря, зри сумлеваешься. И без пари жить можно. Президента постави. А президент работающему мужику самая что ни есть опора. Кумекать надо... Я и то думаю...

Урядник не успел закончить. Широко распахнулась дверь, и в избу вошли трое крестьян. Вошли без разрешения, уверенно, как в свой дом. Что-то торжественно-придичное было запечатлено на их лицах. Вперед вышел крестьянин с лицом интеллигента, подтянутой и стройный.

— Урядник Алехин, — спокойно, но властно сказал он. — именем революция вы арестованы.

Только теперь понял Трифон Матвеевич, что случилось что-то непонятное. В интеллигентном крестьянине он узнал подлого царя Бича, про которого ходили слухи, будто приехал он еще в 1908 году в Сибирь из России людьми, называвшими себя непонятным словом — большевики.

2. „Оцы“ деревень

В большом пятистенном доме Германа Степановича Грибанова все было поставлено вверх дном, как это бывает накануне большого праздника. Сустилась прислуга: жарил гусей, кур, поросит, накрывал столы. Сам Герман Степанович в алой шелковой рубахе, подпоясанный цветным кушаком, вышел во двор встретить гостей. Подъезжали дикие тройки из Бирюсы, Конторки, приехали байроновские кулаки, а всех позже, соблюдая неписанные законы соседства, появились колески тайшетских богачей. Сам Грибанов, небрежно засучив рукава, густо пересыпая приветствия шуточными прибаутками, помогал распрягать лошадей и широко жес-

том, как хлебосольный хозяин, приглашал гостей в горницу.

Гости усаживались за длинным столом, покрытым зеленым бархатом. Стол ломился от обилия закусок: здесь были кавказские фрукты, печенье, французский коньяк, ароматное варенье, приготовленное из таящих ягод, множество рыбных и мясных блюд. В центре стола красовалась четверть закрашенного первача, без которого не обходилась ни одна попойка.

Рядом с хозяином уселся его сын с женой, чуть поодаль — урядник, недавно освобожденный из-под стражи по приказу Керенского, дальше шли конторские богачи: Гориев, Сидоров, бирюсинские торговцы Мамаев и Кузеев с супругами. По правую сторону Грибанова поселилась тайшетская знать: купец Каверзин, кулак Зуевский, Какауров и ряд других, помещал.

— Господа! — важно произнес Грибанов, поднимая наполненный самогонем бокал. — Мы ъдем за новую власть, за будущего президента, дай ему бог счастья, мы ъдем за крепкого сибирского мужика! Ура! — и залпом выпил самогон.

Гости застучали вилками, задвигали челюстями. Кое-кто, жадно озирая съестное, без стеснения расстегивал ремень на животе. После первого бокала с ног сшибающего первача горница наполнилась хмельным гомоном голосов, весельем. Урядник поднялся с места и, расцеловав коньяк, торжественно заговорил:

— Господа! Прону внимания, господа! Я предлагаю тост за Керенского — нашего спасителя и брата! Смутьяны-большевики хотели запрятать нас подальше. Не вышло... А с бунтарями мы еще поговорим. Да, поговорим. За процветание Российской Республики, господа!

Скоро сделалось совсем шумно. Загудел граммофон, и гости пошав в пляс.

Только Гориев сидел троп.

вый и расстроенный. Где-то в глубине комнаты лирилось тоскливое предчувствие, терзало его душу.

Он подошел к Грибанову и опустил свою тяжелую руку ему на плечо.

— Не хорошо мне, — пожаловался он. — Бред по ночам, бессонница, черти мерещатся... К чему бы это?

Грибанов иловито усмехнулся и, пряча улыбку в густую бороду, сказал:

— Монетки фальшивые бодают? А ты их того — вен на матраца. Или еще что беспокоит?..

— Те-е, — Гориев приложил палец к губам, — перовей час. Время-то какое. Ноне Керенский — завтра дьявол с кочергой. Тут стены уши имеют.

Он закашлялся и умолк, почувствовав, что еще нечего рассказать все.

— Ерунда, Матвеевич! Бунтовщиков — к ногтю, а ты живи — лови минуты и точка. А мужичкам в церкви свечу поставь, царствие им небесное!

Гориев слушал и опускал голову все ниже. Он знал, что у Грибанова тоже совесть почесалась. Каждый год находит моста, что проложен над рекой Акульш-ткой близ грибановских пашен, трупы батраков. Местные жители боятся ходить ночью через мост. Так и называют его Грибановским мостом. Сколько полегло тай людей! Работают в поте лица, и Герман Степанович платит большие деньги, но... печалуют батраки с лица земли, а шелек Грибанова становится туже. И ноги ж ты, пот волнуется. А тут злых загубил и нет покоя. Эх, старости!

А в горнице разгоралось веселье. Ошалевшие от самогонки и коньяка гости орали, веселились, срывая голоса, плясали, смеясь старались проломить пол, целоваться к хозяину.

Грибанов сидел в углу.

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение. Начало в № 80).

— Герман Степанович! Жить будем, пить будем, а Гича и прочая там Федосеевых и степки Земля захотели. Дай им подайлуста, участок и два аршина. Ха-ха!

Грибанов ходил от одного глота к другому, подивившись и сам над, все шло. Он считал это сборище, чтобы еще раз убедиться в крепости старости. Да, богачи жили, как и прежде. Временное правительство их ничем не поощрило, а беднота...

— Черт с ней. Побеждает в жизни тот, кто силен и богат. Всем невозможно быть свлачачи, как невозможно разбогатеть. А расчет бунтовщиков — их надо к степке, урядник верно сплал.

Герман Степанович оторвал шнур, чтобы найти на свежий воздух. Его слух неприятно резали протискивающие паровозные гудки на станции Тайга и гудок депо завода Тайга нестройным эхом вторила им.

— Пожар, что ли? — возмущал Грибанов.

Кто-то шел к нему, порывисто дыша от быстрой ходьбы.

— Герман Степанович? — спросил неизвестный. — Это и — начальник станции. Герман Степанович, сейчас получена телеграмма. Большевики в Петербурге заняли Зимний дворец. Керенский бежал.

Герман Степанович пошатнулся, земля стремительно поднялась куда-то из-под ног, и он стукнулся головой о стену дома.

Посланец Ильича

Холодным декабрьским вечером 1917 года к Биторго приближался путник. Его одежда не была походя на одежду местных крестьян. В длинном пальто с откинутым широким воротником, в крепких сапогах, он шел не спеша, внимательно разглядывая окрестности.

Деревня лежала перед ним двумя рядами домов, прижавшись к берегу Байрасы. С северо-востока ее опоясывали высокие лесистые холмы, круто обрывающиеся у реки к западу тинулись поля, разделенные перегородками, а дальше, насколько мог увидеть глаз, простиралась необозримое море голубой чащи.

В тайга, и холмы, и поля за околней — все было покрыто снегом.

Внезапный морозом снег злобно похрустывал под ногами, и человек пробавляя шаг, чтобы избежать попасть в деревню.

У околицы его встретила шумная ватага ребятшек. За видом незнакомца, они притихли, дружно утерав носы в заснеженные следы.

— Где полковник упряма?

— Все там, дяденька, как пойдете в Лаванке, будет переконь, а рядом — урядка.

Но незнакомец не спешил в упряму. Он шел прямо по улице, мимо кулацких домов, сложенных из кондового леса, с резными веретями и добротными пристройками. Столбы они са выданных местах, важно глядя в узину причудливой резьбой окон. Показался аспались друг к другу маленькие, под-

снеженные бабушки, покрытые лизимельм драпьем. Здесь, видимо, жила беднота, и незнакомец недовольно хмурился. У одного на дощечке дорожной женщина в томотканной кофте, высоко подняв подол юбки, кормила свиней. Еще издали заметив чужого человека, она уставилась на него стораи от любопытства.

— Здравствуйте, халавонка! — поклонился путник. — Где мне найти кого-либо из урядничков?

Женщина, польщенная вниманием столь важной в ее представлении особы, не заставила долго ждать.

— Их тут много, барин. Крыло есть, Жирон, Федосеев — пидаво пришел подалеченный...

— Раненый? А где он живет?

— Да вот, хата — напротив... Чух, каинные крашны б вас поели! — прикрикнула она на свиней. — Или, барин, Федосеев — то дома, кажись.

В светлой, чистенькой горнице навстречу пришельцу встал еще молодой мужчина в унтер-офицерской форме, крепкий, с загорелым лицом сибиряка.

— Чем могу служить? — спросил он, бесло осматривая посетителя добрыми каганскими глазами.

Незнакомец поздоровался, присел на краешек скамьи, закурил.

— Моя фамилия — Матвеев. Рабочий с Путиловского. Хочу посмотреть ваше житье-бытье.

— Путиловец! — глаза Федосеева сощурились, и улыбка. Как же, знаю... Были у меня в отделение трое петерских. Разведчик и. Э-а, за что там? Кремль ребята были, жестоко крелины!

Матвеев невозмутимо попытался напросой.

— Скажите, тов. Федосеев...

— Николай Филиппович, — позскал фронтовик.

— Скажите, Николай Филиппович, как идут дела в сибирской деревне? Что думают мужики насчет Советской власти?

Федосеев задумался, нервно потарабанил пальцами по обонному столу.

— Мужики пока в неведенье живут, но чутьем к Советам, к Ленину тянутся. Наша она, власть-то. Тут, паря, как ни крути, а на одно выходит — либо зрком шее крованить, либо халавном на земле халить. Дурак поймет.

— Ну, допустим, не все так думают!

— Что верно, то верно, живодеры не дрежат, все за Учредительное собрание ратуют. Есть тут эсер такой Федоров, из Москвы. Кажется, сын кушпа. До чего же, зараза, на язык обидкой, как пидном молотит. Ну, кое-кто уши развесил...

За окнами стужались сумерки. Федосеев достал с печи сложеное полено, надрал лучину, и, поставив их в каминку, поджег.

— С веросином туго — лучшей обходился, — смущенно попенил он и неожиданно перешел на «ты»: — Ну, давай, товарищ Матвеев, ближе к делу! Извини меня, но как у тебя с документами?

Матвеев улыбнулся и встал:

— Все в порядке. Ты прав, действительность прежде всего. Бог, читай!

И он протянул фронтовнику мандат, подписанный Пылячом.

Мы — за Советы

Коротки декабрьские дни в Сибири. Не успеет солнце познаться над тайгой, как уже снова катится в объятия туманного горизонта, и тогда морозная ночь, разбросав по небу некрытые громады звезд, кажется, длится вечно.

В эти студеные дни и поча все деревни Канского и Аламаевского уездов лихорадила волна собраний и сходок. В прудуренных до желтизны классах приходских школ заставляли до последних петухов, надрывая глотки, стараясь переубедить друг друга.

Больше трех суток подрис спорили на сходке мужики. В тесной школе с низким, обгунленным потолком народу набилось, как сельдей в бочке. Тяжелый дым самосада неподвижно висел над головами, смешивался с острым запахом овчинных пидшубков и пота. Дым настолько густой, что едва можно различить впереди собрания грубо сколоченный стол, за которым сидят трое: путиловский большевик Матвеев, эсер Федоров и местный активист Иван Бич. Их лица смутно вырисовываются в тусклом свете десятиламповой лампы.

Слово просит Матвеев. Крестьяне его уже знают. Почти в каждом безлюдном доме побывал этот душевный, разговорчивый человек. Прилет, поговорит, и у мужика становится светлее на душе, словно разудил его Матвеев от кошмарного сна.

Переводя взгляд с одного крестьянина на другого, путиловец говорит негромко, но в каждом его слове чувствуется глубокая правда.

— Трудовой человек обносился, голодает, а в это время на тайных складах помещиков, буржуев и кулаков гниют тысячи пудов хлеба. Они не могут примириться с народной властью, им нужно такое правительство, которое было бы стороженым меом награбленного ими добра и злой мачехой трудовому человеку.

— Правильно, говорят! Выи у нашего Горлева албары лонится от хлеба, а мы зрем машину ополоам с парой, — выкрикнул кто-то.

— А если правильно, надо сказать свое слово. Видо ванть власть в свои руки. Октябрьская революция свинула таранию Временного правительства, и эти завоевания нужно закрепить в в Сибири. Вот ты, товарищ, — Матвеев обращается к сидишему впереди крестьянину в замлатанном пидшубке — Скажи ты за кого, за народную власть или за живодеров, на которых ты всю жизнь горбонешь?

— Говори, Незвестных, — загудели мужики — рассказали, как в прошлом году Сидоров за долги брал иппенечку по патаку за нуя, а продавал каинево полтора рубан.

Неизвестных мнетен, робко поглядывая в сторону кулака

Сидорова, который равнодушно дышат копейкой, но вдруг, пидмелившись, Незвестных орочает шпану на язык.

— Чело там! Гробит Степан Алексеевич. Как теперь помню, просил, зоачит, у него пиду неманиду пахати, ну, воеь урижай и пришлось отдать за это. В общем и к товарищу присоединился.

— Господа! — поднимается с места эсер Федоров. — Я прошу слова, господа. Большевики воспользовались временными трудностями и хотят нас обвести вдруг пальца. Это фантазеры, господа, они хотят на песке рай постронть. Бред! На дерила пережку не съешь...

Дал угрюмо молчит, слушал эсера. А он, распалился все больше, красный, с черной бородкой кланшиком, театрально взмахивает руками.

— Мы, партия эсеров, за Учредительное собрание, за избрание президента России. Наша опора — в мужике-халавине. Да! В мужике, умеющем рационально вести хозяйство. Мы — за частную инициативу! Россия под руководством партии эсеров станет такой же республикой, как Северо-Американские штаты. А господа Незвестных вы, Матвеев, опутали. Да, опутали. Ему Сидоров при нашей власти сторичей вернет, поможет. Так за кого же вы, Незвестных?

Неизвестных, как загнанный пролик, ежится под взглядом пронзительных глаз эсера. Он смущенно мнет шпанку, краснеет, точно от зубной боли.

— Ежели Степан Алексеевич помогут, то чего же... Я, паря, человек маленький... В общем, я присоединился...

И салится, подавленный, низко опустив печесаную голову.

Собрание нестороженно молчит, только в темноте всыхивают огоньки цыгарок.

И вдруг порывисто вскакивает Бич. При свете лампы его лицо кажется мраморно-блким.

— Ты нам анафему не читай, господаи куец!

— Прошу без фамильярности, — кивакивает Федоров.

— К черту! Советскую власть алвоамал народ своей кровью, а вы где были, эсеры? Горговали, три шкуры с нас зрели злобно с сидоровыми и горбевыми Молчишь! А ты, Незвестных, лабыл, как зетом одним сабаном* на три двора поочередно э-лю пахали? Сколько ты поветей пидтил царя, а потом Керенскому?

— Давно-давно целковых в год, — бурчат Незв стных.

— А сколько у тебя имении?

— Золотка и две десятны.

— А Сидоров да Горбев — по двести десятны за лошадей табей, а платит поветей тоже двенадцать рублей, да ты же их, эти рубан, отработываешь за долги. Так это такую жизнь нам сулит Федоров! Довольно, Ленин сказал: «Хлеб — голодным, землю — крестьянам, мир — народам», и мы пойдем за Лениным, ибо он наш, за рабочих, за бедноту. А эсеры со своим президентом пусть катятся к чертовой матери!

*) Сова на деревянных колесах.

(Продолжение следует).

Деревья стеленившею подат пугла, земля стремительно по- казалась куда-то из-под ног, и он стукнулся головой о стену дома.

Послание Ильича

Холодным декабрьским вечером 1917 года в Конторе приближался путник. Его одежда не была похожа на одежду местных крестьян. В длинном пальто с откинутым широким воротником, в крепких сапогах, он шел не спеша, внимательно разглядывая окрестности.

Деревня лежала перед ним зюма рядами домов, прижавшись к берегу Барысы. С северо-востока ее обволакивали высокие лесистые холмы, круто обрывавшиеся у реки к западу тинуясь поля, раздвоенные переделками, а дальше, насколько мог увидеть глаз, простиралось необозримое море пестрой тачки.

И тайга, и холмы, и поля за обочиней—все было покрыто снегом.

Прихваченный морозом снег звонко хрустел под ногами, и человек приблизил шаг, чтобы быстрее попасть в деревню.

У обочины его встретила шумная ватага ребятиншек. За видом незнакомого, они притихли, дружно утерли носы и засмеялись следом.

— Где волостная управа?

— Вот там, двенадцать, как пойдете в Лавинке, будет церковь, а рядом—урага.

Но незнакомец не спешил в управу. Он шел прямо по улице, мимо кулацких домов, слепенных из кондового леса, с резными воротами и добротными пристройками. Стояли они на видных местах, важно глядя в улицу причудливой резьбой окон. Показалась липидель, друг к другу маленькие, под-

— Мое фамилия — Матвеев. Рабочий с Путиловского. Хочу посмотреть ваше житье-бытие.

— Путиловец!— глаза Федосеева сощурились и улыбке. Как же, ах, ах... Были у меня в отделе трие инт-рских. Рывелчик и. Я-а, да что там! Крепкие ребята были, жестоко крепкие!

Матвеев невозмутимо пощипывал напирисой.

— Скажите, тов. Федосеев...

— Николай Филипович, — подсказала фригговка.

— Скажите, Николай Филипович, как идут дела в сибирской деревне? Что думают мужики насчет Советской власти?

Федосеев задумался, нервно потарабанил пальцами по оконному стеклу.

— Мужик пока в неведении живет, но тутьем к Советам, к Ленину тинетел. Ваша она, власть-то. Тут, паря, как ни крути, а на одно выходит— либо ярком шеву кроватить, либо холмивом на аезде хонить. Дурак поймет.

— Ну, допустим, не все так думает!

— Что верно то верно, жиполитри не дремлют, все за Учредительное собрание ретуют. Есть тут эсер такой Федоров, из Москвы. Блжатель, сын куца. Да что же, зараза, на язык обижай, как пером молотит. Ну, кое-кто уми развесил...

За окнами стужалась сумерки. Федосеев достал с нечи смелоего полена, надрал дучин, и, поставив их в каминку, ваджет.

— С неросием туго—лучиной обходился,— смущенно по- думал он и неознанно пере- шел на «ты»:— Ну, знавай, товарищ Матвеев, ближе к делу! Извини меня, но как у тебя с документами?

Матвеев улыбнулся и встал:

дом свете десятицифровой лам- пы.

Слово просит Матвеев. Крестьяне его уже знают. Почти в каждом бедняцком доме побывал этот душевный, разговорчивый человек. Придет, поговорит, и у мужика становится светлее на душе, словно разбудил его Матвеев от кошмарного сна.

Переводя взгляд с одного крестьянина на другого, путиловец говорит неторопливо, но в каждом его слове чувствуется глубокая правда.

— Трудовой человек обнеса- ся, голодает, а в это время на тайных складах помещиков, буржуев и кулаков гниют тысячи пудов хлеба. Они не могут примириться с народной властью, им нужно такое правительстве, которое было бы сторожевым псом на грабленности или добра и злой мачехой трудовому человеку.

— Правильно, говорит! Все у нашего Горюева амбары до- мится от хлеба, а мы жрем мякнну оболочек с корой,— вы- крикнул кто-то.

— А если правильно, надо сказать свое слово. Надо взять власть в свои руки. Октябрьская революция свинула тиранию Временного правительства, и эти завоевания нужно закрепить и в Сибири. Вот ты, товарищ,— Матвеев обращается к сидящему вооредя крестьянину в залитанном подшубке.— Скажи ты за кого, за народную власть или за жаводеров, на которых ты всю жизнь горб гнешь?

— Говори, Незвестных, — загудели мужики— рассказали, как в прошлом году Сизоров за долги брал пшеничку по пятаку за пуд, а продавал казнево по шестору, рублю.

Неизвестных мнется, робко поглядывая в сторону кулака

Неизвестных, как заглавный кролик, ежится под взглядом пронзительных глаз эсера. Он смущенно мнет шапку, крадигся, точно от зубной боли!

— Ежели Степан Алексеевич помогут, то чего же... И, паря, человек маленький... В общем, я приселдился...

И садится, подопавший, шл- ко опустив несчастную голову.

Собрание настроженно молчит, только в темноте вспыхивают огоньки пагарок.

И вдруг паривисто исклкну- ет Бич. При своем лампе его лицо кажется мраморно-белым.

— Ты нам алафему не читай, госнолан куец!

— Прому без фамилярности, — визгивает Федоров.

— К черту! Советскую власть завоевал народ своей кровью, а вы где были, эсеры? Торго- вали, три шкуры с нас драли заню с сидоровыми и горне- выми Молчишь! А ты, Нез- вестных, забьса, как летом од- ним сабаном* на три двора по- черешно зе-лаю пахали? Смо- лишь ты позитей платил парю, а потом Кер-некому?

— Деснодлать петловых в год, — бурчит Незав стнх.

— А сколько у тебя имени?

— Ловалка и две десятины.

— А Сизоров да Горюев— по- двести десятин да лошадей та- бун, а платит позитей тебе двенадцать рубль-й, а ты же их, эти рубли, отработываешь за долги. Так это такую жизнь нам сулит Федоров! Довольно, Ленин сказал: «Хлеб—годо- щная, земля—престынная, мир— народам», и мы войдем за Ле- нинным, ибо он наш, за рабо- чих, за бедноту. А эсеры со своим президентом нусть ка- ртятся к чертовой матери!

*) Сова на деревянных колесах.

(Продолжение следует).

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение. Начало в № 204)

— Герман Степанович! Жить будем, пить будем, а Гича и прочих там Федосеевых к стене. Зенки захотели. Дай им пощипайуста, участок к три аршина. Хо-ха!

Грибанов ходил от одного гостя к другому, поднимал ноги и в сам низ не шшел. Он сомнал это собрание, чтобы еще раз убедиться в крепости старого. Да, богачи были, как и прежде. Временное правительство их вничью поощрило, а беднота...

— Черт с ней. Победят и знают тот, кто силен и богат. Все невозможно быть сначала, как невозможно разбогатеть. А расчет бунтовщиков — их надо к стене, урядник верно сказал.

Герман Степанович отворил дверь, чтобы найти на свежий воздух. Его слух неприятно резали проталиные паровозные гудки на станции Тайшет и гудок лесозавода. Тайга нестройно эхом вторила им.

— Пожар, что ли? — подумал Грибанов.

Кто-то шел к нему, порывисто дыша от быстрой ходьбы.

— Герман Степанович? — спросил неизвестный. — Это я — начальник станции. Герман Степанович, сейчас получена телеграмма. Большевики в Петербурге заняли Зимний дворец. Керенский бежал.

Герман Степанович пошатнулся, земля стремительно подняла куда-то ил под ног, и он стукнулся головой о стену дома.

Посланец Ильича

Холодным декабрьским вечером 1917 года к Босторге приближался путник. Его одежда не была похода на оледеневшие степи. В ладони

сперединые сапожки, покрытые лакированными драпьем. Здесь, конечно, жила беднота, и немалый конец немаловольно хмурился.

У одного из дошедших дорожная дачница в домотканной кофте, высоко подняв подбородок, сорвала свистей. Еще издали заметил чуждого человека, она установилась на него сгорая от любопытства.

— Здравствуйте, хозяинчик! — поклонился путник. — Где мне пройти кого-либо из фронтовиков?

Женщина, вышедшая навстречу столь важной в ее представлении особи, не заставила долго ждать.

— Их тут много, барин. Крылов есть, Жирон, Федосеев недавно пришел поглаженный...

— Рапелый? А где он живет?

— Да вот, хата — напротив... Чуш, окаянные правды б нас несли! — прищипнула она на свистей. — Или, барин, Федосеево дома, казачка.

В светлой, чистенькой горнице навстречу пришельцу встал еще молодой мужчина в унтер-офицерской форме, крепкий, с загорелым лицом сибиряка.

— Чем могу служить? — спросил он, бегло осмотревши пошедшего добрыми цаганскими глазами.

Немаломомен поздоровался, присел на краешек скамьи, закурил.

— Моя фамилия — Матвеев. Рабочий с Путиловского. Хочу посмотреть ваше житье-бытие.

— Путиловец! — глаза Федосеева сощурились в улыбку. Как же, знаю... Били у меня в отделение трое штурмских. Разведчик я. Э-э, та что там? Время ребята были, жестоко крепкие!

Матвеев невозмутимо пощипывал сапожки.

— Все в порядке. Ты прав; действительность прежде всего. Бог, читай!

И он протянул фронтовнику вандат, подписанный Ильичом.

Мы — за Советы

Короткие декабрьские дни в Сибири. Не успеет солнце подняться над тайгой, как уже снова падает в объятия туманного горизонта, и тогда морозная ночь, разбросав по небу искрестые грозды звезд, кажется, длится до самой вечности.

В эти студеные дни в ночи все деревни Канского и Алабайского уездов анхоралили волна собраний и сходок. В предуренных до желтизны классах приходских школ заседали те последние петухов, шарытая глотки, стараясь переубедить друг друга.

Больше трех суток подряд спорили на сходке мужики. В тесной школе с низкими, облупленным потолком народу набилось, как сельдей в бочке. Тяжелый дым самосада невыносимо висел над головами, смешиваясь с острыми запахами овчинных полушубков и пота. Дым настолько густой, что едва можно различить впереди собрания грубо сколоченный стол, за которым сидят трое: путиловский большевик Матвеев, эсер Федоров и местный активист Иван Бач. Их лица смутно вырисовываются в тусклом свете десятиламповой лампы.

Слово просит Матвеев. Крестьяне его уже знают. Почти в каждом белыцком доме побывал этот душевный, разговорчивый человек. Придет, поговорит, и у мужика становится светлее на душе, словно разбулдыл его Матвеев от пошарпаного сна.

Садорова, который равнодушно вымат коней ножкой, но друг, наемливинись, Неизвестных просит на ну на пол:

— Чего там! Грабят Степан Алексеевич. Как теперь помню, просил, значит, у него плуг землицу пахать, ну, весь урожай и пришлось отдать за это. В общак и товарищу присоединившись.

— Господа! — поднимается с места эсер Федоров. — Я прошу слова, господа. Большевики воспользовались временными трудностями и хотят вас обвести вокруг пальца. Это фантазеры, господа, они хотят на песке рай построить. Бред! На деревья веревку не свисешь...

Зал устроено молчит, слушая эсера. А он, расклавши все больше, красный, с черной бородкой клинышком, театрально взмахивает руками.

— Мы, партия эсеров, за Учредительное собрание, а не избрание президента России. Наша опора — в мужике-хозяине. Да! В мужике, умеющем рационально вести хозяйство. Мы — за частную инициативу! Россия под руководством партии эсеров станет такой же республикой, как Северо-Американские штаты. А господа Иван Матвеев, опутали. Да, опутали. Ему Садоров при нашей власти сторичей вернет, поможет. Так за кого же вы, Неизвестных?

Неизвестных, как загнанный кролик, ежится под взглядом пронзительных глаз эсера. Он смущенно ищет шанку, кривится, точно от зубной боли:

— Ежели Степан Алексеевич поможет, то чего же... Я, паря, человек маленький... В общак, и присоединившись...

И садится, подавленный, низко опустив голову.

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение. Начало в №№ 66-89.)

Дорога

Томительно сладок сон на рассвете. Движенье подхлонуло Моисей к спящему гостю, осторожно трогая его за плечо, но тот, чему-то улыбаясь, дышал тихо, словно ребенок. Моисей еще раз, сильное потрескивание в только тогда, с трудом преодолевая утреннюю истомию. Бич осл на кровати, свесив босые ноги:

— Фу ты, совсем забыл, где валяюсь!

Точно взинилась за невольное беспокойство, Моисей присел рядом и шепнул гостю на ухо, боясь разбудить спящих:

— Лошадка готова. Я тут водички холодной принес. Одевайтесь.

Вышли во двор. Старик взял кончик и экономно шагнул в пригоршню гостю, с удовольствием наблюдая, как он, преодолевая отфыркивание, натирал мускулистую грудь.

Солнце еще притаилось за тайгой, но заря уже охватила поляна малиновым заревом. Тени стали короче, и только холмы на восточной окраине деревни кутались в темносиний сумрак. Было прохладно. Над спящей гладью Березы клубились белые ключья тумана, оседая все ниже, словно улетали на покой после уютнейшего ночного дозора. В ельниках, что рассыпались зелеными островками за обольней, гомонили тетерева, им голосят сторчал деревенский петух, приветствуя нарождающийся день.

Нескоро позавтракав, Иван Андреевич сел в легкий халок, и старый Гнедко, почувствовав твердую мужскую руку, бодро затрусил по дороге.

Сразу же за деревней дорога круто поднялась в гору, осталась среди таежных зарослей. В лицо пахнуло свежей прохладой, напоенной запахами росы и молодой зелени. Бич любил эти утренние часы и тайге, когда на деревьях и травах в нежных лучах рассвета сверкают росы и влажных капель, оставленных туманом, и раскрывают яркие лепестки чудные в своей красоте цветы, а где-то вверху свистят птицы.

Он мог часами наблюдать картины природы. Здесь шла борьба за жизнь, вечная борьба, никогда не затихающая, не знающая покоя. Он любил белки, словно принужденными, красавицами-березками, которые вырвавшись из объятий колючих елок, разметали вокруг тонких стволов свои гибкие ветви, уже покрывшиеся клейкими листьями. И грустно было видеть, когда где-нибудь в темной чаще тихо чахнет их оголенная сестра. Коричневые струны наростов выступали извнутри на ее молодом теле, но она, изнемогая, тянется к свету, к солнцу.

У подножий деревьев царил сумрак. Мягкие подушки ворсистого мха маняли путника отдохнуть, а папоротники широко раскинув свои узорные листья, дремлющие, как сама жизнь, вызвали раздумье.

Гнедко бежал размеренной рысью, деловито обходя дупли,

равнодушный к этим лесным прелестьям. Привычный таскать тяжкие грузы, он точно радовался легкому ходу и неприхотливому кучеру.

Опустив поводья, Иван Андреевич размышлял о том, что к семье он заедет после, когда выберет более свободное время, а сейчас надо спешить в Шиткино, к старому другу по подпольной борьбе Станиславу Свенскому, который был сослан в Сибирь еще в царские годы. Порывистый, решительный в своих действиях Станислав явился Бичу. Он представил себе на мгновение, как встретит его Свенский, удивленно нахмурит высокий думающий лоб и без лишних слов крепко пожмет руку. Их сблизил общность взглядов и идей, явившихся для них путеводной звездой. Лучшего человека, с которым можно было бы начать задуманное, Иван Андреевич не знал.

Внезапно Гнедко разостро ларказ, заставив Бича невольно вздрогнуть. Где-то в ответ заржали чьи-то кони. «Наверное, крестьяне едут», — подумал Иван Андреевич, подгоняя Гнедка. Ему вдруг захотелось встретиться с людьми, перебраться теплым словом, развенть однообразие долгого пути.

Приглядевшись, он увидел, как из за поворота, гарцуя, выскочили три всадника в солдатских мундирах. У переднего, ловко сидевшего на гладкой резвой кобылице, блеснули золотом погонцы.

— А, хохера! — выругался Бич.

Притворно выправившись, как подобает провинциальному интеллигенту, поправив пенсне и стараясь быть спокойным, он неторопливо понукал лошадь.

Всадники подскакали ближе, загоражив дорогу, остановились.

— Кто вы будешь? — спросил офицер, слегка склонившись в седле. Он пристально бесстрастно Бича, точно мушкетерскую ликовинку, и весть откуда взвизгивая.

— Я, господин поручик, сельский учитель. — невозмутимо ответил Иван Андреевич, нажимая на слово «поручик», хотя на погонах офицера была всего одна звездочка полпоручика.

— Учитель, школяр, — понимающе кивнул головой полпоручик, самодовольно потрел холщевые усики. Ему, видимо, понравилась «опыбка» Бича.

— Куда идешь? — уже более дружелюбно спросил он, углубив дорожку.

— Наше дело известное — был в Конторке, школу смотрел, теперь в Шиткино. Там я учительствую.

— О-о, хорошо! Большевиков знаешь, где есть?

Бич сделал задумчивое лицо, пожевала соломинку, и растягивая слова, ответил:

— Шут их знает. Если повяжет вам сразу станет известно. Мож фамилия — Таежный, к вашим услугам.

Офицер тронул коня и на прощанье, небрежно кивнув, добавил:

— Сообщать коменданту Тайшета будешь. Гроши дадим.

Обернувшись к солдатам, он скомандовал по-чешски, и всадники ускакали.

Облегченно вздохнув, Гнедко только сейчас ощутил, как противно дрожат колени. «Неважный, видимо, и волка, если всякое пугало приспосабливается. Надо взять себя в руки. А, вообще-то ловко вывернулся. Ух-м... Таежный... Пожалуй, неплохо».

Если бы знал чешский полпоручик, что слово Таежный, впервые услышанное им здесь, в глухомани, будет вскоре навешивать ужас на его товарищей по оружию, он бы возмущался в Тайшет не с пустыми руками.

А Гнедко, почуввав натанутые поводы прибавил шаг, удалившись от алополучного места. Впереди лежала еще длинная дорога, укатанная колесами телег, утоптанная конскими копытами. Кто продолжит ее?

Наверное прошел охотник, оставив в траве сле приметный след, а за ним двинулся рабочий-лесоруб, сваливая вековые деревья. Не легко им было, этим безвестным грузолобам. На каждом шагу приходилось лить пот, до крови мозоли ладони.

Еще труднее человеку прокладывать тропинку в будущее. Всюду перед ним развешивается бремя старого, стремится задержаться, сбить, поглотить наскон. Но уже следом идут люди, озаренные его подвигом, укрепляя и расширяя дорогу. Солнце жизни и правды светит им впереди, и открываются необозримые просторы, где вольно дышит грудь, где много счастья.

И сейчас, в пути, Иван Андреевич вдруг понял, что и он будет таким же пионером-путеводителем, принявшим на себя тяжкую ношу — заботу о счастье народа.

К вечеру, когда солнце склонилось низко над тайгой, он увидел знакомые очертания шиткинских улаи.

1919-й

Начался беспокойный 1919 год. Тихо стало в деревнях, будто вымерли они, затихли, как муравейники перед грозой. Страх за жизнь, мучительная неизвестность будущего томил крестьян. Ходили зловещие слухи очевидцев, что в одном из сел Иланьинского уезда произошло зверское убийство жителей белофинлятами только за то, что часть мужиков ушла в партизаны. Всю деревню выстроили у церковной ограды и, отсчитав каждого третьего, офицер приказал тут же расстрелять их из пулемета. В числе погибших были женщины и дети. Оставшихся в живых белки влобли шомполами, а деревню сожгли дотла.

События назревали. По ночам в явочных избах собирались на тайные сходки хмурые мужики, требовавшие вооруженного восстания.

Иван Андреевич Бич и Станислав Свенский забыли покой и сон. Днями они до полного изнеможения переписывали от руки листовки, а с вечера разлетались по деревням. Почти в каждом селе действовали созданные ими подпольные организации, объединившие вокруг себя невольных белофинлятийским режимом.

(Продолжение следует).

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

Третьи сутки он пробирался от Красноярска в деревню, в семье. Все дороги протеснялись чехословацкими и белогвардейскими патрулями, а в городах невозможно было находиться на улице. Шел тайно, парочка выходил на тракт, когда все было тихо. В одиноких хуторах покушал у крестьян продукты и снова шагал, осторожно приедущиваясь к какому-то шороху.

Ливень застал его неподалеку от Конторки. Родственники Бича жили теперь в другой деревне, но что-то ткнуло его сюда, где он прожил столько лет, работал учителем, а потом писарем.

А ливень то затихал на мгновение то опять разражался с еще большей силой. Бич долго слушал, как неистовствует гроза, предвещая урожайного лета. И вспомнил, бедняшки его, нахлынули несезонным роем.

Вспомнил Красноярск в тот день, когда чехи, подстрекаемые белогвардейцами и эсеровками, подняли мятеж. С боем уходили в горы рабочие отряды, поливая кровью улицы родного города. В этот же день состоялось последнее заседание губернского Совета.

«Ваша задача, поднять крестьян восточной окраины Канского уезда по железной дороге. Сваливайте поезда, прячьте в тайге провозовозы, чтобы оно не досталось врагам революции. Уничтожайте контру, насколько позволят силы» — манутировал Бича председатель губернского комитета партии.

И Бич поклялся выполнить до конца свой долг большевика и гражданина первой в истории Советской республики.

В Конторку он пришел, когда стало смеркаться, и долго перебарал в памяти своих друзей у которых можно переночевать, а главное найти поддержку задуманному большому делу.

К волнополкомцам он пойти не решился. Кто знает, может, следит за ними белая, и вылезет в лавы контре. Кто еще? И тут в памяти явился старый Моисей Козлов, деревенский скрипач и балагур. Сколько хороших часов проводил раньше Бич у этого любознательного старика! Да и сыновья Козлова — саматель-

ные крестьянские пролетарии. Это они помог и большевикам на выборах в Советы. На таких людей можно надежно опереться — помогут в любой беде.

Остановившись у знакомого дома, он тихо постучал в ставню. Никто не отвечал. Постучал еще. Щелкнула ставенка, и в сенях показался сам Моисей в холщевой ночной рубашке.

— Кто там? — спросил он, часто моргая подслеповатыми глазами.

— Это я, Бич, извини, пожалуйста, за беспокойство, наша...

— Иван Андреевич! Какими судьбами! Ну заходи, заходи. Прозрел, поди... а я думаю, кого это несет в такую темноту...

Вошли в избу. Козлов тщательно прикрыл зверь щекочкой и зажг лучину.

— А у нас беда, — первым заговорил он, помогая гостю раздеться. — Чехи наезжают. Волнополком разогнали. Фронтоников бывших в арнию забирают.

— Вот куда хватили! — усмехнулся Бич. — Боюсь, что не по горлу кость, позаванята.

— Что ты! Мужики то же самое толкуют. Кому служить-то? Антихристам! Что ни есть — антихристам. Рынут тут ихние конники, коров забирают, свиней, хлеб последний. Беда прямо! Ну, ты, Андрееч, перекуси, а я Игната разбуджу...

Зябко ежась после сна, крепко Игнат радостно вскрикнул, увидев столь неожиданного гостя. Поздоровались, крепко пожали руки.

— Из Красноярска, значит, — утвердительно заметил Игнат, словно это было ему давно известно. — И там кашу заварили?

— Да. Положение небластящее.

— Однако можно ли терпеть такие порядки! — Игнат стиснул кулаки и на шею у него выступили крупные жилы.

— Потому и вернулся в сюда, — тихо сказал Бич. — Пароля поднять надо, понимаешь?

В комнате воцарилось молчание. Было слышно, как потрескивает лучина в каминке на что-то лепечет во сне ребятишки.

— Вот что, — нарушил молчание Бич. — Словами горю не

поможешь, надо дело делать. Кто здесь остался из фронтоников?

— Морицы доб, Игнат, поспеша, считал.

— Власов — раз, Малышев — два, да Масленников Лешка на днях удрал от Колчака — три, в общем наберется.

Бич подсел ближе и, пристально глядя Игнату прямо в глаза, сказал:

— Ты — парень надежный. Вот и собери всех к себе, солайте полпольную организацию, и как только я дам сигнал, сразу выступайте. Если дядя Моисей не возражает, мы у вас сделаем явочную квартиру.

Старик, польщенный оказанным вниманием, смущенно потрогал бороду.

— Это я, что ли, возраду? Ты, Андрееч, меня обидел. Да я, ежели хоть знать, сам первым в этом деле пойду.

Бич растроганно улыбнулся. Да, не ошибся он в людях, ставших ему особенно близкими теперь, когда над Сибирью нависла беда. Чувствовало сердце большевика, что не одни Козловы грудью станут за правое дело. Многим сейчас не снится в эти короткие майские ночи. Тревога и тяжкие раздумья гложут крестьян, мешая спокойному отдыху. Всех их нужно объединить и направить справедливую ненависть их против тех, кто стал шаром попереки дороги, кто решил повернуть вспять колесо истории.

— Ты, Андрееч, делайся отдыхай, — сказал старик.

— И верно, с дороги-то устал поди, — подержал отня Игнат. — А насчет того, что сказано, будь спокойен. Козловы в огонь пойдут, ежели это нужно...

Долго не мог уснуть Бич. Охватив ладонями голову, он лежал, и в сумраке комнаты ему виделась отблески пожара, трубы большевиков, качающиеся на телеграфных столбах, а где-то дальше и-скользящее море восставших, решительных в своем праведном гневе крестьян. Он словно слышал дыхание этой могучей народной армии, перед которой не устоит никакая черная сила. «Да не устоит», — подумал Бич и уснул.

(Продолжение следует).

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение. Начало в №№ 86—93.)

В Шиткине в эти дни уже был создан первый партизанский отряд, ядро будущего фронта. Их было немного, этих отчаянных смельчаков, державших в руках оружие и готовые выступить против ненавистного врага.

Как-то вечером Иван Андреевич собрал боевых соратников. Слабый огонек контрилки илуганно пархалась при каждом движении людей, отбрасывая на стены и на их огромные фантастические тени. Сидело свободно, точно гости у душевного хозяина. Скрестив на коленях руки, сосредоточенно глядя на Бича Костя Привалухи, невысокого роста, поджарый, с веселыми глазами парень. Чуть поодаль от него, подперев ладонями голову, о чем-то задумался брат Костя Иван. Тут же были рослый крестьянин Мутонин и мужики из деревни Тренино.

Иван Андреевич спокойно, совсем по-домашнему, переводя взгляд с одного на другого, говорил:

—Нас немного, всего десять человек, но мы должны первыми выйти в открытый бой с контрреволюцией и повести за собой народ. Пусть мы плохо вооружены, но будут у нас и винтовки и другое оружие. Главное в нашем деле водить пример. Завтра я выезжаю в Шегашет и приведу еще людей. А наша задача, товарищи, собрать оружие, которое нам нужно, как воздух.

—Сделаем, Иван Андреевич,—отозвался Костя Привалуха,—вот только одно плохо, малоато ладаншек.

—Обожди. Не все сразу. Скоро за нами пойдут тысячи. Недавно товарищ Свенский был в Финлея Займке. Сейчас он нам расскажет, как там обстоит дело.

Все обернулось в сторону Станислава. Тот сидел у подошвы накованного сундука, слушая Бича. Когда он услышал свое имя, приподнялся, но, махнув рукой, снова сел.

—В Займке люди надежные,—с заметным польским акцентом начал он.—Братья Москвитины, особенно Яков Моисеевич, мне кажется, вполне преданы нашему делу. Огненные товарищи! На днях мы провели нелегальное собрание. В отряд вошло до десяти человек. Правда с оружием плоховато, но дробовики и берданки есть. Короче, там идут сигналы.

—Значит, дело на мази!—отозвался Мутонин.

—Это еще не все,—вмешался Бич.—Придут к нам и из других сел. Вчера я получила весточку с Засековского фронта, что скоро к нам прийдут знаменитые военные товарищи.

Раздался озорливый голос. Огонек контрилки стал еще бешеннее прыгать, точно хотел убежать вместе с ней.

Потом привалился считать оружие. Всего оказалось несколько трехлинейных винтовок, патрон и оловянных ружей. Патронов было совсем мало.

—Добудем и боев, а сейчас надо расставить в деревне часовых,—приказал Бич.—И еще, хочу напомнить, товарищи, что моя боевая кличка с этого времени будет Таскый. Так и называйте.

Через утро Бич, захватив пачку документов, отправился в Шегашет, командование отрядом принял Станислав Свенский. Он немедленно расставил часовых. Над избой, где находился штаб партизан, взвился красный флаг.

Первый бой

Партизаны разошлись на свои посты. В штабе остался только Свенский. Разложив на столе карту местности, составленную Бичом с его помощью, он тщательно обдумывал планы будущих действий отряда, тихонько насвистывая любимую песенку.

На карте нестрелами знакомые названия сел и замков, тонкими линиями змеялись реки, а внизу, где стояло четко написанное слово «юг», протянулась красная полоса железной дороги. И ему вспомнились слова Бича: «Надо парализовать движение на магистрали, оттянуть на себя силы противника и тем облегчить борьбу Красной Армии на Урале». Да, задача не из легких, но Свенский знал, что она выполнима. Будучи человеком глубоко гражданским, он плохо разбирался в военной стратегии, но интуиция подсказывала ему, что правильно будет, если партизаны смелыми, неожиданными налетами станут приходить диверсии на Беломор-Сибирском пути. Конечно, людей-неволей придется познакомиться с ними, а следовательно, оттянуть с запада значительную часть сил. А сколько партизанских отрядов уже действует в Сибири!

Озаренный этой мыслью, Свенский встал и подошел к окну. Вздвигаясь, находившиеся от холода воробьи, как ягрусичные, прыгали под окном на ветках обледеневшей черемухи. Это развеселило его, и он стал пристальней рассматривать возню птиц. Улицы были пустынями, и только одинокий всадник, приткнувшись к гриве, тихо ехал на коне, к чему-то натянув поводья.

—Обожди парень,—усмехнулся Свенский.—Водки что ли за ним гонится.

Круто повернув коня к штабу, всадник спрыгнул почти на ходу и, перемахнув через крыльцо, ворвался в избу. Увидав Свенского он, еле переводя дыхание, выложил:

—Москвитиних арестовали. Едут сюда...

Свенский удивленно приподнял бровь, стараясь быть невозмутимым, спросил:

—Спокойнее, мой друг. Кто кого арестовал?

Приехавший оказался совсем молодой, его грудь широко издавлена под телогрейкой, а на щеке выступило мертвенно-белое пятно.

А вы жарили, на улицу, шею натри снегом,—скомандовал Свенский.

—Я, товарищ...

—Я, кажется,—повысил голос Свенский и, взяв юношу под руку, вывел на крыльцо. Схватив пригоршню снега, он догнал тер ему щеку, пока не выступил огненный румянец.

—А теперь говори,—сказал он, когда слова пошли в избу.

—Москвитиних, обоих братьев, белки арестовали и заперли в каталажке, аккуратно после нашего отъезда. А тут Иванов им и говорит, что, мол, в Шиткине отряд есть. Ему еще один купчиха Москвитин, однофамилец их, поддалкнул. Они караульного оставили и сошли прут. Человек семнадцать будет. Эти же гады ведут... Только и намного обогнали.—уже совсем тихо добавил он.

—Сейчас понятно,—расмеялся Свенский, хотя было совсем не смешно.—Отдай, мой друг, а я по делу выйду.

Всадника заметали все партизаны. Они уже спешили к штабу, извонившись переговорившись.

—Спокойно!—остановил их Свенский.—Ничего страшного нет. Едут сюда белые около двадцати штыков.—И, внезапно меняя голос, скомандовал:

—Отряд, смирно! Равнение направо! А теперь слушайте. Привалухины, Мутонин и мы,—он показал на тренинских мужики—пойдете на тракт.

Зажмите в канавы, и как появится,—сразу огонь.

Патроны зря не жечь, стрелять наверняка. Я и еще трое вот мы, товарищи,—он указал на партизан в худых армяках,—останетесь со мной, в деревне, на случай если прорвутся. А теперь—по местам!

Партизаны быстро разошлись. Село безмолвствовало. Только изрезка вылетит к проруби по воду крестьянка с коромыслом через плечо, и снова обманчивая тишина. Укрывшись с тремя партизанами за бревнами у штаба, Свенский внимательно смотрел на дорогу, приготовив наган. Он почему-то вспомнил, что сегодня не успел побывать дома, приласкать жену и детей, которых любил тихой любовью волею мужичьи.

Кто знает, доведется ли вернуться в теплый, чистенький дом, где так умело и красиво все обставлено руками жены? Ему стало ненужно грустно, но он усилием воли подавил несладкие мысли и стал глядеть на дорогу, которая по-прежнему была пустыня.

А этим временем унтер-офицер Галоша вел свой отряд окольным путем с северной стороны Шиткина, откуда партизаны меньше всего ждали нападения. Эту дорогу указал им хитрый, как старая подкожная змея, занисский лавочник Иванов. Получив триста рублей, он лично шевеля в кармане ассигнации, по-собачьи преданно заглядывая в лицо Галоше.

Полуоткнувшись в кошенке, Галоша пытался маузер на дерпанной кобуре и ососело вращал мутными с похмелья глазами. Его солдаты, зайдя вперед очертания села, привстали в салат на колени, взяв карабины из изютовку...

Первым заметил беду худой крестьянин, у которого была большая, как пенек, борода.

—Командир,—зашептал он.—Вон они скажут-то. Обошли, просятые!—и, вскинув на руку берданку, привалился.

—Стой!—ударил его по руке Свенский.—Отсюда не достреляешь. Подожди, мой друг!

Крестьянин серанто огрызнулся, но берданку опустил.

Белогвардейские кони летели прямо к штабу. Созданы громко орала, криком заглушая свой страх, а также пытаясь и пугать партизан.

—Огонь!—скомандовал Свенский и первым выстрелил в красногоного солдата, открывшего беспорядочную стрельбу из карабина. Солдат свалился за голову, выронив клинчик, и мешком перевалялся через сани.

—Огонь!—срывая голос крикнул Свенский и выстрелил еще. Бородатый партизан уже успел подстрелить скачущего вперед коня и вторым выстрелом уложил солдата, бежавшего с карабином наперерез к штабу. Партизаны были без промаха, экономно патроны.

Увидев, что с налета ему не взять штаб, над которым алая флаг, Галоша повернул коней и приказал наступать цепью.

«Скорее бы услышали наши!»,—подумал Свенский, перезарядив наган.

Коротко ахали белогвардейские карабины, и им тут же раскатисто вторили партизанские берданки и дробовики. Пули то и дело звывались в стену штаба. Тайга гулко повторяла шум боя.

Поднявшись в рост, белые пошли в лобовую атаку. Многие падали, скошенные меткими пулями и ружейной картечью. Но варуг со стороны тракта загремели гредалинские подоспевших из засады партизан. Им надоело ждать белков.

Заслышав шум, кони и селые, они сообразили, а чем дело и выжались на выучку товарищам.

—За мной!—воскликнул Свенский и выскочил на крыльцо на середину улицы, горичий стремительный в движениях.

Галоша, ошеломленный появлением своей силы растерялся.

—По коням!—кричал азораз он, прыгая в сани! Собрав с толку солдаты воследовали примеру унтера и на ходу, отстреливаясь, помчались вдоль улицы на Тайшетский тракт.

Свенский, не видя опасности, а упор стрелял в белки и варуг оказался между их саней.

—Хватай его!—лякну аревел Галоша, зацепив волосатой рукой куртку Свенского. Слибленный с ног партизанский командир упал прямо на унтера, но тут же лаяла спускающей крочок нагана. Галоша молниеносно ударил ему по руке и адал угодила в сиденье рядом белогвардейца. Коротко размазавшись маузером, унтер ударил Свенского в теча, и тот сразу обмяк, утанулившись лицом в солону.

(Продолжение следует).

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение. Начало
в №№ 86—91.)

А выстрелы все чаще гремели след отступавшим в панике бандам. Озлобленные партизаны долго глядели за белогвардейцами, мсти за гибель командира, пока те не скрылись вдаль.

Промчавшись быстрее ветра несколько верст, Галоша приказал остановиться. Склонившись к лицу Свенского, он приложил дуло маузера к его губам. Стали затуманиваться.

— Жив, собака! Ишь, развалился, как в гостях. Эй, Хрулев, дай-ка веревку, а то еще убежит, сволочь.

Раздев партизана догола, солдаты крепко приязали его к развальному.

— От добре!—крикнул Галоша, все еще держа маузер на изготовке. Он обвел взглядом неподвижно лежавшего Свенского. Его голое тело на лютном морозе быстро покрывалось синевой. Галоша шул Свенского кованым сапогом. Партизан тяжело застонал. И озверевшие солдаты, словно по сигналу, набросились на жертву, безудлино мотая его прикладами.

В комендатуре

Подполковник Зацепек с утра был в хромом настроении. Он только что получил телеграмму, в которой генерал Гайда приказал оставить эскадрон в Тайшете, а его угнать в комендантом. Это соответствовало тайным мечтам полковника, не питавшего особого пристрастия к боевым операциям.

— Какая это война!— рассуждал он.— Все смешалось на Западе, нет ни точной линии фронта, ни военной деликатности. Крайне в самозабвении громят старый мир. Но им не создать и новый; безграмотные мужики не сумеют управиться гигантским государством, но дерутся, как черти. Эх, и войши ныне пошли! Какой-то хаос, дикая кровавая свалка, и не поймешь, где свои и чужие. Я против такой войны и не хочу мараить руки. Пусть дерутся другие, а мой долг укреплять тыл, и тут я на высоте*.

Телеграмма генерала как нельзя лучше удовлетворяла его помыслы.

Зацепек расслабленно откинулся в кресле, приняв очередную порцию кокаина. По телу разлилась нежная истома, походившая на

полусон, сладкий, как объятия любимой.

И мысли, настроенной чередой всплывали в отуманенном мозгу. Он почему-то стал думать о Тайшете, который нравился ему тишиной и покорными мужиками. Ничего здесь не напоминало о далекой войне. В селах по-прежнему рыскали чешские патрули, конфискуя для ненавистной армии Колчака зерно, фураж, скот. И Зацепек радовался, что все идет как по м сду, мужики хотя и ропщут, но открыто высказать недовольство боятся. Вот только с бывшими фронтовиками много хлопот. Они поголовно дезертируют, и Зацепек меланхолично подписывает приказы об аресте дезертиров. Пойманным—два наказания; если сопротивляется—и раскол, а более спокойным—двадцать пять „горячих“ в спину и—на фронт. Полковник любил наблюдать, как корчатся привязанные к скамье дезертиры, когда плащ, присевая от удовольствия, не жалея сил, щиприт шомполом по их обнаженным спинам.

Это было приятным развлечением. Остальное время приходилось коротать в купеческом собрании, где вместе с чехами раз-

влекалась тайшетская знать, заискивающая перед полковником.

Солдаты до утра резались в карты, гоняли биаллиардные шары, ловко состязаясь с местными шулерами. А погон гаушили без разбору водку и самогон и пласали до одури под звуки военного оркестра.

Дочери богатей охотно дарили чехам свои очаровательные улыбки, и те на людях старались быть галантными каналерами, хотя полковник нередко слышал, как где-нибудь в темной комнате собрания раздавался дикий женский визг. Но Зацепек проходил мимо, ухмыляясь, словно это не его касалось. Он прощал солдатам их „шалости“. Попробуй, сдержись, когда уже много лет их разлучала с семьями война!

Ему тоже симпатизировала поповская дочь Фрося, красивая, пышная блондинка, довольно образованная и своенравная. Она, жеманно возмая голос, капризничала перед ним, а чаще, в припадке великодушья, мило улыбалась. И голова его шла кругом, как после содвигной дозы кокаина. Он представлял ее на мгновение, стройную, с большим разрезом глаз, бездонных, как голубое небо. Фрося воспринимала многое, чего так не хватало ему в этой чудовищно далекой от Чехословацкой стране. Но Прага, до боли

милая Прага, где он оставил богатый особняк и жену, сияющую по ночам после жаркой страсти с поповной.

Волнуясь от исключительности чувств, он стал мишишало реалистичнее сланискую Библию, подаренную священником Альсанаром. Библия источала тонкий аромат французского душка, и она перед ним, как в тулне, становилась образ Фроси, возлюбленной, повторимый. Она словно вела его куда-то в томительную и головокружительную неопределенность.

Его одиночество было чересчур дендишным, жидковатым и бесшумно.

— Ишь полковник!—обратился к нему денщик.— Унтер офицер шлепает мячиши Галоша проприема.

— Болван!—сказал Зацепек.— Почему входить без разрешения?

— Никак несл!—выскочил денщик.— Я случал...

— Пусть выйдет этот арестник,—уславо махнул рукой полковник.— Зови.

Он вдруг вспомнил, что послал Галошу с образом милости в Нижнюю Займку, где он должен был объявлять большие штрафы. Но резко, поймав его за плечо,

(Продолжение следует.)

Редактор И. КОЛМАКОВ.

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение. Начало в №№ 86—92 за 1936 г. и в № 2 за 1937 г.)

Кочергины

Григорий Филимонович Кочергин — мужик степенный, деловой, знающий себе цену. По размерам пашен, которые он засекает ежегодно, с ним может конкурировать только Герман Степанович Гриванов, а лавка Кочергина в Шиткей Заимке известна на весь уезд обилием товаров и бойкой торговлей. Поддеревни ходило у него в батраках в страдную пору, и холщину, осанного поглаживая курчавую бородку, следил строго, не давал лозарям покоя. Зато и ложились кочергинские лаврома от добротного зрела, что рождала капризнал с бирская земляца, отвошенная у тайге.

Любил Григорий Филимонович навеселиться под вечер амбары и любоваться своим богатством. Возмет в коло стую лавонь горсть ржи, пересыпает меж пальцев, и течет зерно струей, чистое, полновесное, словно золотые самородки.

Жить бы ему да жить припеваючи, но нет добра без хуза. Провисел над странной вихри войны, завертел, смел все, что ни есть, затянул весь белый свет и не поймешь, куда году приплывешь.

Догадывался Кочергин, что отошли золотые денжки, канули в прошлое, а теперь сила до полуночи перед лавной, слышишь, как валком плочет метель за ставичини окон, и мыкал свое горе. Думал, что чехи наведут порядок, аи нет, не притнут им выго, если кругом самые тихие мушкетеры глядят на их жестокие порядки и все о чем-то шепчутся.

Не раз замечал Григорий Филимонович, что неговоричнее стали в батраки. Так и пороват за самую милость урвать побольше, корпуньем змырка на его крепкие амбары.

Не верил Кочергин, что вернется старое, а будущее его пугало до дрожи в суставах.

Когда схватили галонинские солдаты Москвитинных и засадили в каталажку, он стал еще пасмурнее.

— Разве можно, — думал он, — повернуть вспять весеннее половолье, разве один Москвитинны сбивают и без того озверевших против Колчака крестьян? Растранишь звери — не жди легкой победы. Зри злобствуют белые, парод и ло лаской да обещаньем уговорить, а так... Видно, скоро хлынут навонко народного гнева, и тогда держись, куда что денется! Нет, ему не с руки тикать на мушкетеров, уж лучше подождать, бузь, что будет.

Все бы ничего, но, ко всему, сын надежда с толку сводит. Уж до чего ладный вылез парняга. И лицом без и телом крепок: проблет во деревне — все денки готовы глазами его сломать, да и сам Григорий Филимонович украдкой любовался. Ездокимом «Бот» — мечтал он, — наследника вырастил, лучшего не найдешь.

Но как пришел в семнадцатом году с германской войны Ездоким, след погони старин-

го унтер-офицера и все стал уединяться, книжки испитинные читать. Заглянул как-то отец в его каморку, пробежал мельком несколько страниц в одной из книг да так и обер. Было там написано про каких-то пролетариев, которым нечего терять, кроме денег, а завоевать весь мир хотят. Видно, каторжниками были эти люди, столь смело бросающие вызов всему миру. И поди ж ты, Ездоким тоже тула...

А еще запомнил Григорий Филимонович новую винтовку с патронами, и сказалось его сердце недобрим предчувствием. Однажды оставшись наедине, он, пощипывая бородку, спросил как бы вслух: — И что дальше-то будет? Ежели чехи прогонят, то гильзым нас живьем сожрет. Болсь и, останешься ты, Ездоким, без наследства...

Сын уныленно поглядел на отца и, улыбувшись широко, отовнался негустым баском: — Отстал ты отец, от жизни на целое десятилетие. Кто же теперь о богатстве думает, когда кругом голод и нищета? Обожди маленько, такую жизнь отгрохаем, что ахнешь. А богатство... нехай оно пропадет прочаком!

Кочергина передернуло от таких слов. Он весь сплался, одревянял. — Век горб гнул ради сына, а вот тебе награда! Эх Ездокимушка, нустан голова! И куда тебя несет! Попадешь в лекало, вспочинишь моя слово. Сын потемпел и, закурип, толпел ближе, тронул отца за руку. — Нет, отец! Меня амбары не прельщают. Видел бы ты, как мы в окнах по герло в студеной воде сутнами сточили и гибали, как мухи, другое заговорил бы. Эх, чего там! И кровь своей не покажеш за новую власть, за советскую! Ты про Ленина слышал?

— Было дело, — унывшим голосом сказал Кочергин, — тремилась тут голова твоя. Он каторжник, этот Ленин-то? — Ученый. А по тюрьмам он действительно порядком скитался, и все ради бедноты. Ленину хочет, чтоб всем хорошо жилось, чтоб война не была, чтоб люди, как братья, промеж собой жили, — горячо заговорила Ездоким.

Григорий Филимонович злобно сморщился: — Не выйдет по-евангоному. Разве выки опше товарищ? Да согласившись ли ты столько добра на ветер пустит? Эх, убиваешь ты меня, Ездоким. Опомнись! Сбил ты с толку эти коньяки львовольские...

Ездоким глубоко затянулся сигаркой и, глядя отцу прямо в глаза, сказал твердо, почти угрожающе: — Как хочешь, а завтра иду в Шиткино и Бачу. Сердце велит. Ты уж прости меня, но я не враг своей словести. Вот, Тоша, сестренка моя, та сразу разобрались, что к чему.

И ушел, грохот хлопнув дверью. Не поддался он всю ночь. А Григорий Филимонович места найти не мог. Пробовал места найти не мог. Пробовал места найти не мог. Пробовал места найти не мог.

— Как хочешь, а завтра иду в Шиткино и Бачу. Сердце велит. Ты уж прости меня, но я не враг своей словести. Вот, Тоша, сестренка моя, та сразу разобрались, что к чему.

И ушел, грохот хлопнув дверью. Не поддался он всю ночь. А Григорий Филимонович места найти не мог. Пробовал места найти не мог. Пробовал места найти не мог.

за-брата поступилась. «Ох, и в-растид детинек под старость!» — вздохнул Кирипн всю ночь на одет. А утром, когда взошло солнце, у их дома ослеповалась большая толпа непаланомских крестьян, с пинтиками, с мешками за спицами. Все они были на лыжах и, видно, далеко обобрались. Удвоил Григорий Филимонович братьев Москвитинных, с оявних втереди, и все пошел. Еще олаичера батраки утнали от каталажки галонинского часового, освободев непокойных братьев, и теперь уходит они вместе с другими в Шиткино, к своим, чтобы воевать против чехов.

В паву обжал Ездоким Рассенино поглядел на отца и, второпаш схватив свою винтовку на хлеба краюху, метнулся на улицу. И Кочергин не вытержал, заплакал.

— Куда ты? Сгинешь... Не ходи!

Словно заложило уши у Ездокима, даже не обернулся, не поглядел на родной дом. Быстро удалился на край деревни.

Что-то обобрались внутри у Григория Филимоновича Пошатавался, он поберел в горницу, сразу постарел на десяток лет, выбежала пот, ликови усидла отца на кровать, а потом, как то странно засобиралась, слезаясь потеплее.

— До свидания, папана. — сказала она отцу и стремглав вылетела на крыльцо.

— Ездоким! — раздался ее сильный девичий голос. — Ездоким, подожди! Да подождите, черти окаянные, и тоже с вами хочу...

Больше Григорий Филимонович ничего не помнил. В полуоткрытую дверь морозный ветер намечал ворушу, а он лежал в полузабытии, ошеломленный, безу астный ко всему на свете.

«Эх, время, время!» — свердела мозг тоскливая мысль. — Играешь ты человеческими судьбами, крутишь, как горизя река шену, и уносишь в неведомые края. И нет силы, чтобы остановить твой неукротимый бег.

Равнин утром

Иван Андреевич накнул девиселонием пальто и, злобно ежась после сна, вышел на крыльцо. Было темно, по еслу гузила шиперехи метель, заывавал в печных трубах запоси вавы огромными наметной снегом. Газ то хлопала стариме ворота, да за окопашей гудел тайга, как море во время шторма.

С трудом отыскивая дорогу, Иван Андреевич, запырив лавоню от хлестких порывов беснующего ветра, шел проверять сети, расставленные вчера на окрине Шиткина.

А метель то плакала, то лопалась ледяным, лопниным вихором, выливая высоко в воздух снежную дачеть. Это было дух снежному давить. Порою ветер утихал, чтобы через минуту с новой силой обрушиться на человека потоки снега, и тогда он останавливался, жалко лопал ртом воздух, с трудом переводил дыхание.

(Продолжение следует).

лов
ли
што
Сов
раз
рели
гото
высо
пр
ком
зидс
Ро
шем
ных
пр
ных
но го
пулов
лапо
пр
сева
полн
лу мо
ка и
го хоз
В 19
ского
ласти
побий
схо
Механи

3

Сибир
тересны
тивных
лия под
путь ра
елорпа
который
самым и
Однако з
очень не
зять, что
ралият и
Одн
стояния
оне ошу
той лмк
гонье ра
настоице
В этом се
во в райо
Велостивне
школ и л
дык не из
ФК и спор
го 12 пар.
По след
при отих у
по было в
рабату, ели
мла спорт
больше вил
равнинной
Ференция
да
по-атметел
спиритно-мас

В дни школы
нашел 6—7 клас
средней школы
сравной пашере
силыной — учите
лаевой, оирит
А. Трех-Ужег. С
для жалеел дер
шерт. Зрители
выступаше уча

Артель „Ле
колхозов и о
и бочкотару.

Коллекти
ческий пут
ков собов
своеой Т. А
ФЕСЬНС

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение. Начало в №№ 86—92 за 1936 г. и в №№ 2—4 за 1937 г.)

Он почти обессилел, пока стискал часового у Тайшетского тракта. Сказывалось бесконечные ночи, первая напряженность и бесконечные поправки по деревням.

Отирая с лица обильно выступивший пот, Иван Андреевич громко провонял паразит.

— Штык! — ответил часового, выгнувшись из тьмы. — И чего это нам не снится, товарищ Таяшный? Тут все в порядке.

— Хорошо! — улыбнулся Бач. — А спать, дружок, после войны будем. Ну и отоспимся!

Часовой, подойдя ближе, аппетитно лезнул, прикрывая рот рукавицей. Он был весь закутан в собачий тухун, и винтовка казалась дивной находкой, в сравнении с его огромной фигурой.

— Да-а уж поспать-то и и мастак. Бывало, по молодости, после вечерки как хранишь... аж голова на сеновале разлетается по сторонам.

— А тебе сколько лет? — спросил Бач.

— Двадцать три. — сразу поспурился часового. — В годах я.

— Двадцать три! — мечтательно провонял Иван Андреевич. — Все будущее у тебя вперед... А ты все-таки того... не спи.

— Что вы! Тут в мышь не пробьешь, все как на стекле видно. Только вот метель слурела. Давеча гляжу вперед и вправо замечаю конника в черном. Протрал глаза — снова он. Ну мажкнулся для порядка, а само го так и поднимает нечистая: «Стрельня, Ванька, сшиби паразита». Всю ночь наготове ружье держал. Утром рассвело — вижу пень горелый сколько кургу малчик, — весело тараторил часового.

Иван Андреевич, засунув руки в карманы, слушал, а сам не сводил глаз с дороги. Впереди смутно темнели перелески, разрезанные трактом на двое. До них было сажень триста, и любой предмет был отчетливо виден на белом фоне поляны. Но сейчас там все кипело, как в котле. Это неистовствовало метель.

— Ну, тэка, караул, а я скоро смену прошлю, — попрощался Бач с часовым и уже хотел уйти, но на секунду задержался, взглядываясь в тьму. Что-то заставляло его насторожиться. Где-то неудовимо поскрипывал снег, непохоже на шум метели.

— Ты слышал, Вани? — спросил он часового.

— Чего? — испугнулся тот, прислушиваясь. — Это, надо бы, волки бродят, али лешак везьму гонит. В прошлую зиму Двря, соседка наша, обернулась колесом и катится по селу. Мы, по дурасти, за ней, а она как прыгнет, как лавает собакой, жуть пробрала, а дружок мой, Архип, вромок со страху... Ей бо, не вру, не сойти с места...

— Тес, — насторожился Бач. — Он теперь истинно увидел, как из леса выплыл длинной цепочкой люди в облепленных снегом одеялах, похожие на привраков.

— Ого! — изумился часового,

округлив глаза. — Никак белаяки крадутся.

Все может быть, — сказал Бач, выхватывая у часового винтовку. — А ну, шпарь в село, к Александрову, а в тут их придержу.

— Не могу, сухо возразил Ванюшка, пробуя отнять винтовку. — Лучше я останусь.

— Приказываю! — тихо, но настойчиво повторил Бач.

Неизвестные быстро приближались. Они шли, видимо, на лыжах, тяжело ступаясь по ветру.

— Подожди, — приостановил часового Иван Андреевич. — Может, свои...

Шагнув на тракт, он властно крикнул:

— Стой! Кто идет?

Люди остановились, сгрузились. Через минуту вперед отошел человек и, плавно скользя на лыжах, помчался к Бачу.

— Стой! — шепнул затвором Иван Андреевич, в упор наставив на лыжника винтовку.

— Андреевич! — хрипло ответил тот. — Это мы, зимские...

Бач сразу узнал Якова Москвитина. Кивнув винтовку в руки часовому, он, проваливаясь по колено в снег, заспешил навстречу, спотыкаясь на каждом шагу. Крепко схватив Якова в объятия, радостно воскликнул:

— Нашего полку прибыло! Молодцы ребята!

— Тридцать пять человек со мной, — простуженно хрипел Москвитин. — Ребята, айда к нам! — крикнул он лыжникам, стоявшим в отдалении.

Измученные тяжелой зоргой, зимские мужики, приободрились. Каждый по очереди подходил к Бачу, здороваясь за руку. А он смотрел на них и размышлял многолюдно. Человеку присущ коллективизм. С пародом не замечаешь тех горестей, что так беспокоят тебя наедине, расслабили порой первую систему. В коллективе человек становится как бы сильнее, мужественнее, ощущая рядом крепкие плечи друзей, которые не дадут упасть, если где спотынешься.

— Тридцать пять! — мысленно приказывал в уме Бач. — Это немало, когда в Шиткине уже сто сорок человек! Отряд в сто семьдесят пять штыков — грозная сила.

Последний к Бачу подошел высокий, с сажеными плечами, лыжник и дольше обычного задержал руку Ивана Андреевича в своей широкой, как лопата, ладони.

— Или не признал? — спросил он.

Бач удивленно вскинул голову, присмотрелся. Где и видел такое юношески чистое лицо, с волевым подбородком? — искрой пронеслась мысль, а вслух он уже сказал.

— Никак Евдоким Григорьевич!

— Узнал, — засмеялся Кочергин. — А я с сестрой. Или сюда, Тони.

К ним, легко скользя на лыжах, подкатива девушка в белом пуховом платке и остановилась в нерешительности. Если бы было светло, то все бы заметил, как густо покраснела

она, обычно издаломная и бойкая. О Баче Тоня много слышала порой преувеличенного, легендарного. Он ей казался раньше известь каким чудо-богатырем, в железных доспехах. А тут стоит в стареньком пальтишке, обыкновенный мужчина, широкоплечий, в пенсне и, близоруко щурясь, в упор смотрит на нее своими пронзительно черными глазами. А может быть, только в темноте они кажутся черными? Возможно, они голубые? И она ладонку сунула свою, теплую ладонку навстречу Бачу. Тот сжал протинутую руку так, что даже хрустнули суставы пальцев.

— А вы сильный, — сказала она, скромно опустив голову.

— Ой ли? — воскликнул Бач, чувствуя, как быстро краснеет. — Хорошо сделала, Тоня, что пришла к нам. Если такие красавицы идут против Колчака, то не сабровать ему. У нас по будет скучно. Создаем санитарные отряды... работка найдется.

Тоня смущенно улыбнулась. Ей начинал нравиться этот загадочный большевик.

Партизанский совет

В партизанском штабе многолюдно. Знаем дышит железная печка, распалившаяся до красна. И хотя половина окна не по-зимнему растворена настежь, люди растеснулись до последней пуговины воротнички гимнастерок и рубак, илея от вейманской духоты. Собрание было необходимым. Сидели, сгрулись все вместе, не избравя президиум. Оратора, чтобы их лучше было слышно, вставала. Во весь свой огромный рост поднимался грузин Александров и гулит медным колоколом, бросая сизыми отряхивание, как выстрелы, фразы.

— Мы должны представлять монолитный стальной кулак, который будет беспощадно гвоздить по головам чсов-белогвардейцев. Но чтобы кулак был тяжелее и без промаха наносил удары, нужна, во первых, — дисциплина, во-вторых, — оружие ни, в третьих, — толькоые командиры.

Правильно говорит! Валий дальше, каво, подбирают оратора партизаны.

— Без дисциплины — нет армии. Нас раздавят в первом же бою.

— Верно! — галлит партизаны, аплодируя Александрову.

Оратора сменяет Иван Андреевич Бач. Подняв руку, он требует тишины, и когда шум утихает, предложил:

— Есть мнение поставить по славе нашего партизанского ополчения Евдокима Кочергина, человека военного, толково разбирающегося в тактике боя.

— Но Кочергин по социальному происхождению... — перебивает Бача Александров.

— Чепуха, — возражает Бач. — С прошлым он покончил навсегда, а в марксизме разбирается не хуже нас с тобой.

— Прислушаем Кочергина, — разлают голоса.

(Продолжение следует.)

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРС

(Продолжение. Начало в № 86 за 1956 г.)

А по деревьям все еще рыскали чешские разведки, но уже не было в их осянке той прерывательной ко всему деревенскому напыщенности. Ночью вообще вынашивались они показывались связи.

Впервые узнал полковник Зацепек, что такое бессонные ночи в далеком от фронта тылу. Мучили кошмары, чудовищные в своей неправдоподобности. И ни коньяк, ни старый коньяк, которым снабждал его поручик Федоров, не могли успокоить и без того слабые нервы.

Кто-то успел уже сообщить премьеру Пепелневу о шиткинской схватке, и тот немедленно прислал угрожающую телеграмму, требуя быстрее уничтожить партизанское гнездо.

Зацепек срочно телеграфировал в Нижнеудинск, просил подкрепления, и оттуда сообщали, что дежурит ротка карательного полка Кресильников на аэрах вылет в Шиткино на подальшие матаежа.

Но это не успокаивало. Необъяснимая тревога завладела полковника, смешав все его карты. Он велел держать солдат наготове и самовольно распорядился установить у водоканчки неподалеку от реки Тайшетки пулеметы. Был укреплен также станковый пулемет и на водонапорной башне, мрачно возвышавшейся над Тайшетом.

В светлой горенке, в доме купца Айдинова, в котором находится сейчас районный сельхозснаб Зацепек сорвал под спячу кроватку пулемет (на случай окружения), а салаты Айдинова переоборудовал под арсенал, куда солдаты свезли все изысканное оружие и патроны.

Облегченно вздохнув, после обеда он прилег на тахту, но в дверь тихо постучали. Вошла Фрося, румяная с мороза, наполняя горенку тонким ароматом духов.

Зацепек помог ей раздеться, и она, шурша платьем, прошла в комнату.

— У тебя совсем чисто. Я так люблю чистоту и уют. Чехи ужасно культурный народ, даже пепел сигары не собьют прямо на пол! — щебетала она.

— Мы — цивилизованный нация, — патетически воскликнул Зацепек, прикасаясь губами к ее руке. — Памя так хороша сегодня! Наверное, у нас большое событие?

— Ты всегда догадлив. Мой папа решил отметить рождество Христово и приглашает тебя и господ офицеров.

Приложив палец к губам, добавила:

— А тебе — особенно...

— О-о! Я так благодарен. Папа Фрося тоже присутствует на празднике?

— Разумеется.

В обществе Фроси полковник чувствовал себя несколько лучше. Страхи и сомнения уходили куда-то на второй план, а рядом была такая хорошая девушка. «Черт, поברי. — думал он, — в этом медвежьем углу растут изумительные розы, которые бы украсили любой парижский салон».

Фрося, деловито рассматривая носки своих новых туфель, бросала Зацепеку мимозлетные улыбки.

— Ты чем-то расстроен? — спросила она все так же игриво, как это бывает, когда влюбленные остаются наедине.

— Пустяки. Мой денщик излохотил бифштекс.

— А ты обелай у нас. Папа будет рад — он такой гостеприимный.

— Благодарю, — изогнулась в поклоне полковник. — И очень люблю сабирские пельмени...

Фрося как-то загадочно улыбнулась и, поправив складки платья, небрежно спросила:

— Я, в частности, Петер, может, это секретно, но правды да, что в Шиткине появлялась

красная блуда? Я так боюсь говорезов. Говорит, они уносят детеныш и имеют обыкновение. Какой ужас!

Зацепек похолодел, но тут же взял себя в руки. Фрося разбередила и без того помятую рану, но перед ним была женщина, и отвечать следовало благодарно.

— Враки! Там был случай. Какие-то мальчишки поиздали с нашей милицией... Ну, те в перепон очумели и зашиш стрелить... Теперь сплетни.

И совсем тихо сказал:

— Со мной тебе нечего бояться.

— Ты храбрый, — полузакрыла глаза пономня. — Чехи, вообще — ивинственные...

«Что она, кокетничает и выпытывает? — вдруг вдруг подозрение у Зацепека — Петер не похоже... Самшом искренна... Хотя русские по своей природе неплохие артисты. Он умеет во время скрывать свои сокровенное».

Он присел рядом, потянул в плотную, опутан на щеке и горячее дыхание, напоминавшее запах парного молока. Фрося приводила ресницы и смешино поджала адуу, словно лепесток мака, губку.

— Папа страшно изволновался, когда услышал о приходе. Ведь большевики ненавидят священников...

— Да... да... — точно в бреду повторил он, пытаясь обхватить рукой ее гибкую талию.

Каратели

В Алашанье дежурит карательная рота пересел на подводы, направляясь в Шиткино. Офицеры ехали вперези, цугалась меховые тулупы, изредка отглядывая на солдат. Те, посив от холода, то и дело махали в ладоши, суяточно ее ребрисывали словами.

(Продолжение следует.)

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение. Начало
в № 86 за 1956 г.)

Создат было около ста пятидесяти человек, почти все молодые, недавно призванные Колчаком на службу.

Никто не знал, куда ведут их офиеры, а спрашивать не разрешалось — любопытному тут же вышарили пистолет.

Лопата, подбравшиеся хорошему, быстро трусили по дороге, и скрип саней звонко разносился по тайге. На задний позволе сидели двое солдат, тесно прижавшись друг к другу.

— Хвезор! — поднял голову один из них, рыбой, широкоплечий парень, у которого из-под шапки непослушно шлепал рыжий чуб. — Хвезор, та ты слышишь, ах не? Слыхай, мобуш, нас на партизан ведут? Страшно Мей битым тоже ходит в партизанах.

— Дурак ты, Мишка, — недовольно ворчал Федор. — Банне тут партизаны?

— Я чуж, как офицер говорил.

— Ну и молчи.

— Убегу я, нельзя против батьки.

— Попробуй. Доложу прапорщику, он тебе покажет, как бегать.

— Прапорщику надо пуще в затылок, — горячо шепчет рыжий.

— Молчи! Пуще. — и Федор пытается крикнуть в сторону офицеровской повозки, но Мишка скаку закрывает ему лицо руками.

— Тиме, Хвезька, учуют собаки...

— Господи... даи... — приглушенно орет Федор, пытаясь одной рукой сорвать рукавицу, а другой хватаясь за винтовку. — Карра-уз!

Полводы сразу остановились, и офиеры, на ходу выхватывая пистолеты, бросились на крик.

— Что за драка? — заорал усадый прапорщик, разнимая зарушивших. — В чем дело? Табак не поделили?

— Это шпион, большевик... — халобывался от возмущения, бурчочет Федор. — Уговаривала меня, ваше высокоблагородие, стрелить вам в спину... Его отец — красивый бандаст...

— Сука! — плюнув рыжий солдат в спрыгнув, человек взял винтовку наперевес.

— Не волнуйте, ваше благородие, лучше отпустите по-хорошему.

— Сказать его! — скандально благодолит майор, морщась, точно от лубой боли.

Солдаты в нерешительности переглянулись, а прапорщик, выхватив руку с револьвером вперед, закричал:

— Ну, хватайте же! Сучков, дай винтовку, ария такая...

— Расстрелять! — махнул рукой майор и закатал обратно в подводе. Но не успел он сделать и трех шагов, как тишину разорвал сухой винтовочный выстрел. Майор удивленно обернулся, человек занатанся ногой, в плюхнулся на дорогу, широко распластан руки.

— Бей его! — крикнул прапорщик, укрываясь за спины солдат, позабыв, что держит в руке пистолет.

Но Сучков уже перевернул затвор и, не целясь, выстрелил

еще. Пуля угодила в Федора, и он заржал печелочечским голосом, хватаясь за правый бок.

И тут один за другим затрещали пистолетные выстрелы. Офиеры были в упор, с ожесточением, не жалея патронов.

Поматнувшись, Сучков махнул навстречу и пистолет спланился в снег.

— У, палы! — просто шула «го выбежавший вперед прапорщик, а потом, свернув белками глаза, сконволивал солдатам:

— На позволи! Ишь, вылунали денка...

Подняв винтовку, обретенную Сучковым, он сразу всадил штык в неподвижное тело и шагнул прочь, не оглядываясь.

— Нам нужно вернуться на старожу, господа, — сказал он офицерам, которые укладывали тело майора в сани. — Эти собаки только и глядят, как бы улизнуть.

— В ближайшем селе надо сделать охронтельную процедуру, — кинул ему еще совсем юный капитан. — Я, господа, беру командование ротой.

Ночью подводы уже ехали по тахиям удиям Тракт-Ужета. Отсюда до Шиткина оставалось всего несколько верст.

Рассевая солдат по избам, офиеры собрались в доме сельского старосты. Старик, крихата, угощал орешками молоком и бараниной, нехотя отъедал на распрессы белыком.

— Ты, дед, говори толком, много ли партизан в Шиткине?

— Кто знает, бант, что двое много, Я там не был, господи хороший. Тут есть богатенький, некто Гуреев, он как охотно рассказывает, а я болел, ох, как болел.

И поела на печку, истово крестится.

— Ты тоже, напервое, партизан? Слезай с печи, живо! — поймав старика за штанину, сказал прапорщик.

Староста хотел было зайтись позаднее в угол, но прапорщик с силой дернул его, и старик, опрокидывая калаш-то горшки, шикнулся на пол.

— Тобой сейчас же проведник был! — обманная прокуренными зубами, измешлаво скривился прапорщик. — Иначе — ах! — он потряс над головой старосты хлыстом.

— Ночь ведь, на зги не видно...

— Вотговори, скотина! И-ну...

Сунов босые ноги в рваные унты и накиннув наизащитный главный полушубок, старик, омыл, вышел во двор.

Вскоре в избу вошел Гуреев, в сь румяный, словно его материал красных бурлаков. Пройдя на середине избы, отыскал глазами икону, омылся, а потом стал низко кланяться офицерам, отчего его бычьими слеза слезалась багровою.

— О, господа! Мы так вас ждали, господа! Неужто, думаем, нет правды! Руки на смутликом. Почему не зают...

Капитан чуть склонил голову в знак приветствия, сложив тонкие губы в иронической улыбке.

— Скажи, малейший, сколько так этих?..

— Больше сотня... — Гуреев

скосил глаза в сторону старосты

Капитан перехватила его взгляд.

— Уберите дед, — шепнул он прапорщику.

Тот молча взял старика за ворот полушубка, приподнял над скамьей и, поджав коленом, вытолкнул за дверь.

— От так! — досело буркнул он.

Убедившись, что посторонних нет, Гуреев затараторил:

— Точно говори, сотня партизаны будет. Но какие они воляки? Так, шайка. Припугни и разбегутся...

— Дорогу хорошо знаешь? — прервал его капитан.

— А как же! Как свой карман...

— Через полчаса мы тебя идем. Сани, вознижайте людей.

Не успев еще как следует обернуться, солдаты выходили из теплых домов и в полузабытых, похожем на сон, строились в колонну по четыре. По кручинная усика, прапорщик придривчиво обомел строй.

— В-ссей, орды! Чего носы свесили, ах умирать страшно? Не бойтесь, мы их как пауков прихлопнем.

И, сделав каменное лицо, зарчал:

— Смирно!

Бравирова, он направился к капитану:

— Рота готова!

— По коням! — лениво бросил капитан, натягивая перчатки. Оказавшись поблизости кадеты, сбросил на него туловище и помыгал усесты в сани.

И подводы одна за другой выехали из деревни. Сран полдень, то жалобный, то звонкий громкий, казалось, долетал до луны, неподвижно повисшей над миром. Огненные в толстую снеговую шубу полумирали фосфорическими искрами, отражая матовый свет луны. Взадеке вынаеся лес, не пропавшая темный, словно там залуталась ср-ли деревьев сама ночь, мрачная, как возде-мелье. В небе лемонами скользя редкие облака, бросая на землю голубоватые тени.

Подводы двогались с большой скоростью. Солдаты сидели неподвижно, как статуи, и тишина нарушал лишь скрип полозьев и дьячка не зощ-лей Луна тускло отсвечивала в гранях солдатских штыков, и вдали можно было подуматься, что это не конный обоз, а странной доисторической дьявола-решета германских паннонами, кралется в невозможной вымеч, ош тичившись страшными глазами.

Согретый вхожими тулуном капитан смотрел в небо, размышляя о своей жизни.

Окопана еще при наре казетские учалище, он — Бризонский, инук известного генерала Гроппенберга, прославившегося благодарностью в русско-американскую войну, мечтал о подвиге. Воев судий Бризонский мастер моласужил ся у Колчака до злодет капитана и, получив батальон, был в зча счеза разгромлен партизанскими отрядами Щетинкина. Чуть было не потерял он капитанские эполеты, но вмешался сам альярид, и его перебросило в Нижнеудинск в помощь майору, только что убитому рыжым солдатом.

(Продолжение следует.)

пи
де
сх
за
сы
Их
си
кл.

сх
на
ше
ног
гол
шур
ево
пол
и ш
во 3
тею
кото
ли
рас
те р
ства.

форм
звез
толь
поши
наот
«По
тку
и-шло
сельс
Хор
сельс
клас
возн
рабу
тои и

брига
форма
блжно
постой
женн
блжно
ную ра

так
брики.
можно б
возмате
риг, густ
б-дом,
одно и
ишники
платка

Как
предме
клем,
рога, рас
ном сан
то орота
-рого
смыслан
и свине
ред 10—
лет и в

Как у.
На белы
шлюбы
рают ват
ченко? в
ложки в
сильных
спирта в
в арбу
дой. На

Иа зыл
Грива
железны
ниде не
пролож
цене. С
возраст
Руково

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение. Начало в №№ 86—92 за 1956 г.)

Унтер-офицер, громко стуча сапогами, пришел в кабинет и, осановившись на почтительной дистанции, вскинул руку к плечу.

— У слушаю, — сказал Зацепек чисто по-русски, протягивая Галоше сигару.

Не зная, что с ней делать, унтер незаметно сунул сигару в карман.

— Так что, господин полковник, в Занжке мы связали бандитов Москвитинах, — скороговоркой начал он. — Потом нам сигнал дали, будто бы в Шиткине еще одна банда сколачивается. Мы туда, а этих охранять приставили часового. Едем в Шитку с тыла, незаметно, чтобы враг нас не заметил, и тут откуда что началось! Как горох, пули сыпались. Банда человек в двести нас окружила и давай из пулеметов жернить. Но я, — Галоша, отчаянно жестиком распахиваясь. — Я кричу: «Огонь!» Хлопцы — залп по ихним ценам... Всех паловал, а одного, самого главного, схватили вместе с наганом. Ну, потом пришлось отступить и в полном боевом порядке...

От возбуждения у Галоши на лбу выступила обильная пот. Он смахнул ее на табурет и увидел, как полковник закуривает коричневую палку, догадался, наконец, и тоже сунул в рот свою сигару.

Зацепек молчал, исподлобья поглядывая на унтера. Ему было противно обрюзавшее от частых поножек лицо этого солдафона, кривляющегося перед ним.

Снова появился денщик и доложил, что офицерам эскадрона хотят видеть пана полковника.

— Прости, — коротко бросил Зацепек.

Дверь открылась, и в кабинет вошли русский поручик Федоров и начальник разведки подпоручик Штудик.

— Присаживайтесь, господа, и полюбуйтесь на этого болвана! — повис голос полковника. — Испугался жалкой кучки большевиков и драгла во весь дух, позорив наших славных милиционеров. Позор! Как не стыдно, Галоша!

— Так точно, стыдно! — вкочня унтер, у которого затряслись поджилки. — Так ведь их там видимо-невидимо...

— Молчать! — взревел Зацепек. — Вы слышали, господа, что-нибудь о красных в нашем уезде? — обернулся он к офицерам.

— Бред! — побогрел Федоров, сжимая кулаки. — Вы, Галоша, видно, с перепоя обалдели!

— Никак нет! — одеревнел и без того подавленный унтер. — Выпяти самую муть. А красные объявились, сам бог свидетель! Вот их листовки, — и он дрожащими руками вытащил из-под юбки пачку узких бумажек.

— Интересно! — протянул Федоров. — Откуда эти листовки?

Он бегло пробежал глазами написанное. Почерк ему показался знакомым.

— Я где-то встречал этот почерк. Эге... подишь есть... Таежский... Кто же такой?

Мгновенно до сих пор Штудик вдруг поднял голову и тоже взял листовку.

— Таежский, кажешь? — прощ, минутой. Я знал в одно утро учителя. Глаза — окуляр, усы, — он цвелся пальцем по усам, — лицо во... Он изобразил на щеках выжидательные складки. — Но учитель тихий человек. Улыбнулся...

— И вам, подпоручик, черти мерещились? — сквозь зубы заметил полковник. — Знаете, красивые щедры на улыбки. Кто этот Таежский? — взревел он, уставясь в упор на унтера.

Галоша оупело моргал глазами.

— Не могу знать, не видел.

— Тысяча чертей! А я-то дурак, тут все тихо, мирно, — взорвался полковник, грохнув кулаком по столу. — Что же вы все-таки видели, унтер?

— Привезли красного командира, — встрепетала Галоша. — Приважете внести?

— Ведите? — не повиз его Зацепек.

Через минуту денщик и двое солдат внесли полурасстрелятого Свенского. Он чуть дышал. Из полу-

открытого рта тонкой струйкой стекала на пол густая кровь.

Весь он был синий, с прилипшими к коже льдинками.

Глаза полковника поползли ко лбу и неподвижно усталились на распластанное у ног тело.

Поручик Федоров опустил на колени, взяв Свенского за волосы и долго рассматривал лицо.

— Черт побери! Это Свенский. Я его знаю давно. Закоренелый большевик! Но как вы его здорово уработали, унтер!

— Старались! — повеселел Галоша.

Полковник одним прыжком очутился рядом с ним и изогмашь ударил Галошу в зубы. Унтер обмяк и, как подкошенный, упал на Свенского. Тот изрывно застонал.

— Идиот! — дрожа всем телом, кричал Зацепек. — Он мог бы сказать нам многое... Теперь надо долго лечить.

Сомневался в полезности, господин полковник, — сказал Федоров, чиркнув спичкой, чтобы прикурить. — Я знаю большевиков. Это бесчувственные люди. Они молчат, как могилы, даже когда их пытают огнем. Вы говорили, подпоручик, — обернулся он к Штуднику, — что встречали и тайге учителя, назвавшего себя Таежским? Теперь мне ясно, кто скрывается под этим ложным именем. Яркий большевик. И он Бич, в прошлом председатель Красноярского губдемодела. Он причинит немало хлопот, господа! Популярен среди крестьян фигура!

А господин Галоша, наверно прав, Свенский — близкий друг Бича, одного поля ягоды. Я думаю, что партизанский отряд существует. Надо, не теряя времени, сообщить в Нижнеудинск, чтобы выслали в Шиткино карательную роту.

Полковник молча слушал и, обхватив ладонями лицо, тяжело опустился в кресло.

После боя

Стоит удивительная тишина. Кажется притих весь мир, бесконечно огромный, точно онеомедленный столь незаметным окончанием палубы. Солнце ярче, где-то за синевосиними гучами, а на земле, итрити кружась в воздухе, падают снежинки, и нет им дела, что здесь, в селе, только что разграбилось одна из бесчисленных человеческих трагедий.

Широко распластну тужурки, партизаны смодились к центру села, громко переговариваясь, все еще возбужденные стремительной схваткой — их первым боевым крещением. И каждый понимал теперь, что борьба и шредь будет жестокой, не знающей пощады.

Так они шли несколько минут по улице, не зная, что делать, пока их не встревожило громкое ржанье лошадей и людские голоса, раздавшиеся где-то на окраине села.

— Вернулись, подьме! — буркнул Мутонин, пристально глядя в сумрак снегопада.

Прямо на партизан мчалась новость откуда явившиеся подводы, и в санях множество вооруженных.

— В ружье! — нахмурился прошен-тае бородастый крестьянин, привычно вскидывая берданку.

— Погодь, паря. Чудится мне, будто наши... — задумчиво произнес Гурьян Мутонин, приложив ладонь к уху.

— Чего гадать-то, перебивют паразиты! — прицеливаясь, сказал бородач. Но Гурьян отнес локтем берданку вверх. Бабахнула раскатистый выстрел, картечь со стоном ушла в небо, эхо неспокойными перекатами долго гуляло по тайге.

— Э-эй, там! Очумеди, что ли? — раздался зычный голос Бича, стоявшего по весь рост в передних санях.

И сразу отлегло на сердце. Точно взбалмошные подростки, рысью бежали партизаны навстречу своему вожаку.

— Иван Андреевич! А мы-то... Ух, и кашу расклебали...

— Вижу... — хмуро сказал Бич. — Своих готовы пострелять... Где Свенский?

Воцарилось неловкое молчание. Что могли они ответить, когда так вероломно схватили врага на командира. А Бич стоял суровый, замкнутой, только подбровная его нервно дергалась.

— Забрали Свенского, — чуть слышно проорвал Мутонин, странно зашмыгав носом, точно про-стуженный. — Так уж получилось, не доглядели... и вырвать-то ничем...

Расплаканный партизан, в Биче протискивался низкорослый, хромой крестьянин.

— Андрей! Эти гадины, которые белые привели, Иванов да Москвитин вон в той избе чапляют. Притихли как крысы... Чуют, что неладно.

— Здравствуй, Семенов! — подняв голову Бич, глядя на крестьянина немигающими глазами, и хватив рукой, сказал:

— Предателей арестовать.

— Так им! — снова заговорил Семенов. — А меня тожить заставили вести... Штык в спину и не мешалось... Однако я не горюшася, а парня наперед послал... пятнадцатку ему свою дал и семьдесят пять патронов Запасов! — оглянувшись он и, заметив юношу, с обалдевшим Свенскому о беде, поманил пальцем к себе:

— Где моя винтовка?

Юноша растерянно пожал плечами, смутился.

— Оставил в Занжке. Дурак, вдруг оймают!

— Во, дурак! — хлопнул себя по бедрам Семенов. — Так им б из этой винтовки их всех тут перекрошил. Горе ты мое дуковое... — и запрятал по-бабы, всплескивая руками.

Приехавшие с Бичом вооруженные крестьяне молча слушали, яростно помахивая цыгарками. Их было около тридцати человек, крепких, здоровенных сибиряков, не боящихся ни бога, ни самого черта. Природные охотники, привычные с детства к оружию, они представляли немалую силу. Но это была толпа, еще не оформившаяся в боевые отряды, не знающая ни дисциплины, ни боевого порядка. Только ненависть к Колчаку и беззаветная смелость крепко сидели в крови этих добродушных на вид парней и мужиков.

Они во все глаза смотрели то на Бича, то на партизан, только что дравшихся с врагом, и благоговели перед их подвигом.

Первая победа и разовала и огорчала Бича. Он был доволен, что партизаны сумели вышвырнуть белых из села, и до слез огорчался нелепым исчезновением Свенского.

— Мы отомстим за тебя, Станислав! — мысленно разговаривал он с другом. — Стришей возладим врагам за их злодеяния, и захлебнутся они кровью нашей!

— Он, слегка бледный, сонел с саней и молча зашагал к штабной избе, куда в это время партизаны привели Иванова и Москвитина.

Дрожа, как в анхоралке, Иванов судорожно хватался за руки партизан, умоляюще заглядывая в глаза, а Москвитин стоял, свесив голову, с окаменевшим, черным лицом.

— Господа, товарищи... Я не то го... Мы только... Помнауйте, рфди Христа... Все отдам... Только ради бога... — заплакавшимся от страха языком бормотал Иванов.

Упав на колени, он подлез у ног партизан, затреба катанками снег, жалкий, как пришибленный, собака.

— Золотышком откуплюсь... — нила Иванов, всхлиывая после каждого слова. Слезам обильно струилась по его жирному лицу.

— Не вой, — свихнул Москвитин. — Чему быть, того не миловать. — и рванув ворот рубахи, крикнул:

— Срежьте, пейте кровь, раны бездомны!

К нему подошел Запасов, с зрительно сощурился:

— Успеешь ли тот свет. Как видянка, ни старался, а только где вам было меня догнать.

— Шенок! — прошипел Москвитин, невольно поинтившись в сторону.

(Продолжение следует).

Зам. редактора
А. КАВЕРЗИН

(Продолжение. Начало
в № 86 за 1956 г.)

Брильяны были даже раз, что так легко избавился от начальства. В случае благоприятного исхода дела завтра похитит он, и тогда, кто знает, может быть, снова вернет потерпевшее.

Он улыбнулся этой мысли и стал внимательно разглядывать небо. Звезды, в первоначальной беспорядочности рассыпанные в небе, мерцали спокойно, неистинно далеко. Кавитам попробовал найти знакомые созвездия, и его зоркие глаза сразу же отыскали крестообразного Лебедя.

«Странно?— удивлялся он.— Почему Лебедь? Ведь есть покружнее... Вот хотя бы соседние Лира или Персей? Да кому подходит Персей, отрубивший голову горгове Медузе. Он хочет быть похожим на инфантеского Персея. Он отрубил голову этим проклятым большевикам, и тогда...»

Полузакрыл глаза, он мечтательно зажмурился, но когда открыл, снова увидел красноватые звезды Лебеда, так напомнившие крест.

«Дурное знамение»,— мелькнула мысль, но он сразу отыскал ее и померурил надругой бок.

«А где же Венера? Она выходит сразу после заката солнца»,— подумал он, отыскивши любимую планету.

Венера сияла чудным немигающим светом, и даже луна-соседка не в силах была затмить ее голубоватое сияние. Планета находилась чуть ближе звезд, таинственная, равнодушная ко всему земному. Ты сиял пошлостей вылезли ее, и зрелищнейшая назвала в честь своей богини любви Венерой.

Чередуясь, столетия, ис-

числяли с лица земли целые народы, и она все сияет, зовущая холодная красавица.

— Ты вдохновила меня на похват!— тихо шептал юный капитан, покачиваясь в такт быстро несущимся саням.

— Сани!— позвал он прапорщика.— Спроси у этого болвана, скоро ли Шиткино?

— Что прикажете?— скомль полузрелому отозвался Санин а ткнул сапогом Гурнеева.

— Кулея! Где село?

Гурнеев растерянно устанавливал прапорщика, но вскоре, соображив, что от него требуют, сказал:

— Не больше версты осталось. Та вы не беспокойтесь, анти дрыхнут, ноги...

Подготовка

Но партизаны не спали. Вие не успела девятая рота выселиться в Алзала, как от села к селу мчалась Шиткино эстафета о назвавшейся беде.

Всех глубоко взволновала предстоящая схватка. Она будет серьезным экзаменом для партизан, и если былых отобьют, то подошедшие редко уйдутся.

Взвывая поворачивая эти дни на минуту не от шала. Он проверил винтовки и ружья, давал наставления каждому партизану, как нужно вести себя во время боя.

— Нет патронов, без прикладом, зубами грызти, но чтоб ни один белки живым не ушел,— настаивательно говорил он.

А в душе, нет-нет да и зашевелился сомнение: «Устоим ли? Ведь рота идет с повенскими винтовками, патронов по горло, может, и пулеметы есть, а у нас... С дробовиками много не выживешь». Но тут же он перебарывал себя: «Ничего. Все будет хорошо. Ведь побе-

дил же Свенский со своей слабой девяткой Галюшу! А те тер у нас сила. Если хорошо укрепиться, то никакая дивизия не страшна. Главное, дивизия знает, за что дерутся».

Отбросив безгвардейскую часть партизан во главе с Бичом направилась в Контурку, где Ивана Андреевича ждали давно.

В просторной избе Моисей Колзлов собралось до двидати мужчин. Разговор шел об одном: нужно вооружаться, чтобы дать отпор Болзчуку.

Отмахиваясь от наседавшего со всех сторон табачного дыма Бич, еще ружийный с мороза деловито поглаживал чисто вымытый подбородок, пылливо разглагольствуя кресты.

Игнат Колзлов, сидевший у печи на лавке, заметно возмущался и курил одну выгарку за другой. Под его холодноватой рубашкой пружинисто выпирали мускулы, а на лице выступили желваки. Подсел к Бичу, он, сам того не замечая, дымил ему в лицо едким самосадом, и казалось, будто самого Игната кто-то толкает изнутри, и горит сердце хвороба невидимым пламенем, падит дым и лорда поддней и весь-то он словом дымится как сталь, брошенная для закалки из горня и масла.

— Игнат не пустозвон, слов на ветер зря не бросает,— говорил между тем Колзлов, слегка затягиваясь.— У нас тут, Пычотав, человек двадцать наберется. Да Сте кы Ветров еловских фронтовиков привезет, да с Барюсом пойдут скомо...

— Это хорошо! Дивизия сейчас же послала нарочных в Колзлов и Барюсу,— презрительно Бич.

(Продолжение следует.)

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение. Начало
в № 86 за 1936 г.)

— А чего там посылать. Вой бирюсинские то сами идут, легли на позиции, — заметил Иван Ильин.

Все обернулся к окну. И хотя стекла были покрыты изморозью, все же можно было заметить у прильза множество людей.

Заходили гурабы, широко распахнув звери. Белая полна морозного воздуха выдвигалась в избу, обгоняя пришедших, и низко прижавшись к полу, растекалась по углам робкими струями.

Степенно вошли братья Треубовы Максим и Прокопий, здороваясь с каждым за руку. За ними следовали легкие в движении братья Бурлавы Сергей и Николай. Сергей громко выкрикнул приветствие, а Николай, по-домашнему сняв шапку, слегка поклонился и, оставив свои прощательные глаза на Биче, сшил ружьями и сел на корточки у стены. Среди бирюсинцев оказались так-

же Исак Москвитин, Госта Булаков, Кондрат Куркин и Михаил Ознобихин.

— Ого! — воскликнул Бич, встав навстречу пришедшим. — Вот это герои-молодцы! Да с такими ребятами хоть в некое чертей гонять, — и весело засмеялся.

— Чертей, не чертей, а белым хвосты поджарим, — подхватила шутку Сергей Бурлак. — Мы люди не гордые, если нам зуб выклюют, то мы поровним все тридцать два пересчитать.

— Э-э... И вилку, ты веселый парень, — сказал Бич.

— Кто вилку. Мамка скажыла, будто у скomorохов за полтину куница.

Партизаны громко захохотали. Сидевший на печи рыжий кот испуганно пасторожился и стрелоглаз кинулся на пол. Это еще больше рассмешило людей, и вся изба вздрогнула от гомерического смеха этих крепких-хаеборобов.

— Здорово, молодцы! — раздался вдруг чей-то бойкий голос. — Чего это вы тут ржете,

как кони?

Это вошел в избу Степан Петров, еще молодой мужчина с веселыми глазами. Вместе с ним в избу, подталкивая друг друга, входили еловские мужики Гавриил Попов, Спиридон Семенов, Афанасий Пестерев и еще трое, незнакомые Бичу.

— Проходи, Степан, — и бунешь, — поднялся с лавки Игнат Колзов, широко жестом приглашая вышедших пройти вперед. — А мы за вами только что нарочного послали.

— Видели. А вот гостем тащю не хочу быть, хочу вместе кошевать, да Колчаку подарочки посылать, горячие, свиные, дежигтрамные, — парусенья протянул Степан, употребляя неизвестно почему слово «тащю».

— И то верно, — все тем же шутливым тоном подкинул Игнат. — А уж если кошевать, то раздвайся и толкуй, какой пай в хозяйстве шлобешь.

Петров стряхнул рукавицей снег с плеч и вымранился:

— Всего нас шестнадцать че-

ловек + столько же ружий, да пороха сума. А главное — вилки, — и обернулся к старому в потрепанном солдатском кашлыке: — А ну, Василий Иванович, скажи товарищу, какой ты пай воевал в Вилной, когда богачам ответ писал?

— Пай стараться! — приобрился старик Семенов. — Так что все, как один, умрем на красном кресте! Я вот этим дробовиком ни одного медведя да сохатого уложил, а белых сам бог велел к рай посылать.

— Правильно, отец! — сказал, улыбаясь, Бич. — А вот уморять рано, пусть Колчак сначала.

У всех было признанное настроение. Рассаживались кто на кровати, кто на полу. Мужики были, как на подбор, крепкие, дюжие, с детства выстроившие нелегким трудом. И тягоста прошлого как бы отодвинулась далеко назад, а впереди было что-то новое, свое, необыкновенно волнующее. Каждый мысл, что собрались сюда не ради балагурства, а ради этого нового, к которому еще долго нужно идти вторыми тропами, и кто знает, всем ли удастся добить до него.

— Данаф, Андрейч, ты во, — сказал Игнат, обернувшись к Бичу.

Иван Андреевич встал, ходил то к одному, то к другому, заговаривал, как востричко. Слова приносили выплывав откуда-то из груди души, словно нешпуружина вытаскивала их.

— Нам жена не в, в которой мы наложимся, а как бесчеститует. Он же доносит нашу молодежь да обонку армия, он же без того наши кресты доверь, он хочет востро монархию, у которой он коня — плеть да тюремный етка. Красная Армия же под президентом, мейского командира Фрунзе, белокошатов. Брат же свой конец и отрок и все больше. Он хочет же славяно в Сибирь, и мы должны индустриальные стансы, по шестню. Революция будет, и мы должны приближать час победы.

(Продолжение след.)

Редактор И. КОЛЧУК

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение. Начало
в № 86 за 1956 г.)

В доме Бондарева Петрова не оказалось, и часовой не спеша стал ходить из избы в избы, нарочито делая озабоченное лицо. Девушки с любопытством поглядывали на молодого партизана, и он, не упуская случая, шептал их укладной и, довольный произведенным эффектом, снова выходил на улицу, пока не столкнулся с Петровым грудью в грудь.

— Ослеп? — выругался Степан.
— Во! А я тебя иду по всей деревне. — И переходя на полусерьезный, торжественно добавив: — Командир отряда Козлов просил зайти в штаб по важному революционному делу.

— Без тебя знаю,
— Кто сказал?
— Дед Тихо...

Часовой обидчиво сдвинул губы и сконфуженно завыгал слезом. В Нардоме за тонкой перегородкой слышались голоса. Кто-то протруженно кашлял, и голоса на мигновение утихали, словно присутствовавшие там ждали, когда утихнет этот кашель. А потом говор разгорался с еще большей силой. Видно, являл обсуждали какое-то важное мероприятие.

Отворяя дверь, Петров увидел,

что за столом сидят Игнат Козлов, Яков Москвитин, Иван Ильин, Ермаил Насонов и Павел Ильич Кочергин. Бич стоял у входа в палату и в шалке, молча слушая.

— А-а, Степан, проходи, дело есть, — сказал Козлов, отодвигаясь на лавке и приглашая сестру рядом. — Мы решили выйти сегодня к Суеитинскому мосту и разоружить там охрану. Винтовок-то не хватает...

— Хорошо решили, — ответил Петров. — Я так же сам думал, с чего начать.

— С этого и начнем, — вступил в разговор Бич. — Собирай отряд, и тоже с нами.

— Веселее будет, — усмехнулся Петров. — А чего это вы тут спорите?

Игнат исполובья взглянул на Кочергина.

— Павел советует взорвать мост, и точка, а мы говорим, что не годится это. Красная Армия пойдет, тогда что делать будем?

— Не тужи; Наши! — весело сказал Петров. — Мы и без моста им все нути разворотим. Ну, и побежал.

У крыльца, не обращая внимания на часового, Петров взял молот и стал бить в рельсу. Заслышав сигнал, партизаны выскакивали из домов и бежали к штабу.

Когда собралась все, Петров крикнул:

— В одну шеренгу становись!

Стронулись быстро, по ранжиру, ибо это были в основном боевые фронтовики, порядком изношенные пороха на германском фронте.

— Пойдем сейчас выполнять боевое поручение штаба. Седлайте лошадей. На это даю десять минут.

Вскоре отряд верхом на конях двинулся в сторону тайги.

Ехали быстро. Застоявшиеся кони, покусывали удила, без особых усилий рысью брали некрутые подъемы. В пристанционном поселке Венгерка в нескольких километрах западнее Суеитихи спешились, разоружили начальника станции и путейцев и, оставив часовых, поехали к Суеитихе.

Тихо и безлюдье парил вокруг. Бич шел впереди. Он хорошо знал здешние места. Он знал даже, что охранников 14 человек, что прислали их недавно, когда усматривали о партизанах. Эти сведения Бичу сообщила его брат Арсений, работавший на железной дороге. Он был как бы партизанским связным.

Обойдя мост тайгой, партизаны вышли к нему с юго-восточной стороны. Кругом был нетронутый

лес, весь в снежной одеянии. Смеркалось.

В казарме было тихо. Охранники после ужина уже спали, ибо от безделья не знали, как лучше убить время.

Партизаны зашли в казарму бесшумно. Зажгли свет.

— Подъем, орлы — молодцы! — крикнул Бич, держа наган наготове.

— Брось шалить, — не открывая глаз, пробормотал спавший солдат, натягивая на голову шинель с унтер-офицерскими погонами.

— Гости пришли, а он недоволен, — заметил Петров, предусмотрительно отставив винтовку, стоящую у изголовья унтер-офицера. — Хахтит дрыхнуть-то, вставай, радуйся гостям.

Унтер мотнул головой, стараясь проснуться, и, наконец, открыв глаза, ошумело уставился на партизана.

— Кто такие? Пошто тут?

— Да, вот видим, скучно вам тут, ну и пришли разузнать, как житье-бытье ваше, — продолжал Петров.

Солдаты вставали проворнее, испуганно поднимая руки вверх.

— И надо же так уснуть? — как ни в чем не бывало, зенула во лезь рот унтер. — Гости пришли и угощать нечем. Та вы сидите, чего там! Раз такое дело, то и спайте.

— Приходится, согласился Петров.

Унтера тут же обматывали кроме грязного носового платка табакерки ничего не нашав.

Партизаны не спеша сели винтовки и патроны, застыв солдат одеться.

— Кто жалеет, можете встать в наши ряды, а кто трусит, бе куда глаза глядят. — слышался. Но другой раз не попадите.

— А меня к стенке? — спросил унтер офицер.

— Не хватало еще возиться, най во все доплатя и не больше воевать.

— Нужда пришла, — усмехнулся унтер, напяливая шинель.

Потом он негораздо и погоны, бросил их в печь и тановившись у двери, сказал:

— Спасибо, товарищи. И скрылся, словно в никуда.

Стоявший на мосту винтовочный часовой покорно отдал винтовку и патронные сумки и занял.

Отряд возвращался с добычей. Без единого выстрела были разогнаны охранники, которых прикинула к партизанам. Кроме того, взяли 14 патронов и три револьвера. Вилантом, отнятые в казарме начальника станции.

(Продолжение следует)

Редактор И. КОЛМАКОВ

(Продолжение. Начало
в № 86 за 1956 г.)

В Шиткине наши партизаны уже показали беднякам, что нет и не будет им покоя на сибирской земле.

После Бича выступали крестьяне. Они единодушно предложили организовать отряды в Бирюсе и Конторке.

— Обетанонка жена, — сказал Бич. — Я предлагаю назначить командиром Бирюсинского отряда Якова Мироновича Москвитина. Товарищ деловой и доверие оправдает.

— А ну, покажись, Миронович, — послышался голос.

Москвитин встал, расправляя саженные плечи. Партизанам он сразу понравился.

— Командуй, Яшка! — зашумели они. И снова заговорил Бич, заставив прислушаться каждого, кто находился в избе.

— Мы собрались сюда не для того, чтобы охранять только свои дворы. Такое нам не с руки. Я о том речь веду, что недалеко от Бирюсы и Конторки есть железная дорога...

— Надо её сломать, — вмешивается Бураев, — и ни одной души не пускать.

— Правильно, — сказал Бич. — Застопорив движение на дороге, мы тем самым нанесем большой урон козачаковцам. Назрела необходимость создать летучий отряд лыжников и поручить им это дело.

— Мы готовы хоть сегодня пойти на дорогу, — откликнулся Петров.

— Тебе и поручим возглавить отряд. Я слышала, что ты в Красной Гвардии служил?

— А как же! С самого начала. Только вот в Канске нас чехи

разбили, пришлось скраться на время.

Бич, подняв руку над головой, спросил вниманья.

— Товарищи! Я думаю, что Петров сумеет командовать отрядом.

— Какой разговор! — раздался голоса.

И, не теряя времени, партизаны тут же составили списки отрядов. Командиров утвердили единогласно. Конторский отряд возглавил Игнат Козлов, летучий лыжник — Степан Петров. В этот же день бирюсинцы вместе с Москвитинным выехали в свое село, чтобы поднять односельчан.

Вылазка

Давно не знала Конторка такого шумного оживления на улицах, как в эти январские дни 1919 года. У Народного дома, что был построек силами крестьян еще в первые месяцы Советской власти, большое скопление конных и пеших людей в самых неожиданных одеяниях. Здесь можно увидеть партизан в старых солдатских шинелях с огненными башлыками, в полушубках или просто в рваненьких зипунах. И вооружены тоже по-разному: у кого винтовка-трехлинейка, у кого дробовик, а некоторые просто с топорами или вилами. И взоры каждого невольно устремляются к фронтому Народного дома, где полочет под ветром красивый флаг.

Словно пламя костра в пустыне, зовет он всех обездоленных к себе, согреть сердца их непонитным телом, от которого быстрее течет кровь в жилах и человек становится увереннее в себе, смелее.

К Народному одна за другой подкатывают подводы, их окружают

люди, помогая приезжим разгрузить связки ружей, мешочки со свинцом и порохом, продукты.

В Народном доме — партизанский штаб. У крыльца, на подлесе, кто то укрепил кусок рельса для сигналов, а в стороне, переминаясь с ноги на ногу, стоит озябший часовой. Он с завистью глядит на партизан, слоняющихся у здания. Часовой недоволен своей судьбой. Ему хочется поговорить с друзьями, выкурить пару цыгарок, но штаб строго запретило во время несения службы делать это.

«Сами-то сидят в тепле и смеют табак почем зря» — думает он, но, зайдя в двери Игната Козлова, застывает, откинув голову выше, чем следовало.

Игнат в своей неизменной солдатской шинели выглядит браво. Борты застегнуты до горла, через плечо — ремень, а сбоку в кожаной кобуре «Кольт».

«И где он раздобыл, чертичка?» — мысленно удивлялся часовой, любуясь ладной фигурой командира.

— Рукосуев! — окликает часового Козлов.

— Ась! — вздрогнул часовой, не меняя положения.

— Как отвечаешь? Говори, я слушаю, а то на тебе: ась». Беги-ка, мил человек, к Гаврилу Бондареву и скажи там Степану Петрову, нехай в штаб идет. Ну, действуй!

— А пост?

— Не твой беда! Ежели команду, значит выполняй.

Часовой, придерживая винтовку, побежал рысью по улице, довольный поручением.

(Продолжение следует.)

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение)

Начало в № 86 за 1936 г.)

Офицеры хмурились, не глядя друг на друга. Каждый понимал, что вступать в бой с восставшими крестьянами, это все равно, что тушить пожар древесными опилками, ибо солдаты были поголовно выходцами из крестьянских семей и ждали только случая чтобы перейти к своим. Чтобы удержать их в повиновении, нужен был человек с железной оаей.

Кто-то предложил послать на усмирение казачьи части, но штабс-капитан резко оборвал говорившего.

— Казаким и без того дела по горло.

Но вот вперед выходит поручик Белькович. Поджарый, узколицый, он выделяется среди офицеров низким ростом и крутым нравом. В руках у поручика тонкий стэк. Он всегда при нем и стал как бы необходимой принадлежностью, как сабля у кавалериста или кортик у морского офицера. Говорили, что Белькович даже из время сна не расстается с ним. Он груб с солдатами, считая их чем-то вроде животных, которых можно бить и которые, по его мнению, не способны думать и говорить больше, чем это предусмотрено воинским уставом Колчака. Офицеры его не долюбивают, считают выскочкой и садистом, а он платит им той же монетой, не скрывая презрения к своим коллегам по оружию. Бель-

кович не брезгал самими жестокими мерами, когда речь шла об усмирении рабочих или крестьян. Он не без гордости хвастался, как в одной из деревень уезда сожгил в дом все: женщину и детей, мужья которых ушли в партизаны, наглухо запер их там и поджег.

Солдаты его ненавидели, как ненавидят гадюку.

Все невольнио вздохнули, когда он, гордо приподняв ладные плечи, подошел к штабс-капитану.

— Мой рот в любой час готов выйти на усмирение красной банды, — с пафосом отчеканил он, победоносно окинув взглядом примокших офицеров.

Штабс-капитан одобрительно склонил голову:

— Правительство не забудет вашего благородного поступка.

— Я дворянин и исполняю долг, — не меняя голоса, продолжал поручик, и в черных, как смоль глазах его вспыхнули злые искорки.

Чувский тракт протянулся от Нижнеудинска на север, петляя вдоль берега Уды. Он проходил через старинные села Баер, Балтурино, Бунбуй и кончался в Шиткино. Рота двинулась по этому тракту. Белькович рассчитывал зайти партизанам в тыл и внезапным налетом разгромить их.

Делая короткие ночные остановки, рота стремительно двигалась вперед, не шадя дождей. Крестьяне тревожно поглядывали на шивесть откуда взявшихся сол-

дат, вооруженных новенькими японскими винтовками.

На подходе к деревне Мироновка Белькович заметил, что подчиненные то и дело перешелтываются, многозначительно поглядывая в сторону офицерской подводы. Это возмутило поручика. Он велел остановиться и бегом бросился к саням, где один из солдат невозмутимо посасывал штакерку.

— Вставай! — рякнула поручик.

От неожиданности солдат выткнулся в струнку, и тонкий стэк, с свистом разрезав воздух, оставил на его лице несколько багровых полос.

Чтоб ни звука я не слышал, — предупредила солдат офицер.

В Мироновке остановились на почле. Предчувствуя недоброе, Белькович сказал офицерам:

— Эта дрянь начинает меня беспокоить. На всякий случай надо вернуть пулеметы в Нижнеудинск. Повезете вы, — он указал на трех молоденьких офицеров. — Будем драться с красными без пулеметов. Слишком большая роскошь будет для них. Ну, если побьют наших солдат, туда им и дорога.

В этот же вечер офицеры отобрали оружие у крестьян-охотников и улеглись спать.

А в избе, где находились солдаты, шла совещание. Ротный фельдшер Позднин полушепотом говорил:

— Надо пойти и разоружить офицеров.

— Не так-то просто, — угрюмо

буркнул изводный Юферов. — Они спят чутко и часоного выставили.

— Все равно, рано или поздно и им придется с ними биться. Не пойдем же, мы воевать против своих.

— Надо подождать, — сказал Кошкарев.

— Ждать, пока тебе партизаны пулю в лоб закатают? Думай, что говоришь.

— Я думаю. А только у них там пулеметы.

— Хорошо, если бонтесть пулеметов, то подождем, а в Балтурино надо кончать эту канитель.

В Балтурино прибыли на другой день. Солдаты выглядели браво, и на душе у Бельковича отлегло. В этот день его стэк оставался без работы.

— Одумались голодранцы, — сказал он подпоручику Перфильеву, добродушному задорняку с открытым лицом волжанина. — Зря пулеметы отпразднил.

— С солдатами нельзя грубить. Надо лаской обращаться, тогда хоть веревку из них вей, — ответил Перфильев. — Теперь и без пулеметов обойдемся.

Но спокойствие, царившее среди солдат, было лишь видимым. Вечером Позднин сумел убедить их, и все ходили как на иголках, в любую минуту готовые к схватке. Кто-то тайком успел предупредить крестьян, чтобы не тревожились, если поднимется пальба.

— Дело, сынки, дело! — говорил Юферову дряхлый старик Брюханов. — Нельзя, паря, против своей родной крови супостатам идти.

Всю ночь солдаты не спали, взволнованные предстоящей схват-

кой, а утром, когда торжественно играл подъем, они сразу выходили из домов, пригнувшись к бою.

— Рота, стройся! — званко крикнул Белькович, видя, что солдаты снине толпятся у подножия.

Те, кто был помоложе, становились в ряд, но большинство, словно не замечало команд.

— Вы что, мокрые курицы, ходите из себя закричала поручик Юферов, почему извод бродит голова торговков? Коняну слыли?

— Знамо дело, — широко разотозвался Юферов. — Роты стройся!

— Как отвечаешь! — побелел поручик. — Ты изводный или бандит?

— Ошибаешься! — выкрикнул Юферов, и в упор выстрелил в Бельковича.

— Сдавайтесь, господа! — не своим голосом крикнул Михаил Озновичин, но кто-то из офицеров успел выстрелить из револьвера, и солдат упал, раненный.

И тут начался свист. Солдаты Кошкарев, Бархатенко, посылали в офицеров шары за дубом.

Отстреливаясь, подпоручик Перфильев не оглядываясь за спиной солдат сдаваться добровольно не успел сесть в сани, и лошади мчалась по улице.

(Продолжение следует)

Редактор И. КОЛМАКОВ

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение. Начало в № 86 за 1956 г.)

Разгорелось пламя

Со стороны Бирюсы в Конторку ошалело мчался всадник. Он пронесся мимо постовых, притаившихся за околицей, и те, опозная своего, крепко выругались ему вслед, погрозили штычками. А всадник, переходя на рысь, уже скакала по улице, привлекшая внимание партизан.

У штаба он вздыбил коня и, бросив поводья на холку, скрылся в помещении.

— Где Таежный? — неестественно громко крикнул он.

— Невежа! «Здравствуй» съел, что ли? — язвительно заметил Козлов, читавший какие-то бумаги.

— Некогда тут зловаться. Таежный где?

— Был да весть нишел. Ежели по делу, можешь и ко мне обратиться.

— Приказано до Таежного, лично. Ну чего молчишь-то? Срочно нужно!

Козлов нахмурился, почувствовал недоброе.

— Ушел к фельдшерам, лазарет смотреть, — сказал он, невольно поднимаясь из-за стола. — Говори, Трезубов, у нас секретов нет...

— Потом, — пробормотал пошедший и пулей вылетел во двор.

Он вкочна на коня, и послушное животное затрусило по улице, разбрызгивая желтую пену.

Дом, где находился партизанский перевалочный пункт, Трезубов нашел не сразу. Но здесь Бича не оказалось. Молоденькая санитарка, смущенно отводя глаза, сказала:

— Только что был. Ищите его у хозяйственников. Это в доме Бондарева.

Потемнев от досады, всадник скакал к дому, где располагалась хозяйство. Во дворе скопилось множество о саней, доверху нагруженных мешками, бочками, ящиками. Возле них суетились люди, уносили груз в сарай. На вопрос Трезубова никто не отозвался, а мрачноватый Бондарев раздраженно булкнул:

— Пово... не дают человеку... К ружейникам пошел Бич-то. Шляетесь тут...

— У меня поручение! — чуть не плача от обиды, пыхтнула Трезубов, поворачивая коня.

Огавнувшись, Бондарев искоса взглянул на него и широко раскрыл глаза, когда увидел, что конь весь в пыли. Значит, не просто приехал пареня.

— Постой, человек! Что случилось? — спросил он встревоженно.

— Много знать будешь, голова облысеет, — отпаривая Трезубов, дергая поводья.

«Хозяйственники» удивленно подняли головы и, переглянувшись, снова занялись мешками.

— Странно? — покачал плечами Бондарев, проводя взглядом всадника. — Ишь ты, обидеся... Видать, белки гнались.

В отъезжей мастерской пахло дымом, пережженным салом и керосином. На столах разложены разобраные ружья, горкой лежат стреляные гильзы. Кто-то неустойно раздувал у горна мехи, другие суетились у наковальни.

— А ну, надай! — просил рыжебородый кузнец, поворачивая на наковальне огненный кусок металла, лязгавый клещами.

Широколицый чареный, улыбаясь, колотил молотом по железу. В его руках молот казался игрушечным. Видно, работа доставляла парню удовольствие, и он, покрываясь, колотил что есть сил.

Ближе к окну за длинным верстаком сидели в серых нагрудниках люди, набивая гильзы порохом и лопкой и ставляя в вид свинцовые пули, которые изготовлялись тут же.

За одним из столов бирюсинец заметил Бича. Он стоял к нему спиной и разговаривал с Патриком.

— Иван Андреевич!

Бич через плечо мельком глянул на пошедшего, не прерывая разговора.

— Товарищ Таежный! — почти крикнул Трезубов, подбодра близже. — Я вас больше часа ищу.

— О, Максим! Здравствуй! Ты чего такой бледный, а? Ну-ка, подойди ближе...

— По секрету я.

— Говори, здесь все свои.

— Все-таки, — озираясь по сторонам, съязвил Трезубов.

Но ружейники занимались каждый своим делом и не обращали внимания на пошедшего. Успокоившись, Трезубов сообщил:

— Сегодня утром в Бирюку приехали офицеры и арестовали несколько человек. Обвиняют в большевизме. В Тайшет арестованных повезли. Москвитин спрашивает, что делать?

Известие было не из приятных, хотя Иван Андреевич и обиделся по поводу. Видно, бирюсинские богачи не дремали. Арест подпольщиков — дело их рук.

Первое, что пришло в голову Бичу, это пойти с отрядом в Тайшет и освободить бирюсинец. Но сделать так, значило послать под вопрос существование отряда, который белым легко могли разгромить в открытом бою.

Что же еще?

И решение выливается само собой. Он зачем-то снял пенсне и протер платком и без того чистые стекла.

— Слушай, Максим, — глухо сказал он. — Мы, пожалуй, ничем не поможем. Передай Москвитину так. Пусть соберет сельский сход и назначит в Тайшет поручительство. Дескать, общество ручается за арестованных, что никакие они не большевики. Сейчас у белых силы пока небольшие.

не посмеет обществу отказать. А вы тем временем не спите. Как только выпустят арестованных, поднимайтесь. В общем, я еще приеду.

— А если не выпустят?

— Хм... Сяду сообщу мне. Езжай, брат, да гляди в оба, верюте час.

Арест пяти бирюсинских подпольщиков не мог повлиять на ход борьбы, но каждый человек был дорог партизанам и следовало что-то делать.

Вернувшись в штаб, Иван Андреевич присел на скамейку и почувствовал, что сильно устал. Свинцом налилась голова, покалывало в висках. Сказывалась нервная напряженность и бессонница, ибо он каждую ночь отрывал время у сна, чтобы решить массу вопросов.

Перебирая в памяти проделанное, он с удовлетворением отметил, что прошлогодние мечты стали действительностью.

На какой-то миг перед глазами, как на ладони, возник весь район партизанского движения. Кругом заснеженная тайга, перерезанная ниточками дорог, а в тайге обитые островки: села, деревни, замки.

Если бы их занести на карту, то не один красный флажок пришлось бы втыкать туда, где уже ввелись отряды, созданные Бичом.

Самый яркий флажок в Шиткине. Там остался отряд Ендокима Кочергина, спланировав вокруг себя крестьян и готовясь к походу на Акульшет. Второй флажок устроился бы в кружочке, обозначающем на карте Конторку, третий — в Нижней Займке. Здесь Бич мечтал создать партизанскую столицу, ибо Займка находилась в центре действия. Удобно иметь там главный штаб фронта, продбазу, госпиталь и главные оружейные мастерские.

Сейчас в Займке, так же, как и в Еловой, стояли партизанские караулы, которые в шутку прозвали «гарнизонами».

Еще день-другой, и деревни Акульшет, Бирюса, Гоголевка, Серафимовка перейдут на сторону красных. В каждой из этих деревень действовали подпольные организации, успешно проводившие среди крестьян работу.

Как только здесь создадутся отряды, необходимо будет укрепить фланги и тылы фронта. Бич наметил организовать на западе от Юрт Кучеровский фронт в селе Кучерово, на северо-востоке — Баерский фронт в селе Баер, а также в поселке Ингашет.

Таким образом, Тайшет окажется в огненном кольце, что создаст предпосылки для широкого наступления на железную дорогу.

В штаб входили и выходили партизаны, докладывая обстановку, советовались с командирами. Пришли новые люди, пожелавшие сржаться с Колчаком. Это были крестьяне из Шелехова и Тумашета. Среди них оказались братья Горелыды, которых Бич знал давно. Конторский отряд в этот день уже насчитывал более 200 человек.

«Пламя разгорелось, пусть оно пылает еще ярче. Оно будет пылать, пока не сожжет дотла бело-гвардейскую нечисть», — подумал Иван Андреевич, крепко пожмая руки пришедшим. А они по-хозяйски расспрашивали о квартирах, будто собирались остаться здесь навсегда.

— Железо куют, пока оно горячо, — подсел к Бичу Петров. — Нам уже сил! Я тайно с ребятами перебрался и думаю, что надо белков и Юртах пошевелить. Пусть от Бирюсы «талекутся».

— Хорошо подумал? — строго спросил Бич.

— А как же! Там есть красногвардеец, в прошлом боевой машинист бронепоезда Эрист Беркен. Огневой мужик! С самим Сергеем Лазо по ручке здоровался.

— Опоздал малость, — лукаво прищурился Бич. — Я утром велел Бондареву метнуться туда и помочь Беркену.

— Ну и хорошо! А завтра с отрядом подойду, и мы таких дел наворочаем, развали-малина! Разрешается?

Иван Андреевич, улыбаясь, потрепал Петрова по плечу.

— Тебя будто керосином начинили и подожгли. Так и горюшь весь. Смотри, пареня, ненадолго хватит.

— Смутившись, Петров развел руками.

— Какой там керосин! Дело общее. Пошел партизанить, так уж не глядя в кусты. Ни-да, Ты, Андреевич, не юли, а говори прямо! Ну?

— Чего понукаешь. Разве я мерю, а? Хм... — и хлопнув Петрова ладонью по спине, закончил.

— А даешь.

Степан одураченно издохнул и стал застегивать шинель.

Никнеудинское командование белой армии не на шутку встревожилось создавшейся ситуацией. В казачьих и солдатских подразделениях усилилась излоачная дисциплина. За малейшую провинность солдат подвергали телесным наказаниям, а иногда расстреливали.

Было создано экстренное заседание бело-гвардейского штаба, на котором решался вопрос о ликвидации «большевистского мятежа». Командование наметило, не теряя времени, послать в Шиткино усиленную карательную роту. Охотников добровольно возглавлять «крестовый поход» против партизан не оказалось.

Седой, как лушь, штаб-квартира раздраженно косил глаза, не обращаясь вокруг офицеров.

— Мальчишество! — отрывисто кричал он, разрубая воздух продолговатой ладонью. — Я не представляю, как это можно опасться каких-то босиков, вооруженных чорт знает чем. Предлагаю подумать, господа.

(Продолжение следует.)

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение.)

Начало в № 86 за 1956 г.)

После ему загрели выстрелы. Перфильев сгорича выскочил из саней, отбежал несколько шагов и свалился в снег.

Когда к нему подошел солдат, он был мертв.

Из домов выбегали крестьяне, звали солдат к себе, восслали их домой.

— А мы, паря, думаем, ежели пойдете на Шиткино, в санни вам ударить... А тут... Молодцы, ребята...

Фельдшер Позднин, которому солдаты стали беспрекословно подчиняться, приказал тут же послать в Шиткино нарочных с радостным известием. Так шестая рота, хорошо вооруженная, именная на каждого солдата по 250 патронов, перешла на сторону Шиткинских партизан.

Хороша зимняя тайга на рассвете. Медно-красное солнце величаво выплывает из за горизонта, и сумрак отступает куда-то в глубокие пади, не в силах спорить с его ослепительными лучами. Воздух загустел на морозе и чуть трещит, сверкая мириадами мельчайших снежинок, оставленных ночным туманом. Словно озябшие, деревья тесно жмутся друг к другу, и мороз, будто сжалившись, окутал их бархатом куржака.

Тихо.

Только вороны, пригревшись на солнце, молча перестают с дерева на дерево, оскверняя чернотой своей нежнейшую розовость зашнейшего кедрка.

Спит тайга, очарованная колдовским сном, и что снится ей, никто никогда не узнает. Разве только солнце?

Иногда выбежит из глубины чащи тонконогий красавец лось, гордо встряхнет ветвистой головой, насторожится, раздвигая ноздри, и... нет его.

Тайга, тайга! Кто вызвал к жизни тебя, необозримую, как океан, печно волну? Что хранишь ты под своим покровом? Только могучим рекам услужил ты дорогу, и они щедро платят дань, утоляя неистребимую жажду твою.

Щедра мать-земля, породившая такую титаническую силу.

Стоит тайга, одетая в снеговые меха, и может снится ей люди, для которых и хранит она сказочные сокровища...

Солнце поднялось высоко над деревьями, когда Евдоким Кочергин выехал из Шиткина навстречу шестой роте. Еще вчера он получил из Балхуррина депешу и приказал отменить боевую тревогу.

С Кочергиным было четверо партизан, молодцевато гарцевавших на конях. На их щанках алые ленты, за плечами трехлинейки, в карманах — гранаты.

Приуроченные изморозью, раскрасневшиеся, они скакали, громко переговариваясь. Тракт с обеих сторон обступили колоннады столетних кедров и пихтача, утопавших в глубоком снегу.

Встревоженные вороньи, насупившись, неотступно следя за людьми, словно ожидая подачки. Скакавший впереди Кочергин лично свистнул, и тысячеголосное зло засвирило на все лады, точно ватага отъявленных удалцов. Вороны, расластав крылья, свалились с деревьев и, отлетев немного, уселись на развесистой сосне. Оттуда посыпались голубоватые струйки снежной пыли.

— Сниму али нет? — сказал молодой краснолицый партизан в барашковой шапке, на ходу прицеливаясь в ворону, оседлавшую макушку сосны.

— Не шали, Рукосуев! — приказал Евдоким. — Патронов и так не густо.

— Один разок! — умолял партизан. — Вместо ученья.

И, не дожидаясь ответа, выпалил. Вороны палсадо закаркали, подвинувшись в воздух, а та, что была на макушке, удивленно вращала головой, пытаясь разгадать, где это так громко треснуло дерево.

— Дурак! — выругался Кочергин. — Тебе бы в корову за пять шагов стрелять.

И, выхватив свой „бульдок“, не целясь, нажал спусковой крючок. Ворона камнем упала к подножию сосны.

Партизан раскрыл рот от восхищения.

— Дай и еще разок.

— Не смей! Отберу винтовку! — прикрикнул Кочергин, сунув револьвер в карман.

Тракт, ровный, как стрела, то поднимался в гору, то круто уходил вниз. Ехали долго, нагедка понукая коней, которые и без того легко брали подъемы. Остановились у охотничьей избушки, спрятанной в глухой чаще, чтобы обогреться, подтянуть подруги.

— Эге, да тут кто-то есть, — присвистнул один из партизан, разглядывая следы, оставленные сланими. Следы были свежие, кромки снега еще не успели обвалиться. Чьи-то лошади, запряженные пароконь и легкую кошевку, стояли неподалеку, мирно пережевывая сено.

Партизаны скопом являлись в избушку, на всякий случай приготовив винтовки. Здесь было сумрачно. В подслеповатое окошко с трудом пробивался снопик дневного света. У печи, сложенной из камня, грелись двое неизвестных в солдатских шинелях, без погон, зажав меж колен винтовки. Когда зашел партизан, они вскочили, но заметив на щанках алые ленты, успокоились.

— Здорово, молодцы! Куда вуть держите? — спросил Кочергин, поглядывая озябшие руки.

— А ты кто такой? — незлобно буркнул солдат, сидевший ближе к двери. — Никак партизан?

— Угазаа.

— Ух ты! Впервой живого партизана видям, — наперебой заговорили солдаты, откровенно рассматривая Кочергина.

— Делертиры? — спросил Евдоким.

— Не-е. С шестой роты мы... связанные.

— Вот тебе на! И молчат. К вам ведь едем!

— Ну! — изумились солдаты. — Здорово! Рота на подходе. Нам вперед послали предупредить.

К полудню к избушке подошел позвонды шестой роты. Оживилась тайга, встряхнула свою сонливость, чутко прислушиваясь к каждому звуку.

Охотничье жилье не вмещало желающих обогреться, и вокруг задымил костры, выбросив к небу волнистые султаны дыма.

Парень стрелявший в ворону, не пожелал оставаться в душной избе и вышел наружу. Растолкая солдат, уселся у костра, слезывая в огонь.

— Прет, будто на кашеварню, — сказал кто-то.

— Красному партизану все пути

открыты, — вскользь заметил Рукосуев.

— Тоже, партизан! Нос утри, — рассмеялся Алексей Слезкин, лицо которого обезобразил багровые полосы, оставленные стэкком поручика.

— Но, не шибко! А тр у меня бомба, — предупредил парень и, оглянувшись, присвистнул: — А кто это тебе так разукрасил?

— Любопытная сорока, — хмуро ответила Слезкин.

— Я по-сурьезному? Чего как индюк нахохлялся?

Слезкин пропустил вопрос мимо ушей и стал излившие сосредоточенно ворошить в костре поленья.

— Скажи на милость, — тихо спросил у партизана добродушный на вид солдат с выразительными усами, — ны за что вомете, за коммунизм?

Рукосуев ослабело уставился на него и потянулся к карману.

— Ты, случаем, не из буржуев? — подозрительно косна он глаза.

— Больно речи, того, не наши.

— Все-таки? — словно не замечая беспокойства партизана, не унимался солдат.

— Мы за Советы, за большевиков и против коммунизма и всякой там царизма, понял? А если ты белая, то молись Христу Иисусу.

И партизан замахнулся гранатой.

— Дурак! — тихо сказал солдат.

— За большевиков, значит — за Ленина, за коммунизм, а бомбу спрячь.

И тут парня будто кипятком обдали:

— Атанда! — заорал он, размахивая гранатой. — Разбегайтесь паразиты, живьем все одно не возьмете...

— Брось шалить! — строго окрикнул партизана Юферов. — Если в башке опилки, то слушай, что умные люди толкуют. Двадцать лет поди, а разуи рыбий.

Подошел Кочергин. Солдаты расступились перед ним, открывая проход к костру.

— Рукосуев, чего избеленился? — окликнул он, увидев разбушевавшегося партизана. — Спрячь, гранату, чертова кукла! Чего воду мутишь?

— Продали! — держась, не унимался парень. — Это ж белая! Говорят за коммунизму оне...

— Очень хорошо! И я за коммунизм, и ты. Ради этого и воюем.

Долго пришлось убеждать партизана, и когда тот понал, смущенно умолял и с тех пор старался остаться в уединении.

— Хитран штука, — уже в пути сказал он Кочергину. — А я думал коммунисты — самые что ни есть белые. Батка мне так толковал.

Чудно!

— Учиться нужно, — задумчиво посоветовал Кочергин. — Сейчас, милый человек, вся страна в огне. И некоторые, как и ты, не понимают, что коммунисты являются подлинными защитниками народа.

— Кто был никем — тот станет всем* — вот наш лозунг. Эсеры тоже себя звалят, а посмотришь — у каждого на спине царский двухглавый орел припечатан, такой, что за версту видно.

— Наговоришь, — отозвался парень. — Вот Николай Кочергин эсер, а никаких орлов ни на спине, ни в других местах.

Евдоким засмеялся.

— В политике разбираться надо. Это тебе не в ворону стрелять.

(Продолжение следует.)

(Продолжение.)

Начало в № 86 за 1956 г.)

В Шиткине рогу всгдетни радужно. На радостях вывесили лозунг „Привет красным солдатам!“ Расторопные крестьянки топили бани, готовили съестное. Кто-то ухитрился раздобыть четверть самогона, и ее несли по улице, как хворути, и даже Кочергин на этот раз словно не замечал ниного нарушения партизанских законов.

—В баньку, пара,— приглашали солдат старики.—И грязь, и старье грехи смоее.

Здоровак Юферов несело скалил прокуренные зубы.

—Уж грешны-то мы позлеше, чем Магомет-персидский, сожравший по ошибке свинью,—гоготал он.—Эх, и париться буду! А ну, дай, дедуся, веник, да пожестче.

И пошел, гибкий, поджарый, широко размахивая веником. Овдовевшие солдатики тихо глядели ему вслед загуманенными глазами.

Эшелон идет под откос

Хорошая весть подобна лучу солнца. Как отсветы его проникают и самые темные углы, так и добрая весть находит приют в сердцах тех, кому дорога она.

По приезде Бондарева получеремховские мужики спешно выехали в конторку, кто на лошадях, кто на лыжах. Это были деревенские продавцы и полупролетарии: Гурьян Агаев, братья Рама Константи и Михаил, Эрист Беркен, Андрей Андиферов, Роман Шришнев, Иван Скулкин, братья Селифановы Федор и Павел, а также Горенский Павел, Дилин Василий, Роман Макошин, фельдшер Михаил Никитин с женой Таньей и другой Михаил Никитин, прозванный односельчан ми Малкой за маленький рост и боевитость.

Вместе с ними увязался и Павел Логинов—зажиточный мужик с хитрыми, всевидящими глазами. Понимая Логинова, что придет конец Колчаку, а в душе надеялся, что и Советы тоже не удержат власть и переродятся в буржуазную республику. Поэтому, для видности, он и надел на папаху красную ленту партизана.

В противоположность ему Эрист Беркен выдавался твердостью характера. Бывший машинист бронепоезда Забайкальской Красной Армии, белокурый, голубоглазый рабочий с волчьим подбородком, он обладал быстрым умом и молчаливыми руками мастера. Поагода назад Беркен по заданию Лазо искусно водил бронепоезд в тыл белым, навлекая панику и ужас, и каждый раз возвращался невредимым. „Везет немчуре“—смеялись забайкальцы.

Однажды, когда красногвардейцы заправляли бронепоезд водой у ручья, на виду у белых, к ним подскочил генерал Ушаков с адъютантом. „Чей бронепоезд?—спросил он.—Почему нет опознавательных знаков?“

„Прибыли из Красноярска громить Лазо“,—не растерялся Беркен.

Генерал сказал, что он желает ознакомиться с дислокацией красных частей и потребовал, чтобы бронепоезд немедленно направ-

лялся к красногвардейским позициям.

—Не тот генерал, что отсиживается в блиндаже, а тот, кто рядом с солдатами идет в бой,—самодовольно изрек Ушаков, панибратски хлопая машиниста по замасленной спешке.

Не раздумывая, Беркен воткнул ему в рот иззутную трубку и с помощью кочегара связал. Адъютант успел выскочить и подняв стрельбу, сыграв бел х.

Пришлось скинуть генерала на ходу под колеса.

После отступления Лазо в тайгу Беркен тайно вернулся в Юты, скрывался и ждал случая, чтобы перейти к партизанам. И перешел.

Отряд прибыл в Конторку не спущенными руками. У инженера Тимофея, который строил в Поду-Черемхове какой-то завод, конфисковали шесть винчестеров, две винтовки и два пистолета. У мельника Дуралова, сбегавшего от Колчака, отняли японскую винтовку и сто патронов, а односельчанин Павел Широкоглаз подарил им десятизарядный винчестер, которым царь награждал его в русско-японскую войну.

Остальные вооружились берданками и дробовиками.

В Конторке получеремховцев зачислили в летучий отряд Степана Петрова, и два дня спустя этот отряд вышел в Юргы.

* * *

Поблескивая на солнце, на запад и восток от Юрт убегают стальные рельсы железной дороги. Крутая насыпь местами пересекает болота и крутояры. Места здесь безвидные, глухие. К станции прижались несколько рубленых домиков, принадлежавших железнодорожникам, в стороне высится водонапорный резервуар, а дальше—дремучая тайга да изредка пашни.

С отрядом приехал и Иван Андреевич Бич. Он тут же распорядился выставить в здании рамы, забрать мебель, инструменты.

—Может, и телефонную аппаратуру прихватим?—хитровато взглянул он на Беркена.

Обязательно! Ребята уже кабели и провода смотывают.

Степан Петров зачорованно следил, как Эрист быстро отвинчивает блестящие аппараты, и не удержался:

—Чисто работает!

—Еще бы!—поддержал Бич.—Телефоны нам позарез нужны. У нас и нити связи между Конторкой и Акульшетом.

Через несколько часов аппаратура была уложена в ящики и погружена на подводы. Даже шестеро партизан на протяжении добрых десятка километров.

—Это еще не все,—смеялся Беркен, перепачканный известкой и необычно изволюбанный.—Сейчас водокачку им так „отримонтирую“, что полста лет будет ладить и не наладит.

С ним пошел трое партизан, а на водокачке загремело железом. Вскоре Беркен вернулся. Партизаны шли следом и несли золотники.

—Пусть поинут. Теперь паропозам хана, ни один не пройдет. Где воду возьмут?

Остальная часть отряда тоже не бездельничала. На перекрестке путей, где насыпь круто уходила вниз, поснимали несколько звеньев рельсов и увезли в тайгу.

—Через полчаса пойдет эшелон с солдатами,—проговорил бледный, как снег, начальник станции.—Ох и задали вы мне задачу, ребятаки...

—Не унывай, папаша! Вали на нас и будь задором!—смеялся Беркен.

—Жалко солдатешек,—сокрушалась старуха.—Едут и ничего не знают. Поезд-то напроход шпарит.

Одна за другой потянулись груженые доверху партизанские подводы, уходя в сторону Конторки. Только Бич и Эрист Беркен задержались, вглядываясь в заснеженную даль, где змеялись рельсы. Они ждали эшелон, чтобы видеть его гибель своими глазами.

Где-то послышался слабый гудок, потом глухой шум, который нарастал с каждой минутой. И вот из-за тайги вынырнул паровоз с длинной трубой, весело волочивший за собой состав.

Машинист дал встречный сигнал, и Беркен, посмеиваясь, выставляя зеленый флажок. Прогромылав мимо станции, паровоз мчался к перекрестку, где разобран путь.

Бригада заметила опасность и было поздно. Бич видел, как под будки метнулись под насыпь четыре фигуры, потом паровоз дернулся, заскрежетал, становясь поперек дороги. По составу прокатился оглушительный грохот, вагоны вздыбились, полетели друг на друга, разваливаясь, как спичечные коробки.

(Продолжение следует.)

За ругань нецензурной бранью— 10 суток ареста

Гражданин Анучин Василий Владимирович в пути следования из Т. в Шиткино на такси, будучи в нетрезвом состоянии, приставал к пассажирам, ругался нецензурной бранью. По приезду в Шиткино Анучин был доставлен пассажирами в отделение милиции.

Народный судья Шиткинского

района, применив к Анучину Указ Президиума Верховного Совета РСФСР „Об ответственности за мелкое хулиганство“, подверг его аресту на 10 суток с использованием на физических работах.

А. Корявых.

Редактор И. КОЛМАКОВ

(Продолжение.)

Начало в № 86 за 1956 г.)

Федоров бре главо морщился, раздувая красноватые ноздри, привыкшие к кокаину. Вид у него был усталый.

Арестованные раздражали его. Их грязные, осунувшиеся лица, слипшиеся от пота волосы и кроноподтеки на щеках вызывали в нем чувство, похожее на отвращение. Расстрелять подлецов, и точка*, — мысленно прикидывал он меру наказания арестованным.

Четвертый день поручик безуспешно допрашивал бирюсинцев, и их упорство выводило его из равновесия.

Слушайте внимательно, — устало сказал он, с трудом разделяя слова. — Нам нужно, чтобы вы осознали свою вину сами. Ведь ни для кого не секрет, что в Бирюсе действует большевистское подполье. Мы это знаем так же, как знаем и то, что вы участвовали в организации этой яды. Откровенное признание и дополнительные сведения к нашим спасет вам жизнь. Молчите? Хорошо; мне надоело с вами возиться... Ну-у...

Арестованные, насунувшись, молчали, не поднимая голов. Они понимали, что Федоров только догадывается о подготовке восстания в Бирюсе и пытается спровоцировать их.

— Подождем Галош, — вмешивается подпоручик Штудик. — Он заставит громко сказать правду...

Черноусый кадет меланхолично раскуривая папиросу, как бы незначай диннул локтем в лицо Авдешеву. Тот отша нулся, зашмыгал носом, разбрызгивая кровавые слюстки.

— Больно? — ехидно спросил Федоров. — Можно сделать и побольнее. Крупно повторилка...

Кадет вынул папиросу, не спеша натянул кожаные перчатки.

А ну, покаж язык? — вкрадчиво обратился он к Абраму Толмачеву.

Абрам злобно изгагнул на него, но отброшенный кулаком кадета, тут же ударился затылком о стену. Удар пришелся в переносицу Толмачев застоял, медленно сваливаясь на пол.

— Воды! — съязвил Федоров.

— Есть воды! — воскликнул кадет и начал колотить остальных. В это время дверь отворилась и вбежал денщик полковника.

— Господин поручик, — проговорил денщик, косясь на окровавленных мужиков, — полковник приказал освободить арестованных. Получено письмо из Бирюсы. Общество берет на поруки арестантов. Двести человек подписи приложили.

Федоров не понимая поглядел на денщика. Его лицо, перекосившееся гримасой, постарело, на

лбу разбежались морщины, а глаза были готовы вылезти из орбит.

— Полковник в заблуждении, — процедил он. — Их нужно расстрелять, а не отпускать.

— Я передал приказ, — вставил денщик и выскользнул из штаба. Федоров и Штудик переглянулись, пожимая плечами.

— Хорошо, — сказал поручик, обращаясь к арестованным. Идите и не забывайте, о чем и говорил. Не забывайте и то, что я, если захочу, под землей вас найду. Мы еще встретимся...

* * *

На другой день, по прибытии арестованных домой, церковный колокол загудел над Бирюсой, слымая крестьян. Это был условный сигнал, и на улицы выходили мужики с ружьями, с вилами, топорами. Руководители восстания Яков Москвитин, Николай Бураев и другие разделяли людей в группы. Одни пошли по дворам собирать оружие, другие, вооружившись кирками и лопатами, направились к Бирюсинской горе рыть окопы.

Из Конторки Иван Андреевич Бич прислал подкрепление, и Бирюса грозно ощерилась, сделавшись неприступной для врага.

Иван Игнатьевич Швырев, назначенный помощником начальника штаба, как и все партизаны, работал в поте лица. С утра он рыл окопы, в обед — помогал заряжать патроны, а под вечер позвал к себе в дом бирюсинских девушек.

Они пришли, зардевшись на морозе. Их молочно-розовые лица, пышущие здоровьем, приводили Швырева в умиление.

— Вот таких нам и нужно! Любей раненый за один пострел выздоровеет.

— Вы это о чем? — осторожно спросила Шура Денисова, пряча в рукаве подушубку свои от уюевшие в работе руки.

— Все о том же, девушки. Лазарет надо спешно создавать.

Закончился февраль. Растулялись среди таежных просторов метели, порывистые, резкие, неморазживавшие до дна речки и озера.

Но погода благоприятствовала партизанам. Днем и ночью со стороны Конторки, Бирюсы и Акульшета выходили к железной дороге по тайным лыжным летучие отряды Жичкина, Петрова и Криволауцкого, взламывая путь на протяжении нескольких километров. Одни за другим разлетались в щепки составы, гибли колчаковские солдаты, а несуровные лыжники исчезли, как привидения.

Напрасно посылали белые к месту крушений ремонтников под прикрытием бронепоездов. Партизаны ухитрялись разрушать путь

совсем недалеко от того места, где колчаковцы производили ремонт. Много раз попадались в ловушку их бронепоезда, но они были неприступны для партизан. Железные черепахи, как называли партизаны бронепоезда, изрыгали огненный смерч, посылая в белый снег массу снарядов. Разве возьмешь такую крепость винтовкой и берданой, которыми располагали красные?

Омские, новониколаевские и иркутские газеты, захлебываясь, кричали о «тайшетской пробке», требуя от «правительства» экстренных мер. Но шлетно рыскали вдоль железнодорожного полотна контрразведка и каратели. Они попадались в засады и исчезали с лица земли. Панический страх охватил белых. Даже среди офицеров ходили слухи о красных призраках, неуязвимых и страшных для белой армии.

А партизаны продолжали свое. Небольшими отрядами на широких охотничьих лыжах, подбитых камуфлем, они появлялись в один и тот же день в разных местах, ломали дорогу, рубили телеграфные столбы, обстреливали гибнущие эшелоны и исчезали так же незаметно, как и появлялись.

Колчак отдал приказ атаману Красильникову немедленно послать в район Тайшета карательную экспедицию.

В начале марта из Нижнеудинска в Тайшет вышел эшелон красильниковцев.

* * *

К утру метель утихла. Взошло солнце, и окрестности засверкали ослепительно ярко. Упругие барданы снег делались еще тверже. Командующий Акульшетским отрядом Евдоким Кочергин приказал лыжникам Криволауцкого выйти к Байроновке и разобрать дорогу.

— В Тайшет должна подойти к упряжке войсковая часть. Надо задержать ее. Жаль, что нам поздно об этом сообщили, — пояснил Кочергин.

Задание не удивило лыжников, не впервые им выходить на дорогу, и поэтому отряд, взяв по пять патронов на винтовку, стал на лыжи, и минуту спустя в поле замелькали фигурки лыжников.

Сделав обход, отряд вышел на Среднюю Гоголеву и повернул круто к югу.

Тайга дремала. Только лыжи шуршали по насту, да дыхание людей нарушало безмолвие. Первыми уверенно с ольхи шли Борис Оленев, Павел Кагерзин, Дмитрий и Константин Привалихины, Захар Абатулин, Богатын Насыров и Филат Хлебников. В отряде они слыли хабрецами. В любом деле эта семерка выходила сухой из воды, совершая самые дерзкие операции.

(Продолжение следует).

—Люблю пить молочко!

(Продолжение.)

Начало в № 86 за 1956 г.)

Еще секунда, и все превратилось в сплошное крошево. Летели под откос колесные скаты, остовы вагонов и мешки с зерном...

—Промалнулись,—снянула Беркен.—Поезд с хлебом оказался.

Бич, прыгнув в кошелку, ответил:

—И то ладно! Придется Колчаку потуже ремень затянуть, ишь награбил зерна!

И засмеялся, довольный проделанной работой.

Нужна связь

В Конторку возвращались шумно, точно с большого праздника. Аппаратуру сразу же перенесли в ружейные мастерские, и матрос Сидоров, заведывавший мастерскими, вместе с Беркеном немедленно начал составлять план строительства телефонной линии на Акульшет.

—Добрая штука! Это ж шаг вперед в вопросе партизанской цивилизации. Снимешь трубочку: „Алло, Акульшет, подкиньте елок-палок в Тайшет, а мы—шишек! Лонко!

Беркен, орудуя карандашом, молча слушал, а матрос все фатализировал.

А про любовь передать по этой штуке можно? —спрашивал он Беркена, подкручивая короткие усики.

—Можно,—воодушевился Беркен.—Скажем, залетел ты адмиралу объясниться. Просишь: „Дайте Омск“. Дают. „Господина Колчака“. Тоже дают...

—А я ему,—подхватывает Сидоров,—шепчу: „Ваше крокодильское скорородие, низжайшее вам, мое... Не хотите ли подружиться с петлей проветарской, которая ногами не спит, по тебе, паразиту, плачет?..“

Отворилась дверь, и в мастерскую вошел Иван Андреевич. По стояя, послушал.

—Когда постронте линию?—вмешался он в разговор, одобрительно улыбаясь матросу.

—К марту будет.

—Поздно. Даю пять дней срока.

Матрос развел руки:

—Шутишь?

—Некогда шутить, дорогой. Давай, давай!

Замолчали. Сидоров насушился, посасывая трубку.

Кто-то приоткрыл дверь, и к Бичу, откуда ни возьмись, подскочил Игнат Козлов.

—В Шиткине соедаты шестой роты перешли к Кочергину. С оружием. Офицеров небыли. Вот тебе письмо...

Иван Андреевич жадно схватил измятый листок, прочел. Его лицо повеселело.

—Мать честная, как хорошо! Кочергин вчера звал Акульшет. —изумленно сказал он и покосился на матроса:

—Связь, связь нужна!

Беркен, глядя на Бича, шурился, а матрос, запустив пистолет и густую шевелюру, был мрачен, как ночь.

—Завтра надо солдат шестой роты встречать. Двадцать человек в Конторке оставим, а остальных в Бирюсу, к Москвитину,—сказал Игнат Козлов, поглядывая то на Бича, то на матроса.

Одобрительно кивнув Игнату головой, Бич направился к выходу.

—Постой, Андренч,—глухо отозвался матрос.—Я обмозговал. Связь будет через три дня. Даю слово моряка!

Бирюса

К северо-востоку от Суетики Бирюса растекается на два русла, образуя остров. Первые переселенцы облюбовали это плодородное местечко, богатое зелеными дугами и лесом. На западной части острова выросло село, названное в честь реки—Бирюса. Дома здесь, рубленные из колдового леса, с резными фронтонами и наличниками, стоят длинной улицей на высоком песчаном берегу. За селом огороды, а далеко за рекой—пашни.

Нелегко достался этот уголок людям. Тайгу корчевали вручную, обрабатывали землю деревянными плугами, установленными на колесах. Такие плуги назывались сабанами. Не под силу было одной семье отвоевать у тайги землю, скрепленную сплошь корнями, а потому объединялись переселенцы и арелью добывали нелегкий сибирский хлеб. Шли годы. Тяжелая земля, взрыхленная руками трудолюбивых, рожала хорошурожь, ячмень и даже пшеницу, ко оран в те времена еще только вводилась в Сибирь.

Через село проходила самый длинный в мире тракт, начинавшийся где-то у московских застав и тянувшийся до Тихого океана и поэтому названный Московским. Он соединил Бирюсу с необъятной Российской империей.

В селе имелась церковь и церковно-приходская школа, где обучались крестьянские дети.

Небогато жили мужики. От трех до пяти десятин корявой земли на семью, одна—две лошади да сабаны на несколько дворов. Зато те, кто похитрее, не шадя ближнего, рвали и крали все, что попадет под руку, имели по 200 и больше десятин земли, табуны скота, машины. От малого до среднего выходили и страдную пору бирюсицам на поля кулаков Кузвезга и Мамаева, чтобы заработать в поте лица пуд—другой зерна или огробрать старые долги.

Хотя и трудно было жить в Сибири, а все-таки легче, чем в европейской России, где властвовали помещики и прочие царские причадалы.

Постоянная борьба с природой, необозримые лесные и возные богатства, а главное относительная свобода,—воспитали особую категорию крепких, мужественных, терпеливых и свободолюбивых людей—сибиряков.

Это были добродушные люди, гостеприимные, уважительные и

(Продолжение.)

Начало в № 86 за 1956 г.)

— При паре вам бы Георгиевский крест пожаловали, — смеялся Кочергин, удивляясь храбрости партизан.

Рассудительный Оленев, бесстрашный Каверзин, вразумительный весельчак Хлебников, невозмутимые и твердые, как камень, Насыров и Абадулин и самоотверженные братья Приваловы — все они, как нельзя лучше, доверялись друг другу, что и решало успех отряда.

Всего в этот день вышло сорок человек во главе с Прокопием Криволауцким.

В Байроновке отряд перегруппировался.

— Оленев, возьми своих и направь к блокпосту, а мы спустимся ниже, — приказал Криволауцкий.

Через полчаса партизаны уже были у блокпоста.

Рабочие-путейцы не на шутку переулыбались, увидев партизан, и тут же побросали свои винтовки.

— Инструмент, тоже сюда, — потребовал Оленев. А сейчас разбегитесь кто куда.

Путейцы точно волной смыло, а партизаны, прихватив инструменты, не мешкая, приступили к работе.

Схватив дерюгу, Каверзин с силой вытаскивал из шпал костыли, забрасывая их далеко в снег. Другие в это время различинали болоты, снимали рельсы.

Место для разлома пути выбрали там, где откос уходил кругом вниз.

— Затремит отсюда — ни одной гайки потом не соберешь, — сказала Костя Приваловина, стальной рельсы вниз. Она тяжело переступала и, сорвавшись, покатила, зная и подпрыгивая.

Пока отряд разбивал путь, Фидат Хлебников и Богатын Насыров рубили телеграфные столбы, которые с шумом падали на землю, обрывая провода.

Работали спешно, не спеша, словно в своем хозяйстве, позабыв про всякую опасность. Было приятно поработать после долгого безделья, и зато наконец-то есть где рвануть и домами все, что попало под руку.

Этот железный и крики людей были слышны далеко окрест. Стоящий у блокпоста дозорный, любивший товарищами, нетерпеливо шагнул на бугорке, забыв про свои обязанности.

Он опомнился, когда бронепоезд, шедший от Тайшета, был уже ясно виден.

— Атака! — крикнул дозорный и лег в снег.

Партизаны исчезли мгновенно, не пританисывая деревьев. В бронепоезде не успели их заметить, и стальная машина осторожно катилась по рельсам вперед. Этот бронепоезд был послан полковником Зацепенком на встречу красноводскому эшелону с тем, чтобы обеспечить его беспрепятственное продвижение.

Там, где путь был разобран, бронепоезд продолжал двигаться и вдруг надорвался. Заскрипела прокатившаяся рельсы, и «чеченка» села на шпалы с великим удовольствием партизан.

Распахнулась дверка, на длинненьком повискивали семь человек, среди которых оказался дорожный господин в бобринском пальто. Он вступил в разговор, обнаженную голову и прошел вперед, озвучив Лежавские велосипеды за сосной Костя Приваловина и Павел Каверзин могли разглядеть даже каждый прыжок на его лице.

— А штаны-то у него, ай-яя добрые! Поди, агацкое сукно — знаешь Каверзин разглядывая во все глаза одеяние беляка.

Сам Каверзин был закутан в ветхий тулупик, на котором заплат и дыр было больше, чем звезд на небе, а брюки представляли нечто похожее на лоскутное одеяло.

— Кости! — шепчет он. — Неужто опустим, а? Добра-то носит гад на твое рублев...

— Нельзя. Скажут, мародер, — отказывается Костя, хотя и сам не сводит глаз с ярко начищенных сапог белогардейца.

— Нельзя погорят, — буркнул Каверзин. — А тожко и такие штаны у за что не упушу.

Он тщательно прищелкнул и нажал спуск. Выстрел хлопнул эхом, раскатисто. Дорожный господин обернулся в сторону партизан и, не отняв, полетел под откос.

— Сюда, сюда, — поманил его пальцем Каверзин и, зацепив штанишкой, подтащив к сосне.

— Ну вот. Ишь разбежался, джурит лудов пятаки. Гы-га... а добрые штаны!

Через минуту голое тело беляка стыло в снегу, а бронепоездная прислуга скрылась в будке, впереди оставив одного солдата, который полез под колеса скакаты.

Башни бронепоезда развернулись в сторону выстрела, но партизаны лежали в мертвой зоне, недоступные для оружейного и пулеметного огня.

Они молчали, выжидая, когда покажутся изругу беляки. Но те укрывались за броней чего-то ждали, то и дело поворачивая оружейные башни из стороны в сторону. Но вот с востока послышался паровозный гудок. К блокпосту на всех парах мчался эшелон.

— Крути, милая, не отпанивай, — шептал Каверзин, привстав на колени. На нем уже было бобринское пальто и суконные брюки, никак не гармонирующие с рыжей рыной шапкой.

— Зря ты ободраа его, попадет, — сказал Приваловин, тоже следя за приближающимся поездом.

— Ничо не зря. Ведь мое он одел и носил... Сам Бич объяснял, что богачи за счет народа живут, — и, стрепенувшись, закричал: — Гляди! Поезд чичас с рельсов сойдет, ей-бо!

Эшелон действительно подошел к разобранному пути. Но сидевший под бронепоездом солдат выбежал и стал сигналить. Его заметил, машинист зато молва, но эшелон, паровоз, взрывая землю, побежал по шпалам и остановился.

Из эшелона выскочили солдаты и офицер в пальто.

Затрепали партизанские берданки в трех линиях. Несомненно солдат увидел, оставшиеся впрятались за колеса вагонов и открыли ответный огонь.

Поняв, что отряду не выдержать боя с численно превосходящим противником, Криволауцкий приказал отступить. Однако семь человек, оставшихся под бронепоездом, не слышали приказа. Они измучившись все патроны в, по чужим словам, что отряд не отвечает, встретившись.

— Отходить надо, Криволауцкий увел отряд, — сказал Ни Бров, сделав последний выстрел.

Когда белогагарская день приблизилась к лесу, партизаны след простыл. Они уже были в Байроновке, где старо из дав им дождик и велел поскорее уезжать...

Когда партизаны были уже далеко от Байроновки, они услышали глухой артиллерийский раскат.

Белогардейский бронепоезд боюна Байроновку. Падая и мерзлую землю, рванась в селе сарады, навел ужас на жителей.

У железного моста крепкий мальчик брал в проруби ногу. Ужасный молот снаряд разорвался у его ног.

Красильниковцы

Встречать красильниковский эшелон пришли все офицеры Тайшетской воинской части, полковник Зацепен, заложив руки за спину, молча ходил по перрону, напустил на лицо мину глубокого мыслящего человека. Новая, голубоватая шинель, хорошо отутюженная деншиком, плавно облегла его поджарую фигуру. За полковником неотступно следовал поручик Федорик, бросая высокомерные взгляды на офицеров, толпившихся небольшой группой у станционного буфета.

Федоров на голову выше полковника. Лицо его широкое, почти квадратное, правильный нос, серьезные, слегка нависающие, холодные невыбливающие глаза, усики тщательно закручены с концами.

Поручик старается шагать в ногу с полковником, однако делает это предусмотрительно, незаметно для окружающих.

Он не заискивает перед Зацепенком, нет. Просто он хочет показать всем, что русский офицер знает такт и умеет себя держать в любой обстановке независимым и гордым.

Эти чехи, — думает он, — нужно нам, как наемники, не больше. Они пришли и уйдут, а мы создадим небывалую по силе Российской империи, где у кормила власти встанут люди, подобные ему. Да и он считает себя достаточно крепким, чтобы взять в руки бразды правления. И кто тогда будет в сравнении с ним Зацепен? Тусклая личность, проза.

Федоров ухмыляется, и задумчивости делает несколько лишних шагов и загорает дорогу полковнику.

Зацепен поморщился и отошел в сторону.

— Какой н-хал! — сказал он почтением Штуднику. — Задрал голову выше колоколки и ходит, как помешанный.

— Да. Этот отпрыск изысканности русского двойства больше чем самоуверен. Он еще надеется вернуться к жизни империи и играть в ней великую скрипку. Приезд гдвореца Красноводского радует его, — отыскал Штудник. — Знаете, полковник, русское офицерство подобно зверью, саншком любит запах крови. Средневековые инквизиторы мальчишки перед ними по части кровавых экзекуций. Вы еще увидите, что будет, когда начнет действовать атаман.

Зацепен улыбнулся и, глядя Штуднику прямо в глаза, произнес:

— Я начинаю сомневаться в успехах Колчака. Гайда следовало простительную ошибку, связанную в русскую междоусобицу. Вы только подумайте — все деревни переметнулись к красным, а ведь это что-то значит. Дикие расправы наших коллег над населением — самая прекраснейшая агитация за большевикам. Не так ли?

Штудник потер перчаткой лоб и нахмурился. Он увидел, что к ним направляется Федоров. Штудник вспомнил, как после скандальной истории с арестованными бюрократами Федоров за глаза стал осуждать полковника, сбивая его алберазом.

— Я был прав. Эту бандацкую потерю надо было издевать, а не отпускать. Теперь в Биросе не поголовно партизаны, — говорил он офицерам.

Штудник, не разглядевший взглядов Федорова, оборвал его и с тех пор они косились друг на друга.

— Как вы сумели исчезнуть от меня, полковник, — изображая на лице нечто похожее на улыбку, сказала поручик, подошла к чехам.

— Скоро подползет эшелон. Путь уже налажен. Нашему бронепоезду достаточно было сделать три выстрела, чтобы красная банда разбежалась. Они теперь к линии не поспеют за десять верст подойти.

Зацепен молчал, иронически покачивая головой. Разглядывая толпу гражданских, он вдруг увидел Фросю.

— Я извинюсь, госпожа, дама, — смущенно проговорил он, направляясь к девушке.

Фрося давно заметила полковника и не удалилась его чинливости.

— Чудесная сегодня погода, — начал Зацепен фразу, которую она употребила, чтобы завязать разговор.

— Да, погода отличная, солнце, мороз, — ответила девушка. — И слышала, что приезжает карательная часть. Неужели в Тайшете будет война?

Зацепен гарантировал взял ее под руку, и они прошлись по перрону.

— Войны не будет, — сказала она. — Просто надо усмирить большевиков, так сказать, поставить их на место.

— На место? А где оно?

— Хм... Известно... Для преступников одно место...

Дежурный по станции, расталкивая толпу офицеров, приблизился к полковнику.

— Эшелон на подходе, — доложил он.

(Продолжение следует.)

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение.)

Начало в № 86 за 1956 г.)

—Хорошо,—ответил полковник и, подзывая Федорова, сказал:
—Вы готовы к встрече?
—Так точно.

За восточным переездом показались дымок, и через несколько минут к станции подкатил эшелон, впереди которого шла бронепоезд. Из полуоткрытых дверей товарных вагонов на встречающих глядели солдаты. В центре эшелона красовался пассажирский бронированный вагон. Там, в тамбуре, открыв настежь двери, стоял офицер в серой папахе и, балансируя шурясы, покручивая густые каштановые усы.

Зацепек по ходу поезда прыгнул на подножку вагона и вошел в тамбур.

—Полковник Зацепек!—козырнул он офицеру.

—Атаман Красильников!—ответил тот, небрежно вскинув к папахе узкую ладонь.

С минуту они разглядывали друг друга. Красильников глядел снисходительно, сверху вниз. Под глазами у него темнели синие мешки, белки подернулись нездоровой краснотой, лицо одутловатое, видимо, от бесчисленных попок и оргий.

—Я вижу, вы здесь не скучаете!—обидился он редкие прокуренные губы, дыша в лицо Зацепеку

винным перегаром.—Кто эта дама, что следовала за вами? Вы успели её основательно приручить...

—Я не понимаю вас, атаман...

—Поймите... А девчонка приятная. Может, позовея, а? Говорят, дамы украшают общество.

—Не будем об этом,—рассердился Зацепек, которому не понравилась выходка атамана.

„Дикарь в образе военного командира“,—содрогаясь, подумал он.

Атаман, бесцеремонно подталкивая Зацепека перед собой, повел его в глубь вагона. Они вошли в салон-зал, обставленный мягкой мебелью. По стенам было развешено много оружия, на массивном столе в беспорядке стояла грязная посуда, бутылки с остатками вина, коробки с сигарами. Пол вагона устлан ворсистыми коврами чудной работы.

—Садись, полковник,—устало махнул рукой атаман.—Садись и рассказывай, как ты тут наплодил большевиков.

—Вы много на себя берете,—гневно сказал Зацепек.

—Ну вот, шумишь. Как к другу, а он бодаётся...

—Большевиком наплодил, если так выразиться, вы. Да, вы и ваш коллега...—полковник захохотался и умолк, потрясенный

Но меня выражения лица, атаман меланхолично раскуривая трубку, не свтская глаз с чека.

—Ты мне нравишься... Люблю горячих, но зачем разводить интимности... Мы виноваты, вы виноваты... Так и будем перепираться. Лучше растолкуй, где тут большевистское гнездо, чтобы нам его накрыть,—атаман стукнула кулаком по столу и, бросив взгляд на собеседника, добавила:

—Здесь много толкуют про Бича-Таежного. Хотел бы я увидеть эту птичку.

Вытащив из пилжетки карту местности, полковник осторожно провёл по столу салфеткой, сметая крошки.

—Послушайте...—начал он.

В дверь постучали. Вошел казначий есаул, томный, с подлупшим лицом.

—Господа офицеры просят приёма,—лениво процедил он.

—Пусть пойдут,—сказал Красильников.

Мылко ступая по коврам, в салон вошли Федоров, Штудик и еще группа офицеров помладше чинами.

—Рад вас видеть!—воскликнул Федоров, протянув атаману ладонь.

Красильников, смерив коротким взглядом холеную фигуру поручика, заметил:

—Я вас где-то встречал. Вы не служили в интендантской части?..

—Его благородие ошибается,—деликатно прервал Федоров атаманя.—Я не был интендантом.

—Хм... А мне показалось... Тот господин знал толк и вине и имел превосходный ром. Кстати, у меня имеется несколько бутылок.

—Итак, господа,—вмешался в разговор Зацепек,—красные отряды дислоцируются в Бирюсе, Конторке, Акульшете и в Шиткине. Надо отдать должное этому... Бичу. Он неплохо разбирается в стратегии. Укрепил тыл и фланги в Кучерово и Ваере. Неугомонный человек, господа! Он появляется всюду, где это нужно. Талантливый парень!

Красильников промывчал что-то и, встряхнув головой, будто отгоняя нехорошую мысль, заметил:

—С каких пор вы стали восхищаться красными, полковник? Не в этом ли причина, что они растут здесь, как грибы после дождя?

Полковник, не оборачиваясь, ответил:

—Я всегда объективен и говорю то, что думаю, а насчет принадлежности к красным... Вам бы лучше помолчать, атаман.

Отлив из бутылки в бокал коричневого рома, Красильников сделал глоток и зажмурился.

—Когда поймаю Бича, я приглану его к себе и угощу ромом, если он того заслуживает.

—Долго придется лонить,—буркнул Зацепек, застегивая шинель.

Красильников откинулся в кресле, скривил губы в улыбку.

—Меня знает вся Сибирь, полковник. Матери пугают моим именем детей. И через два дня я представляю вам удовольствие вос-

хищаться Бичом сколько угодно. Не все же вам кажутся с дамами.

Побелев, полковник, не шаявшись, направился к выходу.

—Вы ответите за оскорбление атамана,—почти крикнул он, нула дверью. Следом за ним Штудик.

Офицеры, потупив головы, глядя друг на друга.

—Славный парень, этот мотососывав трубку, сказал Красильников.—Бьюсь об заклад, с ним подружился. А по-русски не хуже академика тарбань додеп!

Партизанский съезд

Десятого марта в Нижнемку съезжались партизанские делегаты. Шумно стало на улице. Здесь были представители отрядов. Говорились, слышались походы бирюсинцы, брались шетям и гордые конторские партизаны. Трудно было представить, что эти люди—отчаянные и только оружие, жившие в штанине на заплатыми полах и телогрейках, отлившие от будничной крестьянской

Партизаны важничали, друг перед другом бодались. При встрече друг друга можно было услышать соленую шутку, от которой щипается самый ярый любовного слонца. Кое-кто успевал нарядиться в гробовые

(Продолжение следует)

Редактор И. КОЛМА

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение)

Начало в № 86 за 1956 г.)

Яков Миронович проснулся, когда солнечные зайчики весело рассыпались по полу. Полураздетый он высвободил во двор, схватил приторную зернистого снега и бросил на грудь, с силой растирая его. Снег таил, а кожа, точно обожженная, покраснела, и приятное, освежающее тепло разливалось по телу.

Собрался он быстро, накинув на плечи гимнастерку и старую старейшую шинель. Снял со стены маузер и деревянную кобуре, он перебросил его через плечо и, тастетную португезу, велел связному собрать командиров. Сегодня Бирюса ждала наступления красильниковцев.

Пришли Жичкин, Ильин и Петров, только что прибывший с отрядом из Конторки. Все они выглядели, как обычно, бодро. Только спина под глазами выдвигалась, что эти люди провели беспокойную, тревожную ночь.

Угостив командиров крепким брусничным чаем, Яков Миронович заговорил вполголоса, стараясь сохранить спокойствие. Он говорил так, словно речь шла о каких-либо артельных делах, которые надо скорее закончить. Командирам невнятно передавалась его невеселость.

—Погода сегодня добрая, припекает. К полудню жарко, должно, будет,— закончил он, пристально взглянув в лица товарищей.

—По всем приметам—так, согласился с ним Жичкин.—Сказывают, к Суетихе они подкатили две черепахи, скоро начнут плавать, варианты?

—А ты что, ждал, чтобы тебя конфетками угостили?— съездила Илья, но никто не отозвался на его шутку.

Наморщив лоб, Яков Миронович долго о чем-то думал, и командиры притихли, не желая мешать ему. Отдаливши одним глотком воакружки чаю, Москвитин утер тыльной стороной ладони губы и, обращаясь к Жичкину и Петрову, сказал:

—Больните своих дивняков и коротким броском, через тайгу, направляетесь к линии. Когда безмятежно атаку, ударьте им в тыл Патрин снарядит всех гранатами. Их не густо, но... Патроном возьмите побольше. Приказ ясен? —Так точно!—по-армейски накрикнул командир, многозначительно переглянувшись.

Наступление возможно с трех сторон, поэтому Бирюса займет круговую оборону. На горе расположим шестую роту, остальные отряды займут позиции у болота и по над рекой.

—Мы готовы!—ответил Ильин и неожиданно добавил:

—Сегодня зайчика такой добрый суп съел, сроду не ел. Только ложку съел, бац—исчез!

—Вечером супами насладились, — улыбнулся Москвитин.

Командир разжался. Вскоре Яков Миронович увидел, как никто его окна один за другим промчалась дымовая завеса, направляясь к замерзшей протоке. Снег был еще достаточно крепок. Они шли быстро и через несколько минут скрылись в тайге.

Кладясь, что время застыло и не хочет двигаться вперед. Москвитин успел обойти замаскированные в снегу окопы, переговори с партизанами, поблагодарил их, в солнце все еще ползло в полуденной точке здания.

Окопы были вырыты добротнo, в рост человека, с брустверами и бандажами. Перед ними поматыли в снегу острые колья, разбросали вверх зубьями железные борозы, служившие ограждением.

У деревенского каньона, что расположено у склона горы, Яков Миронович задержался дольше. Он еще раз с любовью осмотрел прикрепленные к деревьям огромные трещотки, вель которых производят треск изобильный пулеметным огнем. Здесь же накопилось странное сооружение, вступило изобретение пушки. Это был водопроводная труба, прикреплённая обручами к деревянному

лафету. Тыльная сторона ее закреплена, сбоку отверстие с горюхиной для завала.

—Оружие! Все шесть займол!—похлопав по трубе рукой ружейный мастер латыш Роберт.

Пушку сделал он и гордился этим. Правда, особой пользы она не давала, зато грохот изрыгала адский. Однажды пушку зарядили, а один из партизан подполз с гранатами к бронепоезду, стоявшему у Суетихи. Следом за собой он тянул сигнальную веревочку. Пушка рванула, и в тот же момент в бронепоезде полетела граната. Белые подняли шум о засылке с Тасеевского фронта в Бирюсу орудия.

—У них нет снарядов, а то бы нам плохое пришло!— говорили друг другу офицеры, услышав про обстрел бронепоезда.

Москвитин засмеялся, вспомнив эту нелепую историю.

—Смотри, чтоб самого не разорвало,— сказала он латышу и скрылся в окопы.

Партизаны сидели, прижавшись плечом к плечу. Кто-то курил, чувствовал дым в руках, другие сидели молча, бледнее снега, и лишь фронтовики беззаботно дремали. Рядом с Москвитинным оказался Юферов. Исподлобья поглядывая на командира, он испитивно жевал краюху хлеба.

—Подняли чуть свет, пожать не успел,— объяснил он.

—Верно. Следует сказать, чтобы пилу приносили в окопы!—подумала Москвитин, внезапно почувствовав сильный голод.

Худощавый партизан лет шестидесяти с бледным, как мрамор, лицом отупело глядел на Юферова.

—Есть хочешь?—спросил тот, перестав дышать челюстями.

—Ние-е,— вздрогнул партизан.—Боязно, страх как...

Это бырает,— согласился Юферов.—Ты следи до ветру. Перед боем поел. И портки унесешь...

И как ни в чем не бывало принялся за краюху.

—Этот не дрогнет,—удовлетворенно отметил Москвитин, добывая солонком.—Если бы все были такими!

Стояла безветренная тихая погода. Оголенные березы стыдливо опустили ветви, точно стараясь прикрывать свою наготу. Только впрямь жадно кружились над окопами, будто предчувствуя добычу.

Скучно сидеть в окопе и наблюдать бой и видеть над головой по-весеннему голубое небо и солнце. Воздух потеплел, голова идет кругом, ошарашенная принами запахами проталин. Скоро весна, жизнь, но над головами с криком носится воронка.

Пальнуть бы в них! Да нельзя. Будет сегодня на что истратить—стоить драгоценные для партизан патроны, десятки раз пересчитанные.

Он как не хочется человеку думать о смерти и таковой вогу! Но где-то уже послан патрон в латышник и навес лежит на курке. Скорее бы это случиться лицом к лицу и драться! В-бою забывается о смерти.

Где-то далеко, в стороне Суетихи загудел гром, Москвитин поднял голову.

—Зимой трон? Странно!—удивился он.

Но глупые раскаты, от которых вздрагивала земля, следовали один за другим с правильными промежутками. И вдруг, он услышал за спиной треск, будто несведомый вмякши и ярости рвал железо. Оглянувшись, Москвитин увидел снова просвета меж деревьев, как в селе рвутся снаряды.

Испуганно закричали коровы, завыл собаки, напуганные известие отбега надвигавшей грозой. А впереди добили бесперерывно. В небо влетали бревна, шепла, смешиваясь с черными дымами дыма.

—В летнем могут, подлень, напряженно глядясь в сторону села, пропал Юферов. Он отложил краюху, и подбородок изводного молко дромал.

—Артиллерию бы нам,—назоднул он, принимаясь пересчитывать патроны.

Все, что находилось в окопах, обернулось в сторону Бирюсы,

где разитывалась тропка. Срядом несло крышу и одним домом, где-то горели лабры, пыльный дым клубился над селом. Наступая партизанам на ноги, окопу пробирался глянкой в сажу, замыкавшийся.

—Газы в снарядах пускаются, дохнет...—с трудом выговорил Москвитин.

—Ступай на левый фланг, тердай приказ, чтобы нагнать быды.—сказал Москвитин.

Связной исчез, а Яков Миронович, сложив ладони вперевы, всматривался в сторону тропы. Он скорее почувствовал, что истинный вой снарядов привелись другие звуки, короткие, тонкие, но кто-то озорной пролетал мимо по невиданному частоту.

—Фить! хить!—простыли над окопами, и Москвитину показалось, что белая кора соседних берез гаруг стала рабой.

—Пулеметы,— буркнул Юферов, прижав к брустверу.

—К бою готове!—приказал Москвитин, все ещё недоумевая, куда бьют пулеметы.

—...товсь!—пробежало по окопам.

—Без приказа—не стрелять!

...не стрелять!—передавали друг другу партизаны.

Пули свистели лавной, выверивая воздух, но пулеметчики были наугад, не залез партизан с южной стороны гракта, словно под снега, вдруг появились земля и побежали к окопам с выносом итаперевес.—У-пра-за!—звонкая гул снарядов, взметнувшись лесом душераздирающей волной, тесно двинулись серой лавной все ближе. Партизаны отвечали, но безотрадаемым шепотом, барахтались в снегу.

—Планы,— заметил кто-то.

—Паску встречают. Говорит, душа убившего в святой праздник прямо в райский трактир идет,— подхватила Юферов, напроган годос.

Цена красильниковцев приближалась. Уже были видны перекошенные дробой лица, открытые рты, нарывающие вопли, и штыки искрились на солнце.

—Бей!—выбросил руку с зером вперед, скомандовал Яков Миронович.—Огонь!

—Огонь!—повторили в окопах.

Точно невероятных размеров молот грохнул по наклонные. Блкий пороховой дым повалил на землю. Упали, хватая руками воздух, бежавшие вперед солдаты, закричали и предсмертной тоской тяжело раненные. Смерть гуляла по полю, будто радунсь облаком добычи.

—Дожись!—крикнул дымовый офицер, размахивавший штыком.

В рухнула в снег солдат, цепляясь к земле, спешивший, но не успев лечь офицер. Песа посланная Юферовым, деркнула его.

Гуше прежнего выпалась пулеметные пули, впились в брустверы. Оглян, сваливаясь на дно окопа, смертельно раненый Юферов, вострикнул окровавленную Юферов, переключил штыком правую и продолжал стрелять. Снова поднялись в атаку красильники, скучившись, кланья вкладки пуле.

—Огонь!—в самодобном кричит Москвитин, и маузер вздрагивает в его руке, выходящий из тада.

Катится к горизонту солнце, обрывая лучами землю, багряный вечер, а бой не умолкает же минуту.

Подходит к Москвитину снежные дождики, обездвижен. Он биты атаки красильниковцев в болоте, с потерями ушел белее в правый фланг. Теперь из окопа ступит к тракту, видимо, считают они пробить атаку брешь и вернуться в село.

—Миронович, прикажи из окопа назануть,— кричит на ухо марштру латыш.

—Давай!

(Продолжение следует.)

Редактор И. КОЛМАКОВ.

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение.)

Начало в № 86 за 1956 г.)

Пушка окатилась дымом, засистела карточь, а вслед застрекотали трещотки. Усилили огонь партизаны, стараясь поддержать свою маленькую хитрость.

Изумился поручик Федоров, услышав оружейный выстрел и пулеметные очереди со стороны партизан.

— У них подкрепление пришло, — загадками солдаты, пятясь от дерева к дереву, подавшие в тыл. Расстрелялись красильниковские цепи, дрогнули, побежали.

— Еще залп! — командует Москвитин и вдруг видит, что Юферов самозабвенно шелкает затвором вхолостую.

— Патронов нет! — подполз к командиру связной.

— Передай в мастерскую, чтобы сейчас же прислали.

— Не успеют!

— Расстреляю... — орет Москвитин, размахивая маузером перед носом связаного.

— Ложи горят, стволы перекалились, — хрипло сказал Слезкин, стоявший на месте убитого Чуркина.

Редкие выстрелы хлопают в окопах, и белые уже отхлынули скрываясь в перелеске.

Но там происходит что-то невероятное. Строчат пулеметы, дико орут люди...

— Лыжники... — вздохнул Москвитин и опустил ослабевшие вдруг руки.

Обойдя красильниковцев с запада, лыжный отряд оказался в тылу белых.

Новенькие японские карабины взяты на изготовку, люди скользя быстро, хотя снег, изъеленный солнцем, стал жестче.

— За мной! — воскликнул Жичкин, выбираясь на обочину тракта.

За ним ичился Степан Петров, Александр Мамаев, Павел Быков, Эрнст Беркен, отчаянные в своей решительности. Лыжников шестьдесят человек.

Первыми их заметили с броневаков чехи, отдышавшие после артоподготовки.

— Экий пале на дощечке идэ! — воскликнул чешский солдат, указывая на партизана.

Но лыжники, едва показавшись, скрылись в лесу, заходя белым в тыл. Рассыпавшись редкой цепью, они шли бесшумно, готовые и

любую минуту открыть огонь.

Впереди в сумерках вечера сидели снега, и по лесу грохотали отзвуки боя, то умолкавшие, то вспыхивавшие с новой силой.

Вырвавшись вперед, Шерстнев Роман и Раев Костя, а за ними бывший начальник железнодорожного разъезда Точильный — Чуркин, однофамилец солдата шестой роты, увидели за кустом лежавших в снегу красильниковцев. Белые не подозревали, что их обошла, и продолжали беспорядочно отстреливаться. Они находились в асбесте, и лыжники видели спину каждого солдата.

У вывороченного корня старой сосны пулеметчики, находившиеся между первой и второй цепями, послали в сторону партизанских окопов длинные очереди. Вдоль залегших цепей пробежали офицеры, в чем-то горячо убеждая солдат, то и дело отпоздавших подалше от линии огня. Видимо, это возымело действие. Отступление прекратилось, и белые, поднависши в рост, вновь пошли на окопы, откуда слышались жидкие выстрелы.

А лыжники были совсем близко. Не успело потонуть в грохоте выстрелов белоохранское «ура», как шестьдесят лыжников, бросив боковой кланч, открыли стрельбу, в упор поражая маячившие перед ними спины красильниковцев. Вторая цепь белых, ошарашенная неожиданностью, смешалась. Утопая в снегу, солдаты распознали, кто буда.

Удлинная красильниковский офицер, командовавший наступлением, услышав выстрелы и крики в тылу. Повернувшись лицом в сторону, откуда шли лыжники, но солдаты второй цепи разбрелись по березняку, и трудно было понять, кто откуда наступает. Сбитый с толку пьяный офицер принял своих же солдат за партизан.

— Паи! — приказал он пулеметчикам, и те, повернувшись, ударили, не жалея патронов.

Слоно скошенный камыш, падали от огня своих же пулеметов белые.

Поняв лыжники ошибку белоохранцев и, обойдя разбегающуюся вторую цепь, бросились на пулеметы. Подскочив вплотную к выкорчеванной сосне, Чуркин швырнул гранату, но она не взорвалась.

— Сдавайся! — коротко выдохнул он, прицеливаясь в пулеметчика.

Стелуза воздух очередь, ужалани партизана десетки стальных шмелей, и он неловко тинуасгеловой перед дулом пулемета. Сдаовавшие за ним Раев, Шерстнев и Агаев Гурьян залегли за деревьями.

Попытался было встать офицер, хотел выкрикнуть команду, но Агаев слыства курок. Белоохранец шагнул вперед, споткнулся и упал, чтобы никогда не подняться.

Ночь укрыла землю черной тьмой. Угасали выстрелы, только крики раненых казались все усиливались. Подобрав часть трупов и искалеченных товарищей, белые под прикрытием ночи, отходили к Суетику, потеряв в этом двенадцатичасовом бою более трехсот человек.

Передышка

В Бирюсинском бою партизаны потеряли семнадцать человек. Только среди бывших солдат шестой роты белоохранцев было вырвали двенадцать человек. Героически погибли однофамильцы Чуркина, нижеземский хлебороб Язук, шиткинский крестьянин Смолин и другие.

Труп железнодорожника Чуркина, который в бою был одет в драповое пальто и дубровные штаны, белоохранцами ухитрились раздеть догола.

Через неделю в руки партизан попала колчаковская газета, издававшаяся в Канске. Белоохранский корреспондент рассказывал «героично» красильниковцев, которые вынужден был закончить статью весьма плачевным тоном.

Наши доблестные отряды, перебив до 500 красных бангитов, почти одержали победу, но наступившая ночь, а также вылазка в бой двухтысячная орада большевиков помешали нашему командованию закрепить успехи.

В числе убитых большевиков обнаружен сподвижник Бича-Гаежного комиссар Чуркин, который вел банду. В кармане Чуркина найдены секретные документы.

Бирюсинский бой укрепил авторитет Шиткинского фронта. Ряд отрядов пополнялись, смелее стали выходить партизаны на боевые операции.

Шел апрель. Белые прекратили попытки новых наступлений, словно залечивали тяжелую рану.

(Продолжение следует.)

(Продолжение.)

Начало в № 86 за 1936 г.)

Развезло дороги, сошел снег на полях, только в лесу он оставался небольшими островками. Жизнь в деревнях шла своим чередом. Крестьяне готовились к севу, откармливали лошадей, но некоторые забросили хозяйство в предчувствии недоброго.

А весна гуляла по сибирским просторам. Она взломала лед на Бирюсе, испустила мелководные речки, пригрела тайгу. В теплом воздухе запахло землей, терпкими ароматами набухавших почек.

Выйдет в дозор партизан, послушает говор ручьев, вдохнет благодатные запахи весны, и тревожно сжимается сердце его, а руки просят работы.

Весна принесла партизанам и невзгоды. Труднее стало летучим отрядам выполнять операции. Раньше на лыжах подобно ветру скользяли отряды, а сейчас немало надо потратить времени, чтобы пешком ходить на боевые дела.

К концу апреля белые вновь зашевелились. Все чаще насканивала разведка на позиции партизан, завывались перестрелки. К деревне Еловая как-то на рассвете подскочили шесть всадников. Стоявшие в засаде Семенов, Андиферов, Атаев и Малка Никитин вспугнули их, и белые тут же скрылись. Немного позже до пятидесяти всадников появилась у дегтярных ям около Акульшега. Сбив десять человек, партизаны отбросили врага.

Стычки произошли на Грибановской заимке, где нижнеголовцы, перестреляв белых конников, взяли несколько ружей и чаш, которыми пользовались впоследствии постовые.

Чехи вскоре сожгли Грибановскую заимку. Точно помешанный ходил Герман Степанович Грибанов, роясь среди пепла. Ходили слухи, что зарыл жадный кулак сорок тысяч золотом да и сам потерял то место.

Белое командование прислало в Конторку своего представителя, который предложил начать переговоры о перемирии.

В будке блокпоста, что находится между Суеихой и Тайшетом, встретились парламентарии по пять человек с каждой стороны.

Партизан представляли Иван Бич, Яков Москвитин, Илья Москвитин и штабные работники. Со стороны белых переговоры вел полковник Зацепек, поручик Федоров, подпоручик Штудик и офицеры помладше чинами.

Угощая партизан ароматными папиросами, которые те с удовольствием курили, Зацепек сказал:

— Нам не к чему ссориться, господа. Я предлагаю объединить наши силы и начать борьбу против адмирала.

— Да. Это разумно. Хватит проливать кровь наших людей! — встала Федоров, бросая жгучие взгляды на Бича.

Бич слушал, чуть заметно улыбаясь. Когда полковник закончил, он сказал:

— К чему все это? Наше предложение более разумное. Сдайте нам оружие и катите на все четыре стороны — мы вас не тронем. А с Колчаком предоставьте возможность драться нам.

Полковник курил папиросы одну за другой. Он горячился, доказывая любовь чехов к партизанам.

— За все время существования ваших отрядов ни один чешский солдат не участвовал в боях против Бича-Тажного, — сказал он.

— У вас их пока не густо. Ведь я понимаю, к чему вы клоните, полковник, — спокойно отражал атаки Бич.

— О, нет же!

— Тогда сдайте нам оружие. Это логично.

— Хорошо, — после долгих споров ответил Зацепек. — Мы обдумаем ваше предложение и в ближайшие дни сообщим. А вы подумайте и о нашем.

Избушка находилась в кольце. До сотен партизан готовы были немедленно вмешаться, если белые попробовали бы арестовать командиров.

Прощаясь, Федоров искоса взглянул на Бича:

— До скорой встречи! — много-

значительно козырнул он

— До свидания! — улыбнулся Бич. В этот день по всему фронту не прозвучало ни одного выстрела.

В штаб-вагон никого не пускали. Часовой, развитой малый, при появлении полковника Зацепека встал во фронт и мгновенно загородил штыком вход в тамбур вагона.

— Приказано не пускать!

— Отставить! — сказал Зацепек, пытаясь отодвинуть винтовку в сторону.

— Говорю, нельзя, — рассердился часовой, упрямо сдвинув броне. — Атаман болен...

— Ну... ты, шкварка, — подбирая слова поострее, процедил полковник и, жестом пригласив садовавших за ним чехов, коротко бросил:

— Успокойте этого...

Часовой хотел было защищаться, но его подхватили солдаты и поволокли вместе с собой в тамбур.

Атаман полулежал в кресле, посасывая трубку. На столе попрежнему царил беспорядок, а количество пустых бутылок заметно увеличилось. Запах спиртного, казалось, навсегда пропитал воздух вагона, и Зацепек невольно прикрыл нос платком.

Не поднимая головы, Красильников, прищурившись, злобно посмотрел на вошедших.

— У болен, господа! — визгливо вскрикнул он, приподнимаясь. — Какого черта вам надо?

Не отвечая, Зацепек уселся рядом и, окинув взглядом расслабленное тело атамана, усмехнулся, еле заметно, краешком губ.

— Где ваша самоуверенность, коллега? — начал он тихим голосом. — Вас укачало, как девицу на корабле...

— Вон! — вскочил атаман, и было видно, как усы его смешно подпрыгивают.

— Спокойно! — оборвал его полковник, и чехи, словно по команде, подошли к нему. — Получен приказ, в котором вы выглядите весьма плачевно. — И, сбавив тон, добавил: — Тоже Аника-воин. С большевиками драться — это не бутылки опустошать.

(Продолжение следует.)

(Продолжение.
Начало в № 86 за 1936 г.)

—Подкусывать пришел! — вскричал атаман, неистово потрясая кулаками. — Наплодил здесь красных и хочешь сыграть...

Зацепек покачал головой, наблюдая за каждым движением атамана. Тот бегал по вагону, кричал, разбрызгивая слюну, и, наконец, выпив рюмку вина, устало опустился в кресло.

— Красильников себя покажет. Еще шапку ломать будете, крысы тыловые...

— Вам приказано явиться в Омск. Солдаты остаются под командой поручика Федорова. Вот телеграмма.

Красильников уничтожающе взглянул на полковника, не прищипывая к протанутой бумажке. Он был жалок, этот белогвардейский инквизитор, и Зацепек ни одним движением души не пожалел его.

— Вот такие паявальные сморчки и вершат судьбы своих народов, товарищи их до отчаяния! — подумал он, передергиваясь от охватившего его гнева.

Выпив для успокоения водки, Зацепек как бы между прочим сказал:

— На днях сюда придут чехословацкие и румынские батальоны. Руководить операциями против большевиков приказано мне. Всего хорошего, атаман.

Чехи, подткнутые, и хорошо пригнанной форме, вышли один за другим, оставив Красильникова в одиночестве.

Атаман лежал и курил, пуская к потолку кольца дыма. Ему действительно нездоровилось. Его раздражали и гудки паровозов на станции и чей-то говор за окнами. Порой он готов был выбежать из душного вагона и приказать солдатам взорвать, разгромить все это, и самому хотелось стрелять, убивать, но он, бессильный, словно придавленный чем-то, не мог сдвинуться с места.

Красильников был из числа тех, кто в угаре мнимых успехов кажется непреклонным, волевым, энергичным. Но как только успех изменяет ему, он становится полюбен тряпке.

Иван Андреевич Бич за все свои тридцать с лишним лет не держал в руках оружия. Он не имел представления о хитростях военной стратегии и тактики и направлял боевые дела фронта с помощью советов военных спецов, а большей частью полагаясь на свою интуицию.

Разношерстная партизанская масса, в которую наряду с деревенскими пролетариями втесались кулаки и всевозможные отщепенцы различных партий, была недостаточно сплоченной и дисциплинированной.

Нередко о намечавшихся партизанских операциях белые знали раньше, чем рядовые партизаны, ибо пробравшиеся в руководство кулаки делали все, чтобы вставить палку в колесо фронта. Не принимались решительные меры к различного рода подстрекателям и

панкерам, плохо велась партийная работа.

Фронт держался на энтузиазме пролетариев — ядра партизанских армий.

Мешали также и разногласия между командирами по поводу выполнения боевых операций.

Фронту нужен был партийный костяк, и ошибкой Бича явилось то, что он не сумел объединить большевиков в партийную организацию. Он все брал на себя, и многое был не в силах выполнить.

Упоенные успехами в Бирюсинском бою, командиры отрядов притупили бдительность, чрезмерно переоценивая свои силы.

Белое командование не дремало. На расчистку „Тайшетской пробки“ Колчак бросил несколько батальонов наемных солдат, вооруженных всеми видами оружия.

Черная тень нависла над Шиткинским фронтом, являвшимся крупным звеном партизанского движения в Сибири.

23 апреля рано утром часовые задержали на окраине Акульшета трех неизвестных в форме рабочих железнодорожников. Все трое вооружены.

— Нам командира, — спросили они часовых.

Обезоружив железнодорожников, часовые привели их в штаб. В просторной избе было чисто. Пол устлан свежесотканными половиками, на стенах вырезки из старых журналов, а из окна виден изгиб разлившейся и половодье Бирюсы и бесконечный массив тайги.

Евдоким Кочергин лежал на скамейке, заложив руки за голову. Здесь же находился Костя Москвитин. Огромный, он почти упирался головой в потолок и, прохаживаясь, невольно сутулился. Половицы жалобно скрипели под ногами богатыря.

Когда часовые ввели задержанных, Кочергин встал, оправив гимнастерку.

— В чем дело? — спросил он.

— Мне нужен командир, — сказал обросший густой щетиной железнодорожник. — Я по поручению комитета.

— Ежели по поручению, то выкладывай, — подбодрил его Москвитин. — Да вы садитесь. У нас за постой не платят.

Железнодорожники уселись на узкой скамейке, развернули кисеты, закурили.

— Слушай, товарищ, — наклонившись в сторону Кочергина, заговорил все тот же железнодорожник. — Мы, рабочие батальона путейцев, прибыли в Тайшет. Нас восемьдесят человек, столько же винтовок и один пулемет. Ну, комитет решил перейти на сторону партизан. Так вот вам надо сделать наступление, а мы поможем и станцию возьмем в два счета.

„Провокаторы“, — пришло в голову Кочергину, но, прислушиваясь, он видел, что люди говорят от чистого сердца.

Он разглядывал их руки, мозолистые, в ссадинах, с трещинами, где прочно въелась металлическая пыль.

„Нет, эти не могут притворяться“, — решил Кочергин, а вслух сказал:

— Хорошо, хлопцы. Мы обмозгуем, сообщим в штаб, а пока идите отдыхать.

В тот же вечер рабочие завода связались с батальоном железнодорожников и в своем несении подтвердили их готовность перейти к партизанам.

Заседание штаба фронта прошло бурно. Бич и Кочергин обсудили предложение повести наступление на Тайшет с четырех сторон. От Акульшета послать отряд в десять человек, со стороны Бирюсинки и нехогу — всего заместителем послать отряды в тридцать человек — трис а человек. С востока должен был наступать серафимовский отряд, а с востока — моголецкий.

В задачу акульшетцев было захватить станцию и вместе с железнодорожниками батальона путейцев чехов в эшелонах; могольцы должны были наступать с востока; серафимовцы выпало захватить аптеку, а бирюсинского и конторского батальонов — закрепить победу. Наступление должно было служить прикрытием Кочергину.

Кулаки, проникнув в штаб, немедленно сообщили Зацепеку. Подполковник вызвал в Тайшет четыре эшелона чехов, а батальон железнодорожников вывел под конвоем в Калку.

Тысяча солдат по приказу полковника заняла оборону на станции Первой и Второй. На эстакаде, угольном складе, водонапорной башне и ж/д вокзале были установлены пулеметы.

В Тайшет, к депонскому вокзалу пришли броневики и бронепоезд. Чехи заняли круговую оборону. Все было готово к бою.

(Продолжение следует)

Редактор И. КОЛМАКОВ

(Продолжение.
Начало в № 86 за 1956 г.)

Тайшетский бой

Партизаны не знали, что их секрет раскрыт. В предрассветных сумерках к Тайшету потянулись отряды Акульшетины бесшумно вошли и расселись по улице Березовой. Было тихо. Даже собаки не лаяли, сморенные предутренней сонью.

— Железнодорожники находите на продбазе у станции, — сказала Кочергина Москвитину Косте. — Надо послать разведку проверить.

Чехи хотя и знали о наступлении партизан, но не предполагали, что это случится так быстро.

В разведку на станцию пошли конники Владимир Попов, Ефим Бекарев и братья Бычковы. Они проскакали мимо чешских часовых, которым и в голову не пришло, что это партизаны.

Подказав к станции, разведчики спешили и вошли в помещение. Дежуривший у аппарата офицер удивился столь внезапному посещению. Он схватил было пистолет, но Попов, не раздумывая, выстрелял в него из винтовки.

Акульшетины услышали выстрел и сразу же повели наступление. Через несколько минут вокзал был занят партизанами.

— Бегите на пролунку, пусть наши выступают, — приказал Кочергина железнодорожнику.

Тот направился было к складам, но из темноты ударили пулеметы, и рабочий упал.

— За мной! — зычно командовал Костя Москвитин и повел часть отряда к эшелонам. Штыками перекроили часовых. Разъяренные партизаны открыли двери вагонов, и упор расстреливая спящих солдат. Крики ужаса, казалось, застыли над станцией. Чехи выбегали во дворах домов. Однако во втором эшелоне солдаты успели одеться и расселись цепью на подступах к станции. Перебегая до пятисот чехов, партизаны, встретив огонь соседнего эшелона, отпрыгнули к вокзалу.

— Ракету, — слышал голос, крикнул Москвитин, подбежав к Кочергину.

Ослепительно вспыхнула ракета, на минуту повиснув в воздухе, и тут с эстакады, с угольного склада, с водонапорной башни наперебой забили пулеметы. Пули врезались в землю, знояко шле-

тали в степу станицы, откалывая шепу. Москвитин, проклянув бога и всех чертей, выходил из гари.

— Кабы знал, что под носом пулеметы, и бы их своими руками взял. Упущены, разниш!

Огонь белых становился все сильнее. Гибли партизаны, дико кричали раненые, а пули свистели так густо, что могли перерезать человека назло.

— Держись, ребята, скоро наши поддержат, — сквозь грохот выстрелов слышался голос Кочергина.

Бирюсинский и Конторский отряды увидели ракету, когда подошли к Тайшетке. Обычно неслая, теперь эта речушка, вобрав в себя талые воды, разлилась широко, преградив отряды дороге.

— Надо обойти Тайшет и ударить с Бирюсинских еланей, — заговорила партизаны.

А раньше о чем думали? — сказала кто-то. — Пока будем обходить, акульшетины перебьют.

— Наступать через мост! — приказал Бич.

Побежали к мосту бирюсинцы, но со стороны водокачки вспыхнули пулеметные очереди, взвизгнули пули, заставив партизан попятиться. Охнул раненый Николай Гурков, отползая в кусты, и это еще больше охладило отряд.

— Люди гибнут, помощи ждут, — горячилась Беркен. — А мы тут прохлаждаемся.

Лицо Бича белее извести. Он велел послать разведку выше по течению Тайшетки, но и там разлив оказался широким.

Где-то в стороне станции несомненно тархтели выстрели, известно слышались пулеметные очереди.

— Командиры... — издевательски захрипел кто-то в отряде. — Акульшетины за гибель бросили...

— Замолчать! — одернул его Бич, весь дрожа, как в лихорадке...

Серафимовцы, разместившись на крестьянских телегах, выехали в Тайшет по Шелеховскому тракту. Еще не показались крыши домов, но все слышали ожесточенную пальбу в районе станции.

— Надо спешить, — встревожились партизаны, погоняя лошадей.

Но не успели выбежать из-за ельничка лошади, как навстречу им, со стороны тайшетских улиц, загрохотали винтовочные выстрелы. Вдвигались кони, вырываясь из

упряжи, и тупили от боли конности люди и, не слышав выстрелов командиров, расселись в лесу.

Серафимовский отряд без выстрела оказался вне боя. Нижнеголеуские партизаны под командой Николая Шелехова сумели пробиться к 10.00 часов к переезду и ударили в тыл вражеским на станцию чехам. Однако испытанные в боях белые солдаты перегруппировались и потеснили партизаны к кустарнику. На переезд подкатил бронеобла нижнеголеуской смертоносным линем.

— Почему не подходит бирюсинцы? — кричал Яков Степаненко, не отрывая глаз от вражеских винтовки. — Патроны кончатся.

Что мог сказать Кочергин, когда он и сам был в бесполое. Выбирая цель, Еваким брал верхника, и не один патронный солдат судорожно передергивал сбитый меткой пулей партизанского командира.

Рядом с Евакимом, широко раскинув ноги, лежал за шлангом насыпью Костя Москвитин. Его громовой голос перекрывал пулеметную пальбу. Кого только не исколот Москвитин, всем прадедам в бригаде досталось от него, и солдаты шаркались в сторону, не решаясь вести с ним перестрелку.

— Ендеха! — звал Москвитин Евакима. — Пошли конников, пусть прибудут к Тайшетке!

Кочергина догадался, о чем думает Костя. Следовало узнать почему не наступает бирюсинский отряд, ибо акульшетины, несли большие потери, не в силах были продолжать бой.

Вскочив на коней, стоявшие во дворе станции, пять конников уехали, обходя паровозное депо, расположенное в двухстах метрах от вокзала.

Полковник Зацепек, зная командовавший операциями, получив сведения, что бирюсинцы и серафимовцы задержаны, приказал перебросить шестьсот солдат с улиц Первой и Второй в лесах в тыл красным. Бесшумно свившись с позиций, чехи перебрались через западный переезд, обогнули туники и рассредоточились по ул. Березовой, перестреляв партизанских дозорных.

(Продолжение следует)

Редактор И. КОЛМАКОВ

(Продолжение.
Начало в № 86 за 1956 г.)

Осадил коней, посланные к Тайшетке партизаны заметили скопление чехов, двигавшихся в северо-западном направлении.

— Назад, — повернув коня, приказал Смолин, пригибаясь к гриве. Подскакав к станции, Смолин поставил лошадь и пошел к партизанам.

— Окружают, отходить надо, — доложил он Кочергину, оглядывая насыпь, за которой скрывались партизаны. Больше половины акульшетцев лежали без движения.

И вдруг совсем рядом грохнула орудийный залп. Снарядом разорвало двух выдринских партизан, и в тот же момент здание вокзала, занятое красными, вздрогнуло. Вверх взлетела крыша, и космы огня, дохнув в небо нестерпимым жаром, заплясали, пожирая бревна.

— Бронепоезд! Отступайте, — выбежали из охваченного огнем здания партизаны.

— Ложись! — заорал Москвитин и, забыв опасность, вскочил. — Ездока, веди конников, пробиваясь сквозь цепь, а я с пешими пойду, — почти командовал он, забыв, что командир здесь Кочергин.

Конники, прижимаясь ближе к домам, взяли с места и карьер. Оставшиеся партизаны, сбившись вокруг Москвитина, побежали следом, отстреливаясь на ходу.

Но на Березовой улице они замешкались. Прямо на отступающих шли со штыками наперевес чешские солдаты и русские белогвардейцы.

— Болашаника, сдавай! — кричали чехи.

Первый рубанул шашкой чешского подпоручика Штудика Евдоким Кочергин. Голова чеха раздвоилась, и на землю брызнули мраморного цвета мозги. Подняв коня и подбежавшего на выручку денщика, Кочергин норвался в гущу белых и сынал удары шашкой направо и налево, опрокидывая солдат. Конники, по примеру командира, рубили вставших перед ними чехов и, оказавшись позади их цепи, дали коням волю, скрываясь в лесу.

За конницей неотступно следовали партизаны, впереди которых, выпрямившись во весь свой огромный рост, бежал Москвитин.

— Бей в отру, дани! — кричал кричал Кочергин, размахивая прикладом винтовки.

Отлетел сбитый страшным ударом раскаты белоусый белогвардеец, пошатнулся как от черта, солдаты, уступая партизанам дорогу.

Пройдя сквозь цепь белых, горстка акульшетцев быстро уползла в лес.

Их не преследовали.

Черные клубы дыма распластались в тайшетском небе. По станции сновали санитары, подбирая убитых и раненых. Часть солдат была брошена на тушение пожара, но вокзал сгорел дотла.

Красильниковский батальон под командованием поручика Федорова рыскал по улицам, отыскивая не успевших отступить партизан. Они подбирали двадцать раненых и арестовали десять партизан, спрятавшихся в домах тайшетцев.

К вечеру в Тайшете царил покойствие.

Полковник Зацепек, находившийся в штабе, угрюмо принимал донесения. Он был явно недоволен исходом боя.

— Подсчитаны наши герои, погибшие за... а... солдаты, — докладывал полковнику канитан чешского эшелона. — Всего убитых триста тридцать семь человек, из них двести семьдесят убиты в гонгах.

— Дальше! — грохнул кулаком по столу полковник.

— Ранено сто сорок два, из них тяжело — семьдесят четыре.

— Пиррова победа! — скатываясь за голову Зацепек — Тысяча чертей! Я не в силах вынести этого!

— Партизаны варили били и спички и бросали гранаты... — горючно вставил канитан.

— Где подпоручик Штудик? Почему он не пришел? — обратился Зацепек к Федорову, молча наблюдавшему за каждым движением чеха.

Федоров, сделав грустное лицо и притворно опуская веки, сказал: — Штудик зарублен большевиками...

— О-о... — застонал Зацепек. Как это жестоко!

Офицеры, сидевшие вокруг полковника, сочувственно покачивали головами, изображая крайнюю печаль.

— Что прикажете делать с арестованными? — вкрадчиво спросил Федоров.

Полковник молчал, огупело глядя в потолок. Федоров повторил вопрос.

— Делайте, что хотите, только оставьте меня в покое, — махнул рукой Зацепек.

На другое утро на всем протяжении Московского тракта от Тайшета до Бирюсы, на каждой второй столбе закачались под весом истерзанные трупы повешенных белыми партизан.

У каждого на груди записка: „Бандиты Бича“.

Это были большей частью чешские крестьяне, имена которых пока остаются неизвестными.

Всего потеряли акульшетцы более ста двадцати человек — половину своего отряда.

— Позор! — горячился на заседании штаба Костя Москвитин. — Мы кровью истекали, а вы? — обвел в воздухе рукой в сторону сидевших за столом Якова Москвитина и Ивана Бича. Вы жрали мед на М.маевской пасеке. Вы же, так вашу...

Бледный от волнения Иван Андреевич Бич, избегая встретиться глазами с акульшетцами, сказал без большого запала:

— Мы оказались не у дел, — верно. — Погибли наши лучшие друзья лишь потому, что партизан было организовано наступление. Видимо, мы не созрели для проведения крупных наступательных операций и вынуждены перейти в оборону.

— Мозгами шевелить надо и меньше дрожать за свою шкуру, — не унимался Костя.

— Помолчи! — оборвал его Яков Миронович. — Это даже хорошо, что мы не ввязались в бой. Если бы знали, что в Тайшете было три тысячи белых. Могло бы считаться, что всему фронту кричать об этом.

Обсудив дела, командиры решили объявить в селах мобилизацию молодежи.

Тревожные вести поступали в штаб Шиткинского фронта. В конце Тайшетского боя красильниковцы арестовали и, злереки в вечер, повесили суетливого денщика Арсения Бича — брата Ивана Андреевича.

(Продолжение следует)

Редактор И. КОЛМАКОВ

(Продолжение.)

Начало в № 86 за 1956 г.)

В то же время был схвачен и расстрелян диспетчер Тайшетской станции Михаил Москвитин якобы за сочувствие большевикам.

Белые учинили расправы по малейшему подозрению, пытались запугать окрестных жителей, и под шумок террора готовили крупное карательное наступление на партизанские отряды.

Чешско-румынский штаб при содействии белогвардейцев разработал план наступления. На Акульшет предполагалось послать тысячу солдат, на Бирюсу — пятьсот, а на Конторку из Венгерки и Юрт — до восьмисот солдат.

К Тайшету и Суегихе стягивались бронепоезда и бронепоезда, оснащенные морской артиллерией.

Наступательные операции готовились в строгой тайне. Каждый день к партизанским позициям выезжал разъезд, в цель которого входило прощупывать силы красных.

Штаб Шиткинского фронта проявил в те дни неспособность руководить огромной массой народа. Не искушенные в военном деле штабисты проводили м-су митингов, произносили пламенные речи и совершенно не беспокоились об обучении молодых партизан военному делу.

Слабо функционировал и ревтрибунал, благодушно относился к грубейшим нарушениям дисциплины. Часть партизан, находившихся при своих дворах, готовилась к посевной страде, забыв о ратных делах.

В воскресенье, 13 мая, в окопах на Бирюсинской горе дежурила молодежь. Оставив винтовки и ружья, парни, покуривая цыгарки, разговорились о вечерках, о новых сапогах, словом, обо всем, что могло прийти в голову молодому крестьянину.

В беседу включились и пожилые партизаны.

Около полудня со стороны Суегихи к окопам подошла белогвардейский разъезд. Еще издали заметили партизаны конников. Приложив ладонь к глазам, Илья Макаров долго рассматривал белогвардейцев, невозмутимо покачивавшихся в седлах, и сказал:

— Ишь обкакали. Среди белых два гарцуют...

— Не бойся, — перебил его Алексей Пестерев. — К окопам не поспеют...

Однако конники, погоняя коней, рысью несаясь все ближе и ближе.

— Стреляй! — опомнился кто-то из партизан, но было поздно. Белогвардейцы с налета бросили в окопы по несколько гранат. Вдруг стало тревожное лесное эхо, ти-

желым гулом прокатилось по окрестности.

Пестерев и Макаров, пронзенные осколками, так и не встали из окопов. Кричали от пестеринской боли раненые парни и в страхе ползали по земле, оставляя кровавые следы. Белые быстро установили ручные пулеметы и прощали тех, кто пытался отстреливаться.

Перебив партизан в окопах, разведчики повернули пулеметы и застрочили вдоль улицы Бирюсы, сбивая одиночные фигуры людей.

Услышав разрывы гранат Яков Миронович Москвитин схватил маузер и выбежал из штаба.

— За мной! — приказал он партизанам, толпившимся у крыльца.

И бросились бирюсинцы выручать попавших в беду товарищей. Однако когда заговорили пулеметы, все в ужасе рассыпались кто куда, оставив Москвитина одного.

Только успел Яков Миронович подбежать к бревнам, что лежали недалеко от моста, как вдруг югу его ожгла невыносимая боль. Пуля вошла в бедро и разорвалась там.

Оглядевшись командир, хотел позвать на помощь товарищей но вокруг никого, только белогвардейские пулеметы наперебой грехотали с горы, поливая свинцом ело.

«Наступают белых, — преследовала мысль. — Конец отряду».

И как бы в подтверждение Москвитин увидел на горных конных солдатах.

«В плен возьмут, подлечь, издеваться будут», — подумал он, и рука потянулась к маузеру.

На мгновение ощутил увеская холодную сталь ствола.

— Прощайте, товарищи! — прошептал командир, превозмогая боль в бедре.

Глухо прозвучал выстрел. В последний раз исполнил свою задачу маузер и упал из слабевших его рук. Вспыхнули глаза командира нестерпимо красные

огни, и мир навеки погрузился в темноту.

Всполошились партизаны, увидев гибель Якова Мироновича, подскочили к нему, но поздно. Икнул несколько раз Москвитин и застыл.

А белые разведчики ускакали довольные успешным оборотом дела.

Вечером подобрала бирюсинская группа убитых, положила на телеги, и весь отряд, свернув покатки, оставил Бирюсу, направившись в Конторку.

Гибель Якова Москвитина потрясла Бича. Никогда не плакал этот стойкий человек, но тут не удержался.

Обсудив донесения связных и взвесив все плюсы и минусы, командиры отрядов решили оставить села Бирюсу и Акульшет и сосредоточиться в Конторке.

Решение было выдано этой же ночью. Отряды снарядились ведино. Командование фронтом было поручено Кочергину.

Была солнечный майский день. Весна гуляла по Сибири, давала землю благодатным теплом. Те, кто шел за гробом Москвитина, а также за телегой, где лежали партизаны, погибшие на Бирюсинской горе, навсегда запомнит этот день.

Похоронная процессия направлялась в Нижнюю Замку — родню Якова Мироновича. В скорбном молчании шли люди, а у них за спинами колодно поблескивали штыки.

Все население Нижней Замки собралось на кладбище, где была вырыта могила для Москвитина и братьев — для шестнадцати партизан.

Полосует под майским ветром алые знамена с черным крепко тысячная толпа людей стоит молчаливо, скорбно всматриваясь в лица тех, кто еще недавно находился рядом с ними.

(Продолжение следует.)

Редактор И. КОЛМАКОВ.

Нижне-Удинский фронт призывает до сведения граждан Шиткинского района о том, что производится перевозка пассажиров, багажа груза на самолетах «ПО-2» по маршрутам:

Маршрут	стоимость пассажира, билета	стоимость перевозки багажа (1 кг)	стоимость перевозки груза (1 м ³)
Шитка Нижне-Удск	140 руб.	1 руб. 40 коп.	1 руб. 10 коп.
Шитка — Черяпино	130 руб.	1 руб. 30 коп.	1 руб. 05 коп.
Шитка — Кондратово	105 руб.	1 руб. 05 коп.	— 85 коп.

Заявки для приобретения билетов принимаются начальником посадочной площадки т. Ливанским за сутки раньше до отлета самолетов

С помощью механизаторов Ропинской МТС и шефов—ленинградских предприятий на свинадворе был проведен водопровод, смонтирована повешная дорога, оборудована кормокухня.

...открыли от трех месяцев до пяти заготовленную с осени рябину, а также рыбий жир. Молодняку старшего возраста по указанию зоотехника в кормовой рацион добавляют хвою. Применение кормов, содержа-

щих витамин В, позволило повысить произвест в 1957 году 80 центнеров свинины на каждые 100 гектаров пашни и пять трудящихся Ленинграда как можно больше свинины.

В. Сныткин.

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение.
Начало в № 86 за 1956 г.)

И вот все видит Бича. Он сильно постарел, только глаза, полные мужества, пламенные глаза, смотрят в сторону убранных цветами телес, на которых покоятся погибшие.

—Товарищи!— говорит Бич, и его голос крепнет.— Мы потеряли лучших своих друзей, отдавших жизни за пламенное дело революции. Мы все знаем их мужество, их преданность Советам и сделаем все, чтобы отомстить кровавому палачу Колчаку.

—Отомстим!— грозно гудит толпа.

—Это не первые и не последние жертвы,— продолжает Бич.— Враг еще злобен и силен, и от него никому из нас нет пощады, за мы и не просим её. Кровь наших друзей пламенеет на наших знаменах, она скрепляет нас неразрывными узами, и пусть дрожат контрреволюционеры перед гневом народа.

—Долой Колчака!

—Да здравствует мировая революция!

Гремят прощальные залпы. Один за другим подходят к могилам партизаны, бросая горстку земли на гроб.

Многие плачут. Навзрыд плачут санитарки Тоня Кочергина, Шура Денисова и Мотя Козлова. Немало пришлось повиждать им крови и лазаретах, на руках у них умер не один партизан, и каждая смерть оставляла в их душе рану.

Костя Москвитин, в последний раз взглянув на красный гроб, засыпаемый землей, взял с телеги маузер брата и, поцеловав, громко произнес:

—Я беру его, как память о тебе, Яша. Проклятая контра еще услышит твой голос...

И отошел в сторону. Если бы кто наблюдал за ним, то увидел бы, как дрожат богатырские плечи Кости и голова трясется в беззвучном рыдании.

После похорон в штабе фронта собрались командиры. Командо-

вание отрядом Якова Мироновича поручили Косте.

Тайга пробудилась от долгого зимнего сна. Подернулись розоватой пленкой гибкие лозняки, обступившие ручьи и озера, вспухли почки черемух, обновили свой наряд ельники, покрывшись бледно-зеленой хвоей, а небо, лазурно чистое, вежливо ласкает землю.

Из-под толстых мхов тянутся к солнцу желтые и синие подснежники, покачивая в такт ветру свои бородатые венчики. Еще неведая, другая, и под жарким солнцем выбросит тайга море зелени, заглядывая в воду бирюсы кучерявые березы, а ветер разнесет по всюду тонкие благоухающие ароматы.

В одно майское утро, когда в воздухе было тепло, как в печной отдушине, и кругом буйно расцветала всякая растительность, вышла в дозор в сторону Юргловские партизаны, держась неподалеку от Московского тракта.

Шли гуськом, по-охотничьи, держась друг от друга на почтитель-

кислоте, выскли огля, — Хорошо как, а воздух же первача, аж дух захватывает, —глубоко затягиваясь, выскли Федорович.— Эх, с плугом по земле и зерно чтоб хлеб-сам сто росло! — Успеешь еще, паразит! — ворчал Иванов, тряс головой на тракт.

Но примычно шумела где-то высоко залитисто, но проснувшийся жаворонок тонкий слух Иванов среди этих звуков какой-нибудь неслыханный им рожок ворчал чудный мегафон зверь.

—Слышишь?— спросил дорювача.

Тот послушал, затянул же и, накинув винтовку, резко встал.

—Сдается, броненик мы.— Я то же думаю.

Они пошли навстречу, приготовившись к бою, но одолели и трехсот метров за низкорослого сосняка рез им выбежали чехи, перед собой винтовки с пугами к ним штыками.

Пись

Организациям и всем нам помощь в похоронны Чугуновой, и всем сим сердечную благо-

И.

(Продолжение.)

Начало в № 86 за 1956 г.)

Спит Евсей, похрапывает, и снится ему страшный сон, будто черт перед его носом трещотку крутит, а кругом чертенята от радости приплясывают, копытцами постукивают.

Проснулся в страхе Евсей, вылил на голову ковш воды и уже было хотел снова в кровать рухнуть, да возьми и подтолкни его непонятная сила глянуть в окно, за которым уже давно рассвело. Глянул и обмер.

Недаром черт снился! Прямо к околице деревни двигался железный дом с пушкой впереди, а за ним солдаты в погонах иностранной армии.

Точно плетью ожгли Евсея. Куда девалась сонливость.

„Партизан в Конторке предупредить надо, не знают, поди, родимые“.

Выбежал Евсей в подштанниках во двор, вывел из стайки коня и, не оседлав, вскочил, погоняя его босыми пятками.

— Держи его! — исполошились офицеры, но Мамаев уже скакал далеко, скрывшись в перелеске.

Конторка, обитая предутренней тишиной, беззаботно спала. Даже часовой, обычно дежуривший у штаба, куда-то ушел, видимо, покурить где-нибудь у рано проснувшегося хапоплативого мужика.

Осадив у штаба коня, Евсей прыгнул и побежал по холодной, росной земле к сигнальному рельсу. Схватив кувалду, он ожесточенно грохнул ею по рельсу, потом еще и еще.

Над деревней подняли тревож-

ри отряд и отбивая чехов у тракта. Трусов расстреливайте на месте...

И Бич скрылся в штабе. Через несколько минут он вновь появился, неся подмышкой связки документов. Приторочив бумажные кипы к седлу коня, он вышел на улицу, стараясь быть невозмутимым.

— Товарищи! — перекрывая крики и визг людей, сказал он! — Сохраняйте порядок. Пока все не уйдут из деревни, партизаны не покинут окопов. Спокойнее, товарищи... Отступайте в Нижнюю Замку.

Увидев партизанского вожака, крестьянки примокли, прижимая к себе напуганных детей. Мимо Бича потянулись наспех запряженные подводы, доверху заваленные крестьянским скарбом.

Снаряды ложились все гуще и гуще. Это действовала артиллерия бронепоездов, стоявших где-то у Суетихи и Венгерки.

В грохот разрывов теперь влились отзвуки пальбы, завязавшейся на тракте и на горе, окружавшей Конторку полукольцом.

Бич вытащил из кармана наган с красной кисточкой у рукоятки, шелкнул барабаном и зашагал к реке, где стоял резервный отряд Петрова, в задачу которого входило прикрывать отступление.

Приглядевшись, Бич заметил, что партизаны рассыпались по канavam и стреляют и противоположный берег реки. Там за лесом находилось село Бирюса.

— В кого они стреляют? — подумал Иван Андреевич, вглядываясь в очертания берега. Он невольно вздрогнул, заметив там движение множества людей и лошадей.

казал оставшимся отступить в сторону горы.

Пробегая деревней, партизаны видели пустые дома и палицами на улице кем-то оброшенные вещи.

Когда поранились с резервом отрядом, Кости снял шапку, сделал в последний раз Конторку. Снаридами разворочило несколько домов, горела западная сторона береговой улицы и только оставленные кем-то на привязи собаки отчаянно выли, напоминая, что деревня недавно была обитаемой.

С юга потянуло теплым запахом ветром, по реке прошла рыба.

— Глядите, Бирюса горит, — указывая рукой на противоположный берег, грустно сказал Бич. — Глядите и запомните, хорошенько запомните, ребята.

И пошел заметно поредевший отряд, направляясь из восток, по дороге, ведущей в Нижнюю Замку.

Покидая Конторку, партизаны оглядывались, будто прощаясь навсегда с родным селом.

В деревне уже мелькали фигурки чешских и русских солдат. Фигурки металась от дома к дому, чем-то обливая их из ведра.

— Смотрите, что они делают! — упрямым голосом сказал Москалин.

— Керосином обливают, разнесено, — буркнул Бич.

Всюду на дороге были видны следы отступления. Валилась пылью брошенная кем-то тряпичная кукла, старый полушубок смешалось с землей просыпанное пшено, мука.

И деревня делала сердца партизан, а руки до боли сжимали винтовки. На горе все солдаты, солдаты...

су. Схватив кувалду, он ожесточенно грохнул ею по рельсу, потом еще и еще.

Над деревней поплыли тревожные звуки. Распахнув окно, из штаба выглянула заспанный Бич, без певне. Подслеповато шурясь, он сердито посмотрел на Евсея.

— Слурад, что ли? — выругался он.

А Евсей, переминаясь с ноги на ногу, остервенело колотил в рельсу.

Перемахнув подокошник, Бич подскочил к Мамаеву и схватил его за руку.

— Чего взбеленился?

Дико сверкнув глазами Евсей, затряс бородкой.

— Белики в Еловой, тыща будет, и дом едет железный, с пушкой, ой, беда...

— Толком говори, — встряхнул его Бич. — Какие беляки?

— Чехи в погонах, сюда по горе и по тракту прут, видимо-невидимо, спасайтесь!

Понял Иван Андреевич, что нагрянула беда неожиданно-негадано. А тут вдруг железом заскрежетал поезд, и снаряды стали ложиться прямо у штаба.

Конторку словно подменили. Захлопали калитки, на улицу выбежали крестьяне от малого до старого, выводили скот, выбрасывали пожитки.

— Беда! Скорее уходите, — слышались голоса.

Дико взвизгивали женщины при каждом разрыве снаряда, плакали дети, рвели животные. Страх охватил людей.

— Козлов и Ильин, — кричал надрываясь у штаба Бич. — Берите людей и на гору. Бейтесь, пока не спасем всех. А ты, Костя, бе-

— В кого они стреляют? — подумал Иван Андреевич, вглядываясь в очертания берега. Он невольно вздрогнул, заметив там движение множества людей в погонах.

— Окружены, — мелькнула мысль. — Если на горе чехов не огобьют, — кришка*.

Петров, лежавший близко от дороги, увидел Бича, улыбнулся измазанным землей ртом.

— Ложись, Андрейч, а то подшибут, как поробья. Их там сотен пять, видишь? Хорошо, что мы паром повремя успели спустить вниз... Как там Москвитин? Держится?

— Держится.

— А на горе?

Толке задержали. Как только мирные жители уйдут за камень, сразу уходите, иначе... Они с четырех сторон прут.

Все реже становилась вереница телег, уходящих по дороге в сторону Нижней Замки, все ближе к селу слышался грохот боя. На северной окраине деревни, истекая кровью, дрался отряд Кости Москвитина. Но трудно было сдерживать напор численно превосходящего врага. Сначала белые атаковали виао. Оказалось, что их танк застрял в болотистом месте тракта. Его долго вытаскивали, и когда стальная машина, надрывно урча, поползла на Конторку, чехи сразу же оттеснили партизан к окопанию.

Москвитин чертом метался под ураганим огнем, призывая партизан держаться. Но люди, види, что враг все равно сомнет их, уползли в тайгу. Отряд разваливался.

Надо было что-то немедленно предпринимать, и Москвитин при-

сменилось с землей просыпавше-

И деревня не сердилась партизан а руки до боли свисали вниз.

На горе все громче тараторили пулеметы. Не жалел патронов. Две прочесывали лес. Они выжили отряд Ильина, и тот соединился с отрядами Козлова, скакаясь вниз.

Кончались и без того скудные запасы патронов. Перебегая деревья в дереву, уходили к дереву партизаны на соединении с чехом.

Отступая, Козлов Иван в мгновение задержался на хребте горы, где раскинулась поляна. Огляделся и застыл, пораженный увиденным. Внизу, на месте Бича торчки плескало сплошное пламя, там, где было село Бирюса стоял гигантский столб адовеще черной дыма. Дым двух горючих сплетался высоко в небе, раскинаясь асидно черной тучей.

Жара доходила до гор. Ни тут стало душно, и он растерял ворот рубахи. Захотелось пить. Он погнался на змеища в горой русло реки и раскопал газа еще шаре. Вобрав в рот отблески пожара, Бирюса выкроваивая дентой, унес с собой дымящиеся бревна, заброшенные в воду взрывами снарядов.

Кто-то дернул Игната за рукав. Это был Евдоким Котеркин, красный от напряжения, с иррадирующими глазами.

— Убегай к камню, зашился черт, на ходу стреляй и выжидай врата.

(Продолжение следует)

Зам. редактора
И. КУЗНЕЦОВ

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продолжение.
Начало в № 86 за 1956 г.)

Игнат отбежал и встал за широкий ствол сосны. У другой сосны укрылся Кочергин. Туда, где они только что стояли, выбежали из чаши четыре солдата.

Игнат почувствовал, как в виски стукнула кровь. Он прицелился и слушал курок, ощущая вдруг непонятное наслаждение.

Солдат, что-то кричавший своим товарищам, указывая в сторону сосен, умолял на полуслове, опрокинувшись навзничь. Игнат выстрелил еще и еще. Кочергин тоже стрелял.

На поляне остались лежать с перекошенными лицами чужие обманутые солдаты. Они никогда уже не увидят свою родину.

— Гляди! — шептал Евдоким, шмыгнув глазами в полыхающее над Конторкой море огня. — Твоя родина горит. — И, помолчав, добавил: — И моя...

Они, поддерживая друг друга, спустились к берегу реки, где под скалой их ждали партизаны. Здесь же был Бич.

В воздухе сильно пахло гарью.

Расправа

Ворвавшись в Конторку, бело-гвардейцы рыскали по домам в поисках партизан. Они поднимали из штыки и бросали в вылазющий амбар большую старуху, прикололи ребенка в люльке и, не найдя больше ни одной живой души, принялись обливать дома керосином.

— Что вы делаете? — запротестовали чешские солдаты.

— Мы у себя дома, — отпарировал Федоров.

Обогнув горящую Конторку, юртинский отряд волчаковцев соединился с остальными и, выстроив вперед конницу, бросился вслед отступавшим партизанам.

Поиск наступавший на Акульшет, сжег и эту деревню, расстреляв несколько десятков крестьян.

Острые ударов чешские и бело-гвардейские полки направили теперь в сердце партизанской республики — Нижнюю Замку.

Первым в Нижнюю Замку пришел конторский санитарный отряд. Их встретили работники центрального госпиталя. В спешном порядке фельдшера и сани-

тарки переносили на пласты раненых, медикаменты, продукты.

Долго плыли госпиталенские пласты. Шли дожди. Промок весь провиант, а пристать к берегу и разложить костёр санитарки боялись; огонь мог привлечь шпионов, шнырявших во всех направлениях.

Много жутких часов пережили санитарки, спасая жизнь раненых. Когда удавалось устроиться на ночлег в безопасном месте, тотчас заводили трофейный граммофон и плясали, стараясь забыть горе.

Закрепились было партизаны в Шиткине, но вскоре были выбиты и оттуда.

И снова плыли пласты по Бирюсе. Как-то легли санитарки отдыхать в селе Шелаево, но вдруг им сообщили, что чехи в двух километрах. Снова на пласты и в путь. Потеряли связь с фронтом. Семьдесят раненых и пять сестер героически боролись с невгодными. Те, кто был спасен ими, навсегда запомнят их имена. Это шестнадцатилетние Мотя Костенка, Катя Сидорова, Тоня Кочергина, Дуся Яковлева, Александра Денисова-Кривичка.

Наконец приплыли к старой,

полуразрушенной мельнице. Старик-мельник дал на восемьдесят человек краюху хлеба.

Но вскоре пришла весть: фронт прекратил отступление и перешел в контрнаступление.

Как это было

Задержавшись в Шиткине, штаб фронта, предполагая, что белые прекратили преследование, послал сто всадников под руководством Кочергина Евдокима и Москвитина Кости в Кежму, откуда ждали наступления карательного отряда Зверева.

Проехав трехсоткилометровый путь, отряд Кочергина разгромил многочисленные кулацкие банды, хорошо вооруженные, запасы продовольствием и вошел в Кежму. Однако белых здесь не оказалось. Проведя ряд операций по разгрому кулацких ополчений, отряд направился в Шиткино, но в пути получил известие от Бича, что фронт отошел далеко за Шелаево из-за предательства кулацких элементов.

В Бунбуе к Кочергину примкнули блатские партизаны. Здесь они создали съезд и избрали начальником штаба большевика Михаила Петровича Богдановича — старого подпольщика-ленинца, присланного партией в Сибирь.

Командующим фронтом назначили Евдокима Кочергина. Был

назначен штаб, избранный большинством в Шиткине. В это время отсутствия Кочергина сотни

Богданович решительно проводил действия партизанов в местной железную дисциплину, создал трибунал, председателем которого был назначен Николай Федосеев, расстрелял предателей и трусов. Переживавшись, партизанские отряды вошли в Шелаево.

Однажды к Богдановичу явился двое неизвестных, назвали себя партизанами Тасево фронта. Это были Алексей Яковлев и Владимир Филимонов, арестованные. Однако Маша просила Бича, чтобы тот позволил им драться с белыми.

— Я красный партизан, мне, — говорил он. Ему велели вернуть двадцать человек.

С этой горсткой отчаянных храбрецов Алексей Машаков был румынский батальон вчетвером, а затем, пополнившись за счет партизан, сформировал после отступления фронта в Кежму, нанес еще ряд смелых ударов по чешско-белым войскам, заставив их отступить от Лоймы.

(Продолжение следует)

Зам. редактора

Н. КУЗНЕЦОВ

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Продол. см. в

Начало в № 86 за 1956 г.)

Удивились и штабе, называли ашукова и предложили командовать фронтом. Кочергин с удовольствием пошел к Алексею в помощники.

Шиткинский фронт ожил. Посетовавшись с командирами, комиссар фронта Иван Бич предложил отогнать чехов от Шиткина и начать наступление на железную дорогу.

— Красная Армия гонит Колчака по всем фронтам, надо помочь ей, — доказывал Бич.

Его предложение приняли.

Конец августа 1919 года. Приближающаяся осень чуть тронула леса позолотой. Почернела смородина, красно стало в тайге от россыпей брусники.

Легче добывали теперь партизаны пищу. Тайга кормила ягодой, орехом, грибами, съедобными травами, дичью.

Пойма — село тасканое. Отсюда до Тайшета 230 километров, а рекой и того больше. В те августовские дни Пойма представляла собой военный лагерь. По улицам сновали конные и пешие партизаны, увешанные оружием, где-то пищали граммофоны, а в штабе неутомимо строчили пишущие машинки.

Богданович, свежесвыбранный, в чистой хошевой рубашке, насвистывая песенку, перечитывал только что отпечатанные листовки.

— Слышь, Ваня, — обратился он к сидевшему за столом Бичу. — За твою голову чехи обещают двадцать тысяч золотом. Выходит — золотая твоя голова.

Оба рассмеялись. Бич встал из-за стола, прошепел по комнате.

— Надоело бездействовать. Надо гнать контру, пока можно. Предлагаю нанести удар чехам в районе Черчета. Там крупная их часть. Есть сообщение, что они готовятся к походу на Пойму. Вот и надо встретить. В разведку пойду я.

— Не рискуй. За тобой идет охота.

— Взор! Кто узнает?

— Я советую остерегаться.

Иван Андреевич обхватив руками стул, оседла его и совсем тихо сказал:

— Пойду к чехам в тыл, выведаю их секреты, а потомотрежем им все пути отступления.

Ежедневно в штаб фронта приходили тревожные вести о разгуле белого террора. В Сергино белоохраны окружили в бане прибывших домой на побывку партизан Толкачева и Яковлева. Толкачев бросился бежать, но его уложили выстрелом в спину, а Яковлева изрубили в куски.

В Шелазево белые арестовали рабочих Белкина и Губкина и через двадцать часов после зверских пыток расстреляли в Тайшете.

В Нижней Займке чехи схватили восьмидесятилетнего Власова и его сына, а затем Архипа Коршунова за то, что те помогали красным продовольствием.

Всех троих повели к Бирюсе на расстрел. Старик Власов понатужился, порвал веревки на руках и, мгновенно высвободив спутников, ударом кулака спих конвойного. Архип Коршунов и младший Власов бросились к реке.

Власовых нагнали и изрубили в клочья. Коршунова подстрелили в реке, но он сумел уйти.

Предатели Омельченко, Лебедев и другие выдавали партизан и сочувствующих им ежедневно.

Но приходили и другие вести. Красная Армия успешно теснила Колчака. По всей Сибири партизаны трюмили беликов, не давая им отдыха.

Шиткинский штаб по поручению центра послал с отрядом в Кежму смелого, находчивого партизана Николая Аваньевича Бурлова и тот, соединившись с перешедшими на сторону красных солдатами офицера Зверева, организовал знаменитый Ангарский фронт.

Гражданская война в Сибири входила в завершающую стадию. Колчаковская армия была на грани гибели.

Вечерело. Красные языки заката лизали тихую гладь Бирюсы. Глухо гогочут перед сном глухари в сосняке, где-то на опушке тайги пищат бурундуки, пахнет прелыми травами, а сумерки все плотнее облегают землю.

Тишина застыла над деревней Пойма. Подыхают на улицах костры, разложенные партизанами.

Из избушки, что стояла по-над берегом реки, вышел человек семнадцать вооруженных людей. Им подвели лошадей, и вскоре вечернюю сонь нарушила покат копыт. Всадники, обогнув огорода, скрылись в тени леса.

— Бич в разведку пошел, — сказал рыжий партизан, вытаскивая из костра печеную картошку. — Скоро и нам пора выступать. Эх, жарко будет!

— Штаб наступление готовит, — подкинул ему Привалихин. — Приказано быть наготове.

А разведчики уходили все дальше, сторонясь больших дорог. Там, где мелководная речушка Пойма уходит круто к Бирюсе, густые заросли лозняка рассекла хорошо наезженная дорога. У ветхого мостика, переброшенного неизвестно кем, разведчики спешились и, отогнав лошадей в распадок, залегли в лозниках.

— Поедет разведка белых — не трогайте, пусть проскачет, а как появятся основные силы — бейте в упор и отступайте к распадку, а там по коням и кто куда. Белые увлекутся погоней, а тут Машуков им в спину. — разъяснил партизанам Бич.

— Понятно, — сказала смуглолицый Николай Бугаев. — У нас все будет в ажуре.

— Вот добре! А я тут на хуторок загаяну, документы приведу в порядок.

И Бич, натянув поводья, затрусил на своей серенькой кобылке по мелколесью, к хутору латыша, служившего у партизан связным.

(Окончание следует.)

А. Петров.

ШИТКИНСКИЙ ФРОНТ

(Окончание.)

Более часа ждали разведчики вражеский дозор. Уже заболели бока, а трава под лодьями так примилась, что не подняться ей больше к солнцу, но вокруг все было тихо. Только птицы перекликались в темной чаще, да шуршали в траве змеи и бурундуки.

— Может, они и не пойдут здесь, усомнился партизан в кожаной куртке и удивительно рваных штанах, каким-то чудом державшихся на том же теле...

— Сообщено точно, Богдановича не обведешь, — отозвался Насыров.

— Тише... едут... — оборвал их Мамзев, щелкнув затвором.

Около двадцати всадников на сытых сибирских конях, небрежно развалившись в седлах, проскакали перед самыми носами разведчиков.

— Рожи-то, подлещи, отъели, аж завидно, — тихо вздохнул партизан в кожанке.

— Известно, буржуи...

Вдруг где-то в стороне хutora залаяли собаки, грохнул выстрел, и все умолкло.

— Как бы Бича не сцапали, — прислушиваясь, встревожился Насыров.

— Дудки Бич из любого дела вывернется.

Иван Андреевич пил чай, разглядывая лежавшую на столе карту. Его внимание привлекло лошадиное ржание. В избу вбежал старик-латыш, руки его дрожали.

— Беги, Иван, румыны...

Выхватив Бича револьвер, выбежал на крыльцо, но поздно. Румыны уже заметили его коня и, оббегав сабан, окружили Бича.

— Кто такой? — спросил офицер в чине прапорщика. — Большевик?

— Никак нет, — вступился латыш.

— Молчи, дед, — оборвал его офицер. — У него свой азык есть. Кто такой?

— Крестьянин, — сказал Иван Андреевич, сунув руку в карман.

— Обыскать!

Два рослых румына приблизились к комиссару, но Бич, выхватив сабан, выстрелил. Однако офицер опередил его, хлестнув саблей по руке Ивана Андреевича. Бич выронил сабан.

— Большевика, командира... — загалдели румыны, цорювя ударить Бича. Били долго, с ожесточением. Черниде крути попадали в глаза партизана, и он потерял сознание.

— Кто он? — закричал офицер, когда к нему подвели полупомешанного батрака, прозванного крестьянами Макашкой Долгим.

— Энтот? — переспросил Макашка. — Так ведь главный самый...

— По коням! — скомандовал офицер. — А плешного привяжите к телеге, да крепче. Телегу возьмите у деду, да и его тоже прихватите.

Засыпав тонот возвращающегося дозора, разведчики всполошились.

— Никак Бича привадили гады!

— Так и есть. Телегу где-то подцепили. Кто-то лежит в ней.

Только приблизились румыны к

мосту, грохнувший выстрел. Слетели с коней десять солдат, распластавшись на дороге, трое бросились наутек, а оставшиеся завязали перестрелку.

Бросившись к телеге, разведчики разглядели Бича и охнули. До неузнаваемости изуродовали враги комиссара, живого места не оставили.

— Жив, Иван Андреевич?

— Жив, — прошептал тот.

— Встать сможешь?

— Смогу.

— Иди через речку к Машукову, а мы тут этих гадов добьем.

И разгорелась перестрелка с новой силой. Встал, шатаясь, комиссар, побрел, сам не зная куда, напрямик через лес. Он шел долго, потеряв много крови. Пройдя километров шесть, наткнулся на пустое зимовье, зашел туда и лег на лавку, обессилев.

Бой у моста разгорался. Румынские конники вышли на помощь дозорным, но их тут же отбили подоспевшие партизаны Машукова.

— Где Бич? — спросил после боя Машуков.

— Ушел, — сказали партизаны. Они не заметили в горячке сражения, куда пошел комиссар.

С трудом перевязав кровоточащие раны, Иван Андреевич лежал, дожидаясь посыльных Машукова. Вскоре он услышал цокот копыт. В избушку вошли три чеха.

— Кто здесь есть? подозрительно приглядываясь к Бичу, спросил они.

Комиссар молчал.

— Ба а, — воскликнул один из солдат. — Где партизанишь!

Наутро Бича доставили в чешский штаб, находившийся в деревне Черчет. Здесь жила семья Ивана Андреевича, жена с детьми, которых белые жестоко преследовали.

— Кто такой? — спрашивали Бича в штабе.

— Крестьянин, случайно в переплет попал, — с трудом отвечал комиссар.

И страшные удары обрушивались на Бича со всех сторон. Теряя сознание, он громко стонал, его облили холодной водой и снова били.

— Мне кажется, — говорил штаб-капитан немецкого отряда, — что мы поймали крупного зверя.

— Да, да, — поддерживали его штабисты. — Его внешность говорит о многом.

Привязав к телеге, Бича водили по деревне.

— Знаете этого? — спрашивали офицеры у крестьян.

— В первый раз видим, — крестился тел, опуская глаза. Бича — то они знали давно, но разве можно выдать существование такого человека — защитника их интересов.

У самой крайней избы, где неизвестно как оказался Макашка, Бича держали дольше обычного.

— Кто узнает этого человека — получит награду, — повторяли чехи.

— Я хочу награду, — выступил вперед Макашка Долгий. — Я знаю его. Это Иван Бич. Широко открыл глаза офицеры, захохали, не

скрывая радостного изумления, подхватили комиссара и в тот же день повезли в Тайшет.

„Бич-Таежный пойман! — сообщали они всюду по деревням, — Партизанам крышка!“

В тот же день белогвардейские и наемные войска покинули деревню, отступив к Тайшету. Враги подзали, что, схватив Бича, они тем самым лишили Шиткинский фронт головы. Они просчитались. Штаб фронта через неделю разослал отряды во всех направлениях. Борьба продолжалась.

Полмесяца Ивана Андреевича лечили лучшие врачи. Все белогвардейские газеты печатали крикливые статьи и портреты Бича, сообщая о поимке комиссара.

Ивана Андреевича вместе с другими арестованными держали под стражей в вагоне. Друзья устроили ему побег, но больной — он не смог убежать.

5 сентября 1919 года белые согнали на станцию всех жителей Тайшета. На угольной эстакаде привязали петлю.

Бич шел на виселицу твердой походкой, бесстрашный, решительный. Он попросил слова. Ему разрешили.

— Товарищи! — сказал Иван Андреевич. Враги думают, что поймали Бича. Нет, они не Бича поймали, а бичевские. Бич там. Он придет вместе с многотысячной Красной Армией и захлестнет ненавистных врагов революции. Пусть не ждут они пощады...

— Толкай его! — крикнул Зацепек палачу.

Так и погиб организатор Шиткинского партизанского фронта большевик Иван Андреевич Бич.

Его тело висело на эстакаде больше недели. Проходили внизу паровозы, обдавая его дымом, а он все висел, призывая к мщению.

Подкупив стражу, его сняла сестра и схоронила в Тайшете, сбив гроб из дранья.

Эпилог

В этих очерках трудно осветить богатый событиями 1919 год в нашем районе. После смерти Бича партизаны усилили нападения на врага. Летели под откос поезда, гибали полки белогвардейцев. У партизан появились новые винтовки, много патронов, пулеметы.

В январе 1920 года в Тайшет вступила Красная Армия.

Шиткинский фронт вошел в знаменитую тридцатую сибирскую стрелковую дивизию, штурмовавшую Переконь.

В числе лучших командиров в штурме Чонгарской переправы участвовал Евдоким Кочергин. Его грудь украсил орден Красного Знамени.

Многие участники фронта живы по сей день. На Украине работает М. П. Богданович. Он руководитель крупного треста. Степан Петров работает техником в Тайшетском мясокомбинате, а Н. Федосеев, К. Привалович, А. Мамзев, Насыров, Быков и десятки других — ныне пенсионеры.

На
радио
звезда
ны
пора
матов,